

Стивен Каллахэн

В ДРЕЙФЕ

*СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТЬ ДНЕЙ
В ПЛЕНУ У МОРЯ*

Иллюстрации автора

Ленинград
Гидрометеиздат 1990

ББК 26.89
К12

STEVEN CALLAHAN

ILLUSTRATIONS BY THE AUTHOR

HOUGHTON MIFFLIN COMPANY

ISBN 5-286-00327-3

Copyright © 1986
by Steven Callahan
© Перевод на русский язык,
Гидрометеоиздат, 1990

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности	4
Предисловие	7
Введение	,11
Судовой журнал «Наполеона Соло»	15
Обнаженные нервы	29
Ведьм заклятье вражье — голод и жажда	45
Бегство в мечту	82
Сотворение мира	116
Крик и шепот	149
Дважды в ад и обратно	179
Сорный путь	199
Летучий голландец	214
Смерть	234
Жизнь	243
Только человек	250
Эпилог	261

*Эта книга посвящается всем,
кто знает ныне, пережил ранее
или еще познает в будущем
страдание, отчаяние и одиночество*

БЛАГОДАРНОСТИ

К созданию этой книги прямо или косвенно причастно множество людей. Во-первых, те, кто познакомил меня с парусом и обучил всему тому, что позволило мне в конце концов выйти живым из этой передрыги; особую признательность я испытываю к своим родителям и воспитателям из бойскаутской организации, в частности — к Артуру Адамсу. В осуществлении своих замыслов, включая постройку яхты «Наполеон Соло», мне оказывала поддержку моя бывшая жена Фриша Хьюджесен, проявившая немалое терпение. Крис Лэтчем помог мне добиться поставленной цели, решая вместе со мной различные практические проблемы технического характера.

Я благодарен Дугалу Робертсону, автору великолепного пособия для терпящих бедствие «Выживание в море», весь тираж которого, к сожалению, ныне уже распродан. Семьи Робертсонов и Бэйли, а также все прочие путешественники, прежде меня испытавшие то же самое, были моими неразлучными спутниками, так как в плавании меня сопровождали их книги, из которых я почерпнул множество практических советов и которые в трудную минуту не раз оказывали мне моральную поддержку.

Возможно, я никогда бы не ступил больше на берег, если бы не удачная встреча в море с братьями Паке и Паулином Уильямсом. Эти добрые люди весьма своевременно выручили меня на финальной стадии моей одиссеи, а затем вместе с другими жителями острова Мари-Галант добросердечно заботились о том, чтобы я поправился.

Неоценимую моральную поддержку мне оказала Кэти Массимини, чьи редакторские советы имели колоссальное значение при написании этой книги. Наверное, у всякого автора есть своя Кэти, которая помогает ему преодолеть все трудности и не бросить дело на полпути, но вряд ли на свете найдется много людей, наделенных такой верой, таким терпением и такой чуткостью.

Очень многим я обязан Гарри Фостеру, редактору издательства «Хотон Миффлин», за то, что он поверил в меня, сумел все терпеливо выслушать и направить твердой рукой в нужную сторону.

Я хотел бы также высказать свою признательность всем людям, содействовавшим проведению поисково-спасательных операций, и всем, кто, не теряя надежды, продолжал передавать информацию обо мне и «Соло», даже когда для нее закрылись официальные каналы. Кроме всего прочего, эти люди оказали моей семье огромную моральную поддержку. К числу тех, кого я хотел бы здесь поблагодарить, принадлежат радиолюбители-коротковолновики Уильям Уэнклин, Фрэнсис Картер, редакция журнала «Сэйл», компания «Худ сэйлмейкерс», Оскар Фабиан Гонзалес, семья Стеггаллов, Бэт Поллок, Хэйдэн Браун, редакция «Крузинг уорлд», покойный ныне Фил Уэлд, Маттиас Экаун, его друг Фредди, Морис Бриан; кроме этих людей было еще много других. Я должен поблагодарить также и своих родных за те усилия, которые они приложили, чтобы меня разыскать, за их верность.

И, наконец, я хочу выразить свою благодарность морю. Оно многому научило меня в жизни, хотя и было моим самым главным врагом и главным союзником. Разумом своим я понимаю, что море безразлично к человеку, но его щедрость позволила мне выжить. Отдавая мне золотистых дорад, оно, можно сказать, жертвовало своими детьми ради моего спасения.

Всем сердцем я надеюсь, что остаток моих дней окажется достойным тех жертв, которые были принесены во имя моей жизни.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все, что здесь рассказано, происходило в действительности. С тех пор прошло уже три года. Тогда какие-то вещи казались мне важнее и сейчас уже не производят такого яркого впечатления, как прежде. Например, одной из наиболее могущественных сил, с которыми сталкивается мореплаватель, равно как и другие люди, чья деятельность непосредственно связана с окружающей средой — фермеры, водолазы, альпинисты, — является погода. На суше мы и не замечаем циклонов, хотя они приносят проливные дожди и ветер, скорость которого достигает 35 миль в час. Для нас ничего не стоит, накинув плащ, добежать до автомобиля, а из него — до дверей конторы. Но в открытом море капризы погоды чреватые серьезными последствиями. В Атлантике ветер со скоростью 35 узлов вызывает опасное волнение на мелководье или в местах, где проходят сильные течения. Мне приходилось видеть вздымающиеся за кормой громады высотой 25 футов. Такие волны небезопасны даже для таких сравнительно крупных судов, как траулеры. Встреча с блуждающей волной-убийцей во время такого шторма означает неизбежную гибель. Малейшее усиление ветра немедленно сказывается на судне: палуба уходит из-под ног, температура падает, из чашки выплескивается кофе. Не менее ощутимо наступление штиля: обвисшие паруса начинают хлопать, дергается такелаж, температура подсакивает с 10 до 35 °С. Чем меньше судно, тем острее ощущаются на нем перемены погоды. К сожалению, сейчас я уже не могу во всех подробностях припомнить капризы погоды, которые мне пришлось испытать на плоту.

То же самое относится и к некоторым другим подробностям этого плавания. В моей памяти живо встают отдельные картины — например, запечатлевшийся однажды образ океана,— но я не всегда могу сказать, к какому именно дню относится это воспоминание. Описанные здесь события воссозданы с помощью подробных записей, которые я тщательно заносил в судовой журнал. Однако, записывая обыденные вещи, я не вдавался в частности. Я старался передать здесь общее впечатление или же суть отдельных событий, но знаю наверняка, что мои описания зачастую слишком слабы и приблизительны, чтобы вызвать у читателя живое ощущение происходящего.

Приводимые в тексте сведения о ходе поисково-спасательных операций, предпринятых моей семьей и береговой охраной, заимствованы из нескольких источников. В большинстве случаев я сверялся с записями в оперативных журналах береговой охраны и официальными извещениями, а также с журналом, в котором моя семья регистрировала свои действия и все добытые ею факты. Несколько фактов опираются исключительно на семейные источники, хотя они, как правило, подтверждаются свидетельством незаинтересованных лиц.

Кое-что по-настоящему прояснилось по прошествии времени, и мое собственное восприятие событий трехлетней давности претерпело определенные изменения после возвращения к сухопутной жизни. Тем не менее в этой книге я стремился изобразить все пережитое мною не в сегодняшнем свете, а сохраняя по возможности непосредственную свежесть впечатления. В те дни события, казалось, следовали одно за другим, как звенья неразрывной цепи. А задумав писать книгу, я разделил все дневниковые записи на две категории: факты и мысли. К первой категории я отнес детали виденных мною в океане судов, описание пойманных рыб, встреченных акул и т. д., а ко второй — причислил свои ощущения в тот момент и размышления над фактами. Из этого материала я строил отдельные главы, посвященные различным этапам плавания, основываясь на своих непосредственных впечатлениях. Конечно же, я никак не могу поручиться, что мне действительно удалось отобразить те прежние ощущения, не переосмысляя их по-новому.

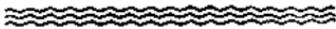
Одно для меня совершенно очевидно, и с этим я решил смириться,— пережитое мною не поддается точному изо-

бражению. Истинная правда, заключенная в этой истории, подобна платоновской форме. Это некая совершенная модель, которая в реальной действительности представлена лишь в виде бледной копии. После моего возвращения многие люди описывали мою историю. Некоторые привязывали к ней христианские догмы, некоторые расценивали ее как романтическое приключение, а иные видели в ней откровенно голливудское трюкачество. Пускай их себе! Я не в обиде: ведь и мое собственное изложение -- только несовершенное отображение того, что мне довелось пережить.

Отчасти это даже и к лучшему. Ноли бы я мог правдиво передать здесь всю глубину испытанного мною ужаса, никто бы не захотел читать мой рассказ. Я не стал твердить в каждой строчке о своих мучениях и отчаянии. Я стараюсь говорить с читателем спокойно и даже шутить. Я рассказываю о себе так, словно мои чувства и ощущения существуют сами по себе, отдельно от рассудка; в действительности же такого не бывает, и ни одна часть моей личности в продолжение всех тех недель не была свободна от боли и отчаяния. И потом, если бы я постоянно подчеркивал весь ужас своего положения, то читать мое сочинение наверняка было бы попросту скучно. В действительности дела мои обстояли так скверно, что скучать было некогда, однако читателю следует помнить о том, что в борьбе за выживание среди монотонно повторяющегося кошмара выпадают и проблески: поучительные минуты созерцания и размышлений.

Чаще всего меня спрашивают: «Неужели ты после этого еще ходишь в море?» Ответ мой прост: «А что мне еще остается делать?» Не знаю, но, проболтавшись десять лет под парусами, вряд ли можно вдруг заделаться астрофизиком или начать слоняться без дела по Баури-стрит. Море для меня -- и работа, и отдых, и дом родной. Море открыло передо мной столько родов деятельности, что всеми овладеть -- целой жизни не хватит. Океанография, аэродинамика, астрономия и здравый смысл в подходе ко всем проблемам -- необходимые составные части науки практического мореплавания; гидродинамика, физика, инженерные знания, способность к интуитивной экстраполяции суть основы проектирования судов; без сноровки в ручной работе и сведений из области

металлургии, столярного дела и технологии пластмасс не обойтись в практическом кораблестроении. Я мастер на все руки, поглощенный страстью к исследованиям. Где еще как не здесь найдет применение своим способностям человек, отличающийся тем, что знает по-немножку обо всем на свете? И где как не здесь легче всего найти область неизведанного, куда не ступала нога человека?

ВВЕДЕНИЕ

Определить, где начинается та или иная история и где она кончается, всегда непросто. Тем не менее некоторые события — какой-нибудь романтический вечер на лоне природы или путешествие — имеют сравнительно четкие границы. Все это я условно называю целостными отрезками жизни. Первые двадцать девять лет моей жизни составляют такой целостный отрезок, который к этой книге не имеет отношения. Но в те годы были посеяны семена, из которых выросла эта история. Нередко люди спрашивают меня: как случилось, что я оказался в подобной переделке? Откуда я узнал, что нужно делать? Была ли затонувшая яхта новой или уже испытанной ранее? Почему я отправился в морское плавание на таком маленьком суденышке? Ответы на все эти вопросы представляют собой неотъемлемую часть рассказанной здесь истории, являются основой всего последующего. А заложена эта основа была в 1964 году, когда я двенадцатилетним мальчишкой увлекся парусным спортом.

В парус я влюбился с первого взгляда. Я мог бы назвать миллион причин, объясняющих, чем он так сильно меня пленил — тут и непосредственное общение с природой, простая жизнь, необремененная «современными неудобствами» (по выражению кораблестроителя Дика Ньюика), и просто красота, но все эти причины можно вкратце свести к одной: я наконец нашел то, что нужно.

Пока я не занялся парусным спортом, то думал, что, родись я в XVIII веке, поселился бы где-нибудь в горах. Затем я увлекся историей парусного флота и стал бредить фрегатами, которые, пробиваясь сквозь бури, огибали

мыс Горн; я упивался романтикой и приключениями минувших веков. А уже познакомившись с парусом, я спустя некоторое время прочел книгу Роберта Мэнри «Тинкербель». В июне 1965 года Мэнри на 13,5-футовой яхточке за семьдесят восемь дней пересек Атлантический океан, побив прежний рекорд подобного плавания. Невзрачное суденышко и такой успех, которого достиг Мэнри на своей скорлупке, задели какую-то струнку в моем сердце. Благодаря Мэнри я открыл для себя, что и в последней трети двадцатого столетия тоже возможна жизнь, полная приключений.

С тех пор я загорелся мечтой пересечь Атлантику на небольшой парусной яхте. Шли годы, и постепенно я приобретал необходимую сноровку. Я читал книги о великих морских путешествиях, о покорении Тихого океана Хейердалом и Уиллисом на плотках и о кругосветных путешествиях Слокама, Хискоков и Газуэлла.* Накануне окончания средней школы я принимал участие в строительстве 40-футового парусника; с 1974 года я уже стал профессиональным судостроителем и перебрался жить прямо на борт яхты; в 1977 году я уже занимался проектированием судов и отваживался ходить в океан до Бермудских островов; с 1979 года проектирование яхт и преподавание этой науки стало моим главным занятием. И все это время где-то в подсознании, не покидая меня ни на минуту, жили Мэнри и его «Тинкербель», его пример вдохновлял меня, и моя жизнь обрела смысл и цельность.

В 1980 году я продал свой 28-футовый тримаран и все имевшиеся в моем распоряжении средства вложил в постройку маленькой крейсерской яхты, получившей имя «Наполеон Соло». Гигантскую помощь в этой работе мне оказали моя бывшая жена Фриша Хьюджессен, мой хороший друг Крис Лэтчем и множество других людей. Проект «Соло», хотя и не отличался особой новизной, все же был не совсем обычным. Мы вложили все наше умение в создание изящного, хорошо уравновешенного

* В настоящее время имеются переводы на русский язык: Хейердал Т. Путешествие на «Кон-Тики». На плоту от Перу до Полинезии.— М.: Молодая гвардия, 1955; Уиллис У. На плоту через океан,— М.: Детгиз, 1959; Уиллис У. Возраст не помеха.—Л.; Гидрометеиздат, 1969; Слокам Д. Один под парусами вокруг света.—М.: Географгиз, 1960.

судна с вылизанными обводами, превосходно управляемого как при маловетрии, так и в штормовых условиях. «Соло» был для меня не просто яхтой. Я знал в нем каждый винт и гвоздь, каждую планку. «Соло» был для меня живым существом, моим детищем; среди моряков такое отношение к кораблю не редкость. Морское крещение «Соло» принял в 1000-мильном переходе из Аннаполиса к берегам Массачусетса, когда мы с Крисом провели его сквозь череду тяжелых осенних штормов. Весной 1981 года я уже был готов повторить то, что до меня сделал Мэнри.

В мои намерения не входило устанавливать по его примеру новый рекорд. Длина «Соло» составляет 21 фут с небольшим. Немногие суда подобных размеров пересекали Атлантику, но среди них были все же и 12-футовые. Для меня же это плавание имело скорее духовный смысл, я ощущал себя как бы пилигримом. Кроме того, оно должно было послужить мне мерилom моих возможностей и доказать, на что я способен как мореплаватель, инженер и кораблестроитель. Я загадал — уж если я сумею благополучно добраться до Англии, это будет означать, что мне удалось добиться своей цели во всем, что было задумано. Из Англии я предполагал продолжить плавание сперва на юг, а затем на запад, участвуя в трансатлантической гонке одиночек, известной под названием «Мини-Трансат». Это позволило бы оценить ходовые качества «Соло» и оказаться в конечном итоге на Антигуа; весной будущего года я рассчитывал вернуться в Новую Англию и, таким образом, завершил бы круговое плавание по Северной Атлантике. Для того чтобы соответствовать квалификационным требованиям «Мини-Трансата», мне необходимо было пройти на «Соло» в одиночку 600 миль, и поэтому я вышел на старт Бермудской гонки, маршрут которой протянулся от Ньюпорта до Бермудских островов. От Бермудских островов в Англию мы собирались плыть вдвоем с Крисом.

Когда я покидал Соединенные Штаты, из принадлежащего мне имущества на берегу оставались только кое-какие инструменты. Большинство страховых агентов отказывалось даже говорить со мной о страховке «Соло», а те, которые соглашались, заламывали такие непомерные взносы, что дешевле обошлось бы купить материалы

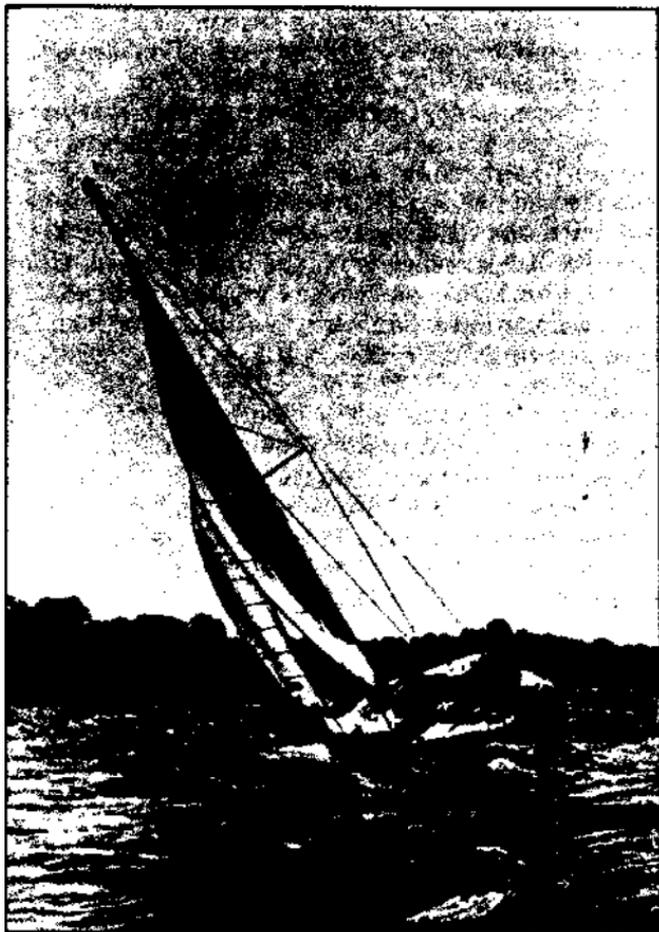
для постройки новой яхты. Я решил путешествовать на свой страх и риск. Своим близким я объяснил это так: в самом худшем случае я рискую погибнуть, но тогда мне не нужно будет ломать голову над получением страховки. Если у меня погибнет яхта, это, конечно, тоже плохо. Однако эту беду со временем можно поправить, нужно только набраться терпения. Я знал, что многим случалось потерять судно, но все как-то выкарабкивались.

Многие мои друзья никак не могли понять, зачем мне надо было предпринимать такой вояж, почему нельзя испытать себя иначе, не пересекая Атлантики. Но океанское плавание было для меня не просто испытанием личности. Еще в самый первый раз, когда я вышел под парусом в открытое море, то ощутил волнение духа, которое не покидает меня и до сих пор. В первом своем дальнем переходе к Бермудам я стал воспринимать море как храм. Это моя душа призывала меня к странствию.

Один друг посоветовал мне записывать свои мысли, что будет только полезно для тех, кто считает меня безумцем. Поджидая на Бермудских островах Криса, я, сидя под пальмой, записал следующее: «Как жаль, что я не в силах описать чувства, владеющие мною в море. Если бы я мог выразить те терзания, тот страх и безысходность, описать красоту, сопутствующую грозным зрелищам природы, духовное единение со всеми живыми тварями, которые обитают в стихии, несущей и мое судно! Ощущение жизни обретает невиданную мощь, которая раскрывается перед нами, когда мы выпускаем из своих рук бразды правления и просто реагируем, живем, боремся за свое существование. К религии я в сущности равнодушен. Моя собственная космология запутанна и не согласуется ни с какими церковными или философскими учениями. Но для меня выйти в море означает узреть лик Господен. Море напоминает мне о моем ничтожестве и о ничтожестве всего рода людского. Какое прекрасное чувство — глубокое смирение».

Бросок через Атлантику вместе с Крисом был просто опьяняющим — бури, быстрый бег яхты, киты, дельфины. Тут было все, что нужно для приключения. А когда мы подошли к берегам Англии, я понял, что кончилось все, чем я жил от рождения, и теперь для меня начнется новая эпоха.

*СУДОВОЙ ЖУРНАЛ
«НАПОЛЕОНА СОЛО»*

«НАПОЛЕОН СОЛО».

ГЛУБОКАЯ НОЧЬ. УЖЕ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ДЕРЖИТСЯ густой туман. «Наполеон Соло» деловито рассекает волны, направляясь к английским берегам. Курс наш пролегает в непосредственной близости от островов Силли. Необходимо соблюдать крайнюю осторожность. Высокие приливы, мощные течения, интенсивное движение судов — все это создает опасность для маленькой яхты. Мы с Крисом в четыре глаза вглядываемся в окружающую мглу. Внезапно перед нами вырисовывается маяк, стоящий на каменистом островке, а высоко над водой вспыхивает его луч. Сразу же становятся видны и обрушивающиеся прибойные волны. Мы слишком близко от камней. Крис стремительно перекладывает румпель под ветер, а я выбираю шкоты, чтобы «Соло» шел параллельно скалам. По времени изменения пеленга на маяк мы рассчитали расстояние до него — меньше мили. По карте, дальность его видимости 36 миль. Нам еще повезло, потому что туман стоит сейчас не такой плотный, как нередко случается в наших американских водах у Побережья штата Мэн. Не удивительно, что за один только ноябрь 1893 года целый флот — 298 судов — разбился вдребезги на этих скалах.

На следующее утро мы выбрались из белой пелены тумана, и вот «Соло», мягко покачиваясь на океанской зыби; спокойно скользит, подгоняемый легким бризом. Мы неторопливо втягиваемся в залив, возле которого приютился город Пензанс. Обычно море тяжело колотит в гранитные утесы Корнуолла, печально известного полуострова на юго-западе Англии, взыскавшего с мореплавателей обильную дань кораблями и человеческими жизнями. Пасть залива таит в себе немало опасностей, таких, например, как нагромождение скал, именуемое мыс Лизард.

Небо ясно, и светит солнце. Море спокойно. За прибрежными утесами виднеются зеленые поля. За двухнедельный переход от Азорских островов мы привыкли дышать соленым морским воздухом, и сейчас запах земли кажется нам благоуханием. Под конец морского перехода у меня всегда бывает такое чувство, словно я доживаю последнюю страницу волшебной сказки, и сейчас оно охватывает меня с особой остротой. Крис, единственный матрос в моем экипаже, разворачивает легкий стаксель. Он взмывает над водой и плавно проносит нас мимо

деревушки под названием Мышиная норка, притаившейся и расселине между скалами. Вскоре мы заходим за высокий каменный волнолом порта Пензанс и надежно швартуем «Наполеон Соло». С подачей швартовых концов подведена черта под трансатлантическим переходом маленького «Соло». Наконец достигнута последняя цель — главная в череде задач, которые я поставил перед собой пятнадцать лет назад. В те далекие уже теперь дни Роберт Мэнри научил меня не только мечтать, но и добиваться исполнения своей мечты. Сам Мэнри сделал это на крошечном «Тинкербеле». Я повторил то же самое на «Соло».

Мы с Крисом взбираемся по каменной кладке набережной поискать таможню и ближайший паб. Оглядываюсь вниз на «Соло» и вижу: это судно — мое отражение. Я замыслил его, создал и направлял его ход. Все мое имущество заключено в нем. Мы вместе завершили эту главу моей жизни. Теперь пришло время устремиться за новой мечтой.

Крис скоро уедет, а я продолжу путешествие один на один с «Соло». Я заявил свое участие в гонке «Мини-Трансат», а это предприятие для моряков-одиночек. Но пока что рано об этом думать. Сейчас время праздновать. И мы отправляемся на розыски местечка, где можно было бы пропустить по пинте пива, первой за последние несколько недель.

Программой «Мини-Трансата» предусмотрены два этапа: от Пензанса до Канарских островов и далее на Антигуа. Так или иначе, мне все равно надо попасть в Карибское море. Я рассчитываю подыскать себе там какую-нибудь работенку на зиму. Мой «Соло» — быстроходная прогулочная яхта, и очень интересно сравнить ее качества с чисто гоночными. Мое судно так хорошо экипировано для дальнего плавания, что у меня, по-видимому, есть шанс уложиться в сумму своих наличных до самого финиша. Кое-кто из моих будущих соперников в суматошной круговерти предстартовой лихорадки срочно вставляет дополнительные переборки или выводит «мэджик маркером» номера на своих парусах; я же в это время вполне могу позволить себе удовольствие полакомиться местными пирогами и со вкусом пообедать жареной картошкой с рыбой. В самые последние

минуты перед выходом я должен буду только шлепнуть марки на письма и отведать на прощание местного пива.

Однако шутки в сторону — нам предстоит отнюдь не увеселительная прогулка. Сейчас уже настало осеннее равноденствие, время, когда ярятся шторма. Дважды за неделю свирепые ветры вспарывают воды Английского канала, переламывая пополам идущие по нему суда. Многие из заявившихся участников гонки запаздывают. Опрокидывается одна французская яхта, и экипажу не удается ее спасти. Люди переходят на спасательный плот и умудряются высадиться на крошечном уединенном пляже, прилепившемся у подножия длинной полосы коварных скал на побережье Бретани. Другой француз оказался не так удачлив: его изуродованное тело и выбитый транец его яхты обнаружены на камнях у мыса Лизард. Мрачное уныние повисает над флотилией.

Отправляюсь в местную корабельную лавку пополнить свои запасы. Она помещается в глубине замшелого переулка, вход в нее не обозначен вывеской. Все, кому надо, и без указателя находят дорогу к владениям старого Уиллоуби. Я уже слышал, что старик — известный ругатель, но мне даже нравится его грубая прямота. Уиллоуби приземист, с такими кривыми ногами, будто их нарочно гнули над паром вокруг пивной бочки, поэтому он косолапит и медленно ковыляет по лавке, раскачиваясь, словно корабль с убранными парусами на зыби. Из-под взъерошенной копны седых волос остро сверкают прищуренные глазки, в зубах зажата трубка.

Обращаясь к одному из своих помощников, он жестом указывает по направлению к гавани:

— Понаехало тут мальчишек, лодчонок видимо-невидимо, хлопот с ними не оберешься, а что толку — одна морoka да и только! — Обернувшись затем ко мне, он бормочет под нос: — Вот еще один явился, того гляди, последнее упрет, а старый человек только успевай поворачиваться. Еще, небось, погонять будет.

— Одним словом — связался черт с младенцем! — не остаюсь я в долгу.

Одна бровь Уиллоуби ползет вверх, а губы складываются в едва заметную усмешку, которую он старательно маскирует трубкой. Старик начинает травить байки и в один присест напелл целую бочку арестантов. Пятна-

дцати лет он сбежал из дома на корабле, служил на шерстяных клиперах, крейсировавших между Англией и Австралией. За свою долгую жизнь он столько раз огибал мыс Горн, что даже сбился со счета.

— Слышал я об этом французе. Не знаю, ребята, на что вам сдались эти гонки? Уж я в свое время власть поплавал. Хорошие были денечки! Но мы ведь дело делали! А кому моряцкое дело — забава, тот уж точно сам к черту в лапы метит!

С первого взгляда видно, что старик всей душой болеет за всех сумасбродов, помешанных на морских путешествиях, особенно за молоденьких.

— По крайней мере, они вам составят хорошую компанию, мистер Уиллоуби!

— Скверное дело, говорю я тебе, ох, скверное дело,— уже более серьезно произносит он.— Жаль беднягу француза. А что ты получишь, если выиграешь эту гонку? Большой приз?

— Да нет, я даже не знаю что. Может, кубок какой-нибудь пластмассовый или еще что-нибудь в этом роде.

— Ха! Хорошенькое дельце! Значит, вы отправляетесь в море поиграть в салочки с Нептуном, рискуете кончить свои дни в преисподней, где дьявол вместо священника сплет вам заупокойную,— и все это за пластмассовый кубок? Забавно!

И правда, забавно. Похоже, бедняга француз никак не идет у старика из головы. Он щедрой рукой подбрасывает в мою грудку покупок еще несколько упаковок и говорит, что это бесплатно, но в голосе его звучат мрачные нотки:

— А теперь ступай откуда пришел и не донимай меня больше.

— Когда я в следующий раз буду в этом городе, ни за что не миную ваш дом. Явлюсь как штык или налоговый инспектор, можете быть уверены, что от меня вы так просто не отделаетесь. Салют!

Выхожу за порог, слышу, как весело звякает дверной колокольчик. Уиллоуби вышагивает взад и вперед, скрипят под ним разошедшие половицы. «Скверное дело, говорю я тебе, скверное дело».

И вот наступает утро старта. Я пробираюсь через снующую по набережной толпу к месту, где назначено собрание шкиперов. Вот уже который день не утихают

споры о том, стартовать ли гонке по расписанию или нет. Во время последних двух пронесшихся над этими краями штормов отдельные порывы достигали ураганной силы. «На старте ожидаются сильные ветры,— раздается сообщение метеорологической службы.— К ночи усиление ветра примерно до восьми баллов».

По толпе разносится ропот. «Прямо со старта — и в зубы чертову шторму... Тише, он еще не закончил». — «Если вы сможете выбраться на ветер от мыса Финистерре, все будет о'кей, но постарайтесь держаться от него как можно мористее. В ближайшие тридцать шесть часов с цепи сорвется вся адская свора, и погодка может разгуляться баллов до десяти — двенадцати при 40-футовом волнении». «Прелестно! — восклицаю я. — Не хочет ли кто-нибудь зафрахтовать небольшую гоночную яхту — дешево?» Толпа гудит все громче. Разгораются бурные дебаты между участниками соревнований и их друзьями. Разве это не чистое безумие: выходить в трансокеанскую гонку при такой погоде?

Шум смолкает только тогда, когда слово берет представитель оргкомитета: «Прошу внимания! Если мы сейчас отложим старт, то вполне можем и вовсе не выйти в море. Зима на носу, а мы рискуем застрячь здесь на долгие недели. Все мы прекрасно понимаем, что в переходе на Канары каждому достанется, по-видимому, изрядно. Но когда вы пройдете Финистерре, то можете считать себя уже дома. Так что держите связь, будьте начеку и счастливого плавания!»

Набережная внутренней гавани Пензанса битком набита народом. Кто просто глазеет, кто щелкает фотоаппаратом, кто машет на прощание платочком, кто смеется, а кто плачет. Все эти люди вскоре возвратятся в тепло своих уютных маленьких домиков.

Что есть мочи ору: «Всего хорошего!» — когда буксир выводит «Соло» через массивные стальные ворота, распахнутые командой капитана порта, которая дружно топчется вокруг допотопного кабестана. Мы оба — я и «Соло» — находимся в полной готовности. Таящиеся в душе опасения уступают место радостному волнению. Одну за другой хронометр отстукивает секунды. Участвующие в Гонке яхты маневрируют вдоль стартовой линии, прикидывая перед ней свой разбег; их капитаны, мои товарищи по соревнованию, настраивают паруса, обмениваются

шутками и добрыми напутствиями, пытаюсь заглушить сосущую пустоту под ложечкой. Особенно круто придется тем, кто подвержен морской болезни. Вот вверх ползут флажки предупреждающего сигнала. Приготовились! В чалив врываются океанские волны; ветер уже начинает крепчать, с запада надвигается зловещий круглый глаз циклона. Я выхожу на ветер и делаю оверштаг. Над стартовой пушкой взвивается облачко дыма, сам же звук выстрела ветер уносит прочь прежде, чем он достигает моих ушей. «Соло» пролетает створ линии старта и во главе всей флотилии уходит в гонку.

Всю ночь свирепствует ветер, и яхты с трудом пробиваются сквозь бушующее море. Я часто вижу во тьме их огоньки то там, то здесь, но поутру рядом со мной уже никого нет. Буря утихла, и «Соло» резво мчит по крупной, но гладкой зыби. Вдруг мой взор натывается на белый треугольничек впереди, то вздымающийся из воды, то вновь исчезающий за волнами. Отдаю риф на стакселе и один из рифов на гроте. «Соло» сразу прибавляет ходу и устремляется в погоню за виднеющимся вдалеке парусом. Через несколько часов я уже различаю белый корпус. Это алюминиевая яхта, с которой мы в Пензансе стояли борт о борт, в гонке ее ведет один из двух пришедших на ней итальянцев. Подобно большинству участников, это общительный и дружелюбный парень. Что-то у него там неладно. Его штормовой стаксель оглушительно хлопает на ветру и сильно колотит по палубе. Я окликаю его, но ответа не получаю. Проходя мимо, фотографирую его яхту, а затем спускаюсь вниз и несколько раз вызываю его по радио. Ответа нет. Наверное, спит. А когда на море опускается ночь, слышу радиоразговор одного гонщика с организатором, из которого узнаю, что итальянец затонул. К счастью, его самого благополучно подобрали. Когда я обгонял его, он, по-видимому, боролся с проникающей внутрь водой, стараясь ликвидировать течь.

На третий день на расстоянии примерно одной мили от меня показывается грузовой теплоход. Связываюсь с ним по радио, и вахтенный штурман сообщает мне, что они видели двадцать две яхты из двадцати шести стартовавших после меня. Это известие меня здорово приободряет. Но ветер опять крепчает. «Соло» упорно борется с бурным морем. Необходимо принять какое-то решение относи-

тельно дальнейшей стратегии: либо рискнуть быть увлеченным в печально известный Бискайский залив и там уже пробовать как-то прошмыгнуть мимо мыса Финистерре, либо повернуть и направить яхту в открытое море. Я выбираю залив, надеясь, что прохождение атмосферного фронта позволит мне выйти на ветер и чисто обойти мыс. Но ветер все усиливается, и вскоре «Соло» уже скачет по десятифутовым волнам, замирая на мгновение на гребне и затем обрушиваясь по противоположному склону вниз. Мне приходится все время держаться, чтобы не слететь с рундука, на котором я сижу. В такелаже завывает ветер. Час за часом «Соло» раскачивается и боком скользит по волнам, содрогаясь при каждом ударе от киля до клотика. Море яростно колотит по днищу и в борт моей яхты, в каюте стоит оглушительный грохот. Громяхают кастрюли и металлические банки. Падает и разбивается бутылка с маслом. Но спустя часов восемь я приспосабливаюсь к подобному существованию. Вокруг сгущается темнота. На палубе делать больше нечего. Вползаю в кормовую каютку, где чуть-чуть потише, чем в носовой, втискиваюсь в койку и засыпаю.

Проснувшись, я вижу, что на полу каюты плещется вода, в которой плавает вся моя штормовая одежда. Я мигом выскакиваю из койки и обнаруживаю трещину в бортовой обшивке. С каждой волной через нее вливается новая струя воды, а сама трещина становится немного длиннее. Начавшееся разрушение яхты будет развиваться неудержимо — по принципу домино. Передвигаясь резкими скачками, словно мангуста на охоте, я сдергиваю паруса, закрываю трещину обрезком доски и крепко его подпираю. В течение следующих двух суток я медленно пробиваюсь к побережью Испании.

За двадцать четыре часа, прошедших после моего прибытия в Ла-Корунью, туда же подходят еще семь участвовавших в «Мини-Трансате» яхт. Две из них столкнулись в море с судами, на одной сломался руль, остальные же просто сыты по горло. Похоже, что «Соло» наткнулся на какой-то плавающий предмет. Весь корпус снаружи исполосован царапинами; возможно, это было бревно. Мне приходилось много видеть их в море, попадались даже целые деревья, дрейфующие по волнам. А чего только не встречали другие моряки, с которыми я разгова-

ривал, за годы своих морских странствий — начиная от грузовых контейнеров, свалившихся за борт с грузовых судов, и кончая рогатыми стальными шарами, похожими на плавучие мины времен второй мировой войны. Одна яхта, путешествовавшая у американских берегов, нашла даже покачивающуюся на поверхности океана ракету!

Что ж, гонка для меня закончена. Незнание испанского языка усложняет организацию ремонта. Мне не удалось найти ни одного француза, который согласился бы прикатить сюда по каменистым и ухабистым дорогам Испании, чтобы заняться починкой «Соло». Денег мало. Лодка полна морской воды, разлитого растительного масла и битого стекла. Электронный авторулевой перегорел. В довершение ко всему меня самого валит с ног болезнь. И вот, разбитый и подавленный, с температурой 39, я валяюсь в насквозь пропитанном сыростью хаосе своей каюты.

Впрочем, мне еще сравнительно повезло. Из двадцати пяти других принявших старт яхт не меньше пяти навеки исчезли в волнах, хотя, по счастью, никто из яхтсменов при этом не утонул. На финиш у Антигуа придет только половина нашей парусной флотилии.

Четыре недели уходит на ремонт, и вот наконец я могу опять спустить «Соло» на воду. Я не уверен, что моих финансов и припасов хватит на плавание в Карибское море, но что домой мне сейчас не добраться — это совершенно точно. К моей великой радости, члены «Клуба наутико» Ла-Коруньи оказались людьми добрыми и отзывчивыми. «Платить не нужно. Все, что в наших силах, для моряков-одиночников мы делаем бесплатно». Все эти четыре недели шторма ежедневно терзают Финистерре. Клубная гавань полна яхт, чьи экипажи поджидают здесь возможности прорваться к югу. Мы все немного приподнились в нынешнюю навигацию. По утрам палуба покрывается инеем, и с каждым днем все больше проходит времени, прежде чем он стает. И когда наконец «Наполеон Соло» в крутой бейдевинд проходит Финистерре, я чувствую себя так, словно одолел мыс Горн.

В Испании моя команда увеличилась на одного человека. Это французенка, и зовут ее Катарина Пузе. Мне как раз нужен был рулевой. Предшествующий опыт

Катаринины в океанских плаваниях сводился к выходу в Бискайский залив на яхте, которая вскоре потеряла мачту. Растерянный экипаж запросил помощи по радио, их подобрал проходящий мимо танкер, и им оставалось только проводить грустным взглядом навсегда удаляющуюся от них яхту — мечту, ради осуществления которой эти ребята трудились не один год. Дело в том, что они действовали в наивном заблуждении, будто танкер спасет вместе с ними также и яхту. Но Катарину оказалось не так-то легко обескуражить. Автостопом она добралась до Ла-Коруньи, с тем чтобы оттуда отправиться дальше к югу, но теперь уже методом «яхтостопа».

Катарина просто очарована моим «Соло», и сама она очаровательная девушка, но мне сейчас не до флирта. Единственное, чего я хочу, так это чтобы жаркое южное солнце поскорее растопило скопившийся во мне за последнее время заряд печали. С помощью Катаринины я рассчитываю через две недели попасть на Канары.

Мы еле тащимся, и путь до Лиссабона занимает у нас четыре недели. В промежутках между нежными вздохами зефиров мы бессильно колышемся на зеркальной глади моря. Вглядываясь в свое отражение в неподвижной воде, я чувствую намек на то, что так, пожалуй, никуда не приплывешь, но я уже втянулся в тягучий ритм круиза. Досада, вызванная неудачей в гонке, мало-помалу притупляется.

В этой части испанского побережья древние речные долины—риас — глубоко врезаются в материк. В этом суровом краю вся современная техника представленапряженными осликами повозками с деревянными осями и колесами. Подстилку для своих животных местные крестьяне делают из диких трав, собранных на горных расчистках. У общественных бассейнов собираются женщины и колотят вальками белье на камнях или бетонных плитах. В одном порту чиновники долго и пристально изучают наши въездные документы, таская их из кабинета в кабинет, будто дети, пытающиеся расшифровать иероглифы. Больше года ни одна яхта не становилась здесь на якорь.

В густом тумане мы идем вдоль португальского побережья, постоянно расходясь с транспортами, огни которых в ясные ночи напоминают елочные гирлянды. В пределах видимости все время находятся шестнадцать-

семнадцать судов. По левому борту тянутся каменные зубцы скалистого побережья, вокруг которых бушует кипящий прибой, а по правому—непрерывно слышится глухое гроыхание тяжелых корабельных двигателей. Когда паруса безжизненно обвисают, мы принимаемся грести. Нередко мы делаем только по десятку миль за сутки.

Проще всего было вообще не сниматься с якоря. Южная жизнь и ленивая погода оказывают наркотическое действие. Мы просто упиваемся покоем. В дружной компании яхтсменов у нас завязываются приятельские отношения с теми, кто путешествует в том же направлении, что и мы. Среди них много французов. Все рассчитывали к январю быть уже в Тихом океане, но погода здорово перекроила их планы. «Может быть, мы зазимуем в Гибралтаре». Но какой-то внутренний зуд не дает мне покоя. Это сильнее простого желания добраться до такого места, где можно пополнить запас денег в похуевшем кошельке. Катарина иногда дуется, ей хочется, чтобы я вел себя с ней не так сдержанно. «Жесткий ты человек»,— говорит она мне, но я не реагирую на ее слова и не смягчаюсь. От этого во мне только крепнет решимость после Канар продолжать свой вояж в одиночку.

За Лиссабоном нас подхватывает наконец приличный ветер, и вскоре мы уже видим на горизонте горные пики Мадейры. После короткой передышки мы опять устремляемся на юг, и вот перед нами открывается Генерифе. Этот двухнедельный круиз растянулся на шесть недель. Здесь я прощаюсь с Катариной, мир и покой снова воцаряются на моем корабле. Мы с «Соло» прекрасно чувствуем себя в обществе друг друга.

Куда бы мы ни зашли, нас везде хорошо принимают. Местные рыбаки, которые обычно держатся в стороне от больших шикарных яхт, со всех сторон устремляются к моему «Соло», точно медведи к бочонку с медом. Еще бы! Мое суденышко по размеру не превосходит их открытые парусные лодки, служащие для рыбной ловли в прибрежных водах. Они никак не могут поверить, что такая маленькая яхта могла прийти сюда из самой Америки.

В одной гавани все, кто имеет отношение к морю — рыбаки, мастера-судоводители и прочие,— каждое утро

спозаранку сходятся на набережной и терпеливо ожидают моего пробуждения: они желают выслушать еще пару-другую историй, которые я рассказываю им на ломаном испанском, подкрепляя его бурной жестикуляцией.

Я почти готов задержаться здесь на всю зиму. Такое не раз бывало с путешественниками, решившими на недельку заглянуть на Канары и застрявшими там на годы. Им удается сводить концы с концами, изготавливая модели судов в бутылках или собирая в горах сосновые шишки. Здешние пляжи кишат немецкими туристами, скупающими все, что только выставляется на продажу. Я мог бы рисовать картинки, и к тому же мне нужно закончить кое-какие записи.

Но роль глазающего туриста меня не устраивает. Мне нужен эффективный творческий труд и, конечно же, нужно подзаработать, потому что у меня осталось всего несколько долларов и я уже начинаю увязать в долгах.

Я оказался перед дилеммой, которая неизбежно возникает перед каждым моряком. Когда вы находитесь в море, то совершенно точно знаете, что вам необходимо добраться до гавани, где вы сможете пополнить свои припасы и, как вы надеетесь, отдохнуть в тепле и неге. Вам нужен порт, и вы часто не можете дождаться прибытия в очередной из них. Но когда вы там оказываетесь, вам не терпится поскорее выйти в море. Пропустив несколько стаканчиков холодного пива и проведя несколько ночей в сухой постели, вы снова ощущаете зов океана и не желаете ему противиться. Вы нуждаетесь в матери-земле, но море — ваша любовь.

Как правило, в любом порту вы без труда можете найти себе попутчика, готового исполнять функции матроса. Но на этот раз случилось так, что почти все, кто хотел провести зиму на Карибском море, уже покинули здешние места. Но я не думаю, что в дальнейшем плавании мне придется туго, даже если я буду на борту в одиночестве. Один из моих новых друзей, с которым я свел знакомство на Тенерифе, починил авторулевого, а лотия определяет вероятность встречи с ураганами всего в два процента. Обещает быть устойчивым и пассат. По всем признакам меня ждет заурядный океанский рейс.

Забираюсь на малонаселенный остров Иерро. На его восточном берегу крутые утесы вздымаются из атлантиче-

ских вод, переходя в покрытые буйной растительностью холмы и зеленые долины. К западу рельеф острова понижается и на самом краю заканчивается чисто лунным пейзажем, состоящим из маленьких вулканчиков, каменных глыб и раскаленного красного песка. В крошечной искусственной гавани на западной стороне завершаю оснащение своей яхты к предстоящему броску через океан. А в последний день чувствую, до чего же пересохло у меня в горле. Тогда я выкладываю последние песеты на стойку бара. С трудом подбирая испанские слова, объясняю знакомому бармену, что от этих монет в море мне не будет решительно никакой пользы. «*Cerveza, por favor!*». Передо мной появляется холодное пиво. Бармен присаживается рядом.

— Куда?

— В Карибское. Работать. Нету песет.

Он кивает, прикидывая протяженность маршрута.

— Такая маленькая лодка. Нет проблем?

— *Pequeno barco, pequeno problema.* Как бы там ни было, особых проблем пока нет!

Мы с ним смеемся и болтаем, пока я приканчиваю пиво. Затем стреляю последнюю сигарету, перекидываю через плечо сумку с припасами и топаю в сторону набережной.

Меня останавливает пожилой рыбак.

— Ты приходишь из Америка? — спрашивает он, вспарывая между тем рыбе брюхо.

Вычистив потроха, перебрасывает рыбину на весы. Одета в черное женщина тычет в нее пальцем, что-то бормоча себе под нос.

— Да, из Америки.— Интересно, что случилось с ее мужем? Наверное, как и многие другие рыбаки, однажды не вернулся с моря.

— Не может быть! — приговаривает старик.— В такой маленькой лодке? *Tonto.* Дурак.

— Она не такая уж маленькая. Для меня это целый дом.

Он складывает руки внизу живота и делает неприличный жест. Я таращу глаза, качаю головой и отшатываюсь, точно в испуге. Оба смеемся разыгранной нами шутке. Женщина вцепляется в руку старика, очевидно, высказывая ему, что тот заломил слишком высокую цену за свою рыбу, и начинается торг—извечный обычай,

возведенный в ранг ритуала, как, впрочем, и игра в домино, которой заняты сидящие за складным карточным столиком мужчины на каменистом пляже.

Ночь 29 января выдается ясной. Небо усеяно яркими звездами. Под аккомпанемент повизгивающих блоков я поднимаю паруса и неслышно выскальзываю из гавани. Пробравшись через скопление рыбацких лодок поблизости от входа в порт, направляю «Соло» в сторону Карибского моря. Как же это чудесно — снова оказаться в море!

ОБНАЖЕННЫЕ НЕРВЫ

*«СОЛО» РАЗМЕРЕННО БЕЖИТ НА ЗАПАД
ПОД ДВУМЯ СТАКСЕЛЯМИ,
ПОСТАВЛЕННЫМИ НА БАБОЧКУ.*

ВОТ УЖЕ ЦЕЛУЮ НЕДЕЛЮ НА МОЕМ КОРАБЛЕ царит мир. Такая благодать нечасто выпадает на долю мореплавателя, рискнувшего пуститься через океан под парусом. Ветер и море быстро несут мою яхту в бережных материнских объятиях туда, где лежит Антигуа. Море утешает, но море внушает и благоговение. Я знаю его, как старого друга, но оно капризно и полно неожиданностей. Я удобно устраиваюсь на юте своей яхты, ощущая всем телом, как идущие правильной чередой волны подбегают сзади, плавно приподнимают судно на три-четыре фута, прокатываясь под днищем, а затем мягко опускают его вниз, убегая вдаль к покачивающейся впереди линии горизонта. Бриз шелестит страницами моей раскрытой книги, а солнце тем временем покрывает мне кожу бронзовым загаром и выбеливает волосы.

В прошлые века множество «гончих океана» — огромные клиперы, китобойные шхуны, быстроходные тендеры с полными трюмами чернокожих рабов — крейсировали по этому пути, пролегающему от Канарских островов к берегам Карибского моря. Как белое облако, неслась надутая пассатом громада парусов, высоко взнесенная на стройных мачтах — брамселя, лисселя, топселя, — поднято все и полно ветром! Потрескивание рангоута на яхте и жужжание автопилота смешиваются со звуками ветра и складываются в музыкальную фантазию, рожденную из притопывания матросских ног, отплясывающих хорнпайл под мелодию концертино.

«Соло» размеренно бежит на запад под двумя стакселями, поставленными на бабочку. За кормой далеко тянется пенный след кильватерной струи. Я читаю, пишу письма, кропаю разные истории, рисую картинку с изображением франтоватого морского змея в галстук-бабочке и транжирю в невероятных количествах кино- и фотопленку, снимая море, маневры яхты, солнечные закаты. Набиваю себе брюхо жареным картофелем, луком, яйцами, сыром и разными крупами: манкой, овсяными хлопьями, просом. Занимаюсь гимнастикой — подтягивания, отжимания — и йогой — выпады, изгибание и растягивание тела в ритме раскачивания палубы под ногами. Напоминающее паутину сплетение рангоута и такелажа удерживает развернутые паруса, подставляя их

ветру. Одним словом, я и мое судно находимся в отличной форме. На этот раз у нас выдалось на редкость спокойное и благополучное плавание. Если фортуна от меня не отвернется, то я достигну намеченной цели не позднее 25 февраля.

Но 4 февраля ветер вдруг усиливается и начинает посовистывать в снастях. По всему заметно, что собирается буря. Над головой постепенно раскидывается сплошной облачный покров. Вокруг вздымаются и уже обрушиваются волны. Мне совсем нехота расставаться с мирным покоем, и я взываю к небу: «Ладно, давай уж тряхни меня, если это так необходимо, но только закругляйся побыстрее!»

Мой кораблик продолжает резать поднимающиеся на его пути водяные холмы, которые прямо на глазах превращаются уже в небольшие горы. Поверхность моря, еще недавно искрившаяся светом, теперь отражает хмурое и темное небо. Каждая волна, через которую мы переваливаем, поспешая вслед заходящему солнцу, с шипением норовит плюнуть в нас пеной и обдать брызгами. С помощью электрического авторулевого «Соло» более или менее точно удерживается на курсе. Переключивший руль моторчик непрерывно и назойливо гудит, потому что работы у него сейчас невпроворот. Невзирая на случайные каскады обрушивающейся на палубу воды, я еще не испытываю особенных неудобств. Даже устраиваю шуточное представление перед объективом своей кинокамеры: демонстративно откусив большой кусок от жирной колбасины, заявляю квакающим а-ля Джон Сильвер голосом: «Как видите, корешки, погода у нас тут что надо. Кабы еще ветерку прибавить, было бы совсем хорошо». После этого номера я переползаю на бак и запикиваю в парусный мешок один из стакселей. Струи холодной воды льются мне за шиворот и текут по рукам под мышки.

По мере приближения сумерек небо все гуще темнеет. Когда «Соло» проваливается в ложбины между волнами, солнце ныряет за горизонт. Нырок, еще нырок, и вот оно окончательно тонет на западе. «Соло» продолжает прокладывать путь сквозь ночной мрак. В темноте кажется, что ветер и волны еще больше набирают силу. Теперь приближающиеся волны уже не видны заблаговременно — они возникают у борта совершенно внезапно, ярост-

но бьют по корпусу и исчезают во мраке, окутавшем весь мир, раньше, чем я успеваю осознать полученный удар.

Мое судно и его капитан знают друг друга уже больше десяти тысяч миль и полтора трансатлантического перехода. Нам доводилось бывать и в худших переделках, намного худших. Если погода вконец разладится, то можно применить штормовую тактику: уменьшить парусность и привести круто к ветру или увалиться на фордевинд. Лоция обещает для этой части Атлантики в феврале минимальное число штормовых дней. Ветер при этом, как указано в той же лоции, может разгуляться баллов до семи — достаточно для того, чтобы взъерошить волосы и обеспечить купание на палубе, но отнюдь не достаточно, чтобы причинить серьезные неприятности. Пустяки. Примерно через пару недель я уже буду валяться на пляже под жгучим карибским солнцем, попивая холодный ромовый пунш, а мой «Соло» будет мирно покачиваться неподалеку со свернутыми парусами.

К счастью, мне редко приходится вылезать на палубу: только если надо взять рифы на парусах или сменить стаксель. На моей яхте имеется внутреннее рулевое управление и центральный пульт информационных приборов. Я располагаюсь под плексигласовой крышкой люка, которая очень походит на корабчатый фонарь кабины реактивного самолета. С помощью внутреннего румпеля отсюда можно удерживать курс, а вытянув руку через открытую дверцу люка, можно добраться до установленных у бортов стопоров и лебедок, если нужно подрегулировать настройку парусов и одновременно вести наблюдение. Кроме того, я могу заглянуть в карту, лежащую передо мной на столе, могу говорить по радию, установленной сбоку, а могу и приготовить себе что-нибудь на камбузной печке—и все это не сходя с места. Несмотря на то что «Соло» постоянно упражняется в акробатических номерах, в каюте сохраняется относительно приемлемый уровень комфорта. Если не считать, что на меня иногда дождем льется вода, просачивающаяся через неплотности люка, у меня в общем-то сухо. Приближается шторм, и воздух в каюте так насыщен влагой, что трудно дышать, но крытое лаком дерево внутренней обшивки тепло отсвечивает при мягком освещении. В рисунке древесных волокон проступают контуры животных, людей,

и в этом обществе я уже не один, на душе становится спокойнее. Немного горячего кофе, с великой ловкостью перелитого из качающейся чашки в рот, согревает меня, глаза перестают слипаться. Мой несокрушимый желудок, сделанный из какого-то не подверженного коррозии, детонации и иным воздействиям сплава, совсем не жаждет сесть на диету из сухарей; напротив, я наедаюсь до отвала и с удовольствием планирую праздничный обед по случаю собственного дня рождения, предстоящего через два дня. Не имея в своем распоряжении духовки, я не могу, конечно, испечь торт, но рассчитываю угостить себя порцией блинчиков с шоколадом. Я приготовлю побереженную для торжественного случая консервированную крольчатину в соусе кэрри, презрев предрассудок французов, будто бы одного упоминания о кроликах достаточно, чтобы на судно обрушились всяческие несчастья.

Хотя в своем плавучем гнездышке я и чувствую себя в безопасности, но шторм впервые за целую неделю напомнил мне, что надо соблюдать осторожность. Ведь в каждой прокатывающейся вдоль борта десятифутовой волне содержится столько тонн воды, что лучше и не считать. На палубе и в такелаже свищет ветер. Иногда «Соло» получает пинок под зад и бросается носом к ветру, как будто желая разглядеть обидчика. При этом стаксель выходит из ветра и полощется с оглушительным шумом, но тут же наполняется им, когда «Соло» уваливается на свой курс. Перед моим мысленным взором мгновенно встает призрак бродячей волны-убийцы. Высота такой волны, порожденной сложением двигающихся в разных направлениях или с разной скоростью волновых пиков, может вчетверо превышать средний уровень наблюдаемого волнения; она вполне способна швырнуть «Соло», как детскую игрушку. Не менее опасно и совпадение волновых впадин, когда образуется настоящий каньон, в который мы могли бы ухнуть, как в горное ущелье. Нередко подобные аномалии приходят с какой-нибудь совершенно неожиданной стороны, внезапно являя вашему взору настоящую пропасть с отвесными стенами, в которую водопадом низвергаются гигантские потоки.

Шесть месяцев тому назад неподалеку от Азорских островов «Соло» рухнул именно в такой каньон.

Раздался чудовищный грохот, небо над головой исчезло, и ничего, кроме мутной зелени, не стало видно сквозь прозрачный палубный люк. Правда, яхта немедленно выправилась и мы продолжили движение своим курсом, но тряхнуло нас основательно. Книги и секстант перелетели через высокую планку и, свалившись с полки, с такой силой грохнулись на штурманский стол, что в щепки разбили его ограждающие бортики. А ведь вместо стола они вполне могли угодить мне по физиономии. На этот раз мне повезло, но впредь нужно быть осторожнее.

Катастрофа в море может произойти в любой момент, без всякого предупреждения, а может случиться и спустя долгие дни, наполненные страхом и ожиданием. Это не обязательно бывает в разгар свирепого шторма; беда способна разразиться и среди полного затишья, когда море гладко и ровно, как стол. Несчастье может обрушиться на моряка и в бурю, и в штиль, но море посылает его вовсе не из ненависти или презрения. Оно не ведает ни ярости, ни гнева. Но оно никогда не протянет вам и дружеской руки помощи. Оно просто существует — огромное, могучее, равнодушное. Его равнодушие не вызывает во мне раздражения, и меня не смущает мысль о собственной ничтожности в сравнении с ним. Скорее наоборот — это одна из главных причин, побуждающих меня поднимать свой парус: благодаря общению с морем как никогда остро воспринимается незначительность в этом мире и меня самого, и всего человечества.

Я смотрю, как бурлящий флуоресцирующий след моего «Соло» расходится среди кувыркающихся волн, и задумчиво бормочу: «Бывает и хуже». И тут я слышу голоса из прошлого: *«Всякий раз, когда ты произносишь эту фразу, дела неизменно меняются к худшему»*. Тогда я начинаю размышлять над приведенными в лоции данными, рассчитанными путем усреднения сообщений множества судов. По-видимому, средние показатели, характеризующие силу штормовых ветров, действительно занижены и искажают истинную картину. Надо думать, капитан, получив предупреждение о том, что где-то начинается шторм, вовсе не спешит направлять свою посудину в самый центр урагана, чтобы глотнуть там свежего воздуха. Так что мне, как видно, предстоит пережить несколько малоприятных денечков.

На всякий случай я проверяю свое снаряжение, чтобы привести все в полный порядок или хотя бы предусмотреть все, на что способна моя дурная голова в бурном море. Я осматриваю корпус яхты, палубу, переборки, оборудование каюты и все крепления, на которых держится моя деревянная табакерка. Чайник наполнен водой для заваривания кофе или приготовления лимонада. Изрядный кусок шоколада лежит под рукой, рядом с рацией. Основные приготовления закончены.

Сейчас примерно 22.30 по гринвичскому времени. Полная луна неподвижно белеет в небесах, безразлично взирая на бушующее море. Если станет хуже, то мне придется спуститься поближе к экватору. А сейчас делать больше нечего, и я отправляюсь вниз отдыхать. В 23.00 я встаю, чтобы раздеться, и снова укладываюсь на койку в одной майке. На руке у меня надеты часы, а на шею висит шнурочек с пластинкой из китового зуба. Вот и весь костюм, в котором мне потом предстоит прожить два с половиной месяца.

А сейчас моя яхта мчится и мчится вперед, виляя между перекатывающимися вокруг гребнями волн и цепляясь за них килем, как горная козочка за крутой склон. Левый борт плотно прижат к черному пульсирующему телу океана. Я лежу в койке, привязанный предохранительными ремнями, качаясь, как в гамаке.

БАМ! Оглушительный взрыв перекрывает треск древесины и рокот моря. Я вскакиваю на ноги. Вдруг на меня обрушивается водяной вал, словно я очутился на пути разбушевавшейся реки. Откуда он хлынул — с носа, с кормы? Или снесло сразу половину борта? Раздумывать некогда. Нащупываю вложенную в ножны финку, которую я оставил рядом со штурманским столом. Воды мне уже по грудь. Нос яхты клонится куда-то вниз. «Соло» останавливается и начинает погружаться в пучину. Он тонет, тонет! Сознание выстреливает команды. Освободить мешок с аварийным запасом! В душе бьется немой крик: ты потерял свое судно! Набрав воздуха, я ныряю в воду и полосую ножом лить, крепящийся мешок. Сердце бухает, словно забивающий сваи копер. От тяжелой работы запас воздуха в легких быстро истощается, и разуму приходится вступить в борьбу с рвущимся к вдоху телом. Вокруг хаос и кромешная тьма. Вырваться, только бы

вырваться, корабль тонет! Одним махом отталкиваюсь, стрелой вылетаю на поверхность, вышибаю крышку люка и, весь дрожа, выбрасываюсь на палубу, оставив внизу залог своего спасения.

С момента рокового удара не прошло и тридцати секунд. Наклонившись носом к своей могиле, яхта как бы в раздумье замирает над ней, и море омывает мои босые ступни. Я перерезаю найтовы контейнера со спасательным плотом. Голова гудит, и в гулкой пустоте проносятся обрывки мыслей. Может быть, я слишком долго провозился. Может быть, пришло время умирать. Утонуть... умереть... исчезнуть бесследно. Припоминаю инструкции для использования спасательного плота: перед наполнением сбросить громоздкий, весом в несколько сот фунтов, контейнер с плотом за борт. Но поди-ка справишься с такой тяжестью, сидя верхом на брыкающейся лошадке! Времени нет, быстрее — яхта погружается! Налегая изо всех сил. Первый рывок, второй — ни с места! Вот он, конец моей жизни. Еще немного — и все! «Ну, пошла, дрянь ты этакая!» — ору я на злосчастный контейнер. Напрягаюсь для третьего рывка, и он, зашипев, наполняется воздухом. Тут через палубу прокатывается волна и, приподняв контейнер, помогает мне столкнуть его на воду. Развернувшийся плот пляшет на конце швартовного линя. За какую-нибудь минуту мой ладный маленький кораблик превратился в затопленную развалину. По-пиратски зажав нож в зубах, я прыгаю на плот, и в последнее мгновение замечаю, что заработала установленная на кормовом релинге кинокамера. Какой режиссер снимает этот фильм? Освещение у него явно подкачало, зато драматургия оказалась на высоте.

Равнодушная луна безразлично взирает на нас с высоты. Летучая вуаль облаков затуманивает ее светлый лик, заволакивая и сцену гибели «Соло». Инстинкт и приобретенная сноровка помогали мне, пока надо было действовать, спасая свою жизнь, но едва лишь выдался свободный миг для размышления, как весь ужас случившегося обрушился на меня, терзая воспаленный мозг. В душе царит невообразимый сумбур. Тут и горестный плач по утраченному судну, и глубокая досада на себя за допущенные ошибки. Но надо всем этим главенствует ощущение, что все эти мысли и чувства недолго будут меня волновать. Тело мое трясется в ознобе. Слишком

далеко я нахожусь от цивилизации, чтобы надеяться на спасение.

В одно мгновение в моей голове проносятся мириады вопросов и возражений, как будто в черепе у меня обосновалась целая орава яростных спорщиков. Одни острят, потешаясь над деловитым стрекотанием камеры, снимающей фильм, которого никому не суждено увидеть. Другие ворошат разгорающийся костер страха. Его пламя подогревает дремлющую энергию. Страх подталкивает к действию. Необходимо благоразумие. Я побеждаю слепой панический порыв: не желаю, чтобы накаченный в кровь адреналин выливался в бестолковые и бессмысленные метания. Подавляю первый приступ панического страха: не желаю сидеть в ожидании конца, поддавшись его парализующему действию. «Соберись,— приказываю я себе.— Соберись и приступай к делу».

Я наблюдаю, как бездна Атлантики заглатывает мое судно, моего товарища, мое детище, которое так мало, что океан даже не распробует его вкуса. Волны то и дело смыкаются над «Соло», но когда они пробегают, его белая палуба снова появляется на поверхности. Нет-нет, он еще не тонет. Погоди, покуда он еще жив, не обрезай конец, капитан! Ведь даже с тем запасом консервированной воды и кое-каким снаряжением, которым заблаговременно было дополнено оснащение спасательного плота, мне все равно не протянуть долго. Для успешного выживания в море нужно еще что-нибудь. Не спеши и спаси все, что только можно. От холода и нервного возбуждения меня колотит все сильнее, глаза щиплет от соли. Надо вытащить с яхты хоть какую-нибудь одежду, что угодно, во что можно было бы Завернуться. Я принимаюсь кромсать грот, стараясь отделить от него кусок побольше. Смотри, осторожно, не порежь плот. Надрезав ткань паруса, я легко отрываю лоскут. Изловчившись, я из своего пританцовывающего вокруг «Соло» плота снимаю с кормы яхты спасательный нагрудник в форме лошадиного хомута и буй с сигнальной вешкой. Пенистые гребни волн по-прежнему перекатываются по палубе, но яхта каждый раз опять всплывает. Я обращаюсь к ней с молчаливым призывом: «Ну, пожалуйста, не уходи на дно, подожди, продержись еще немного!» Спроектированные мной водонепроницаемые отсеки в сочетании с оставшимися где-то под палубой воздушными пузырями не

дают ей утонуть. «Соло» упорно борется. Продолжает громко хлопать стаксель. Когда океан наносит новый удар по корпусу, со стуком перебрасывается руль и хлопает дверца люка. Может быть, мой корабль вообще не утонет? Несмотря на то что нос скрыт под водой, корма все время высовывается над поверхностью; она ведет себя, как ребенок, не решающийся прыгнуть с обрыва в воду.

От холода болезненно ноет все тело; меня замучил вьедливый запах резины, пластика и талька. «Соло» может утонуть с минуту на минуту, но я должен проникнуть внутрь. Времени очень мало. Подтягиваюсь к яхте, взбираюсь на борт и замираю на секунду от странного ощущения: я нахожусь в воде и в то же время стою на палубе. Вздрыбленные волны то и дело пытаются похоронить «Соло» в пучине, но он не сдается и упрямо выныривает на поверхность океана. Сколько ударов он выдержит, прежде чем вода прорвется в последние закоулки корпуса, где еще остался воздух? Сколько еще мгновений отделяет его от последнего погружения?

Улучив удобный момент, пока не накатит следующий вал, я спускаюсь в люк. Вода, залившая каюту, в отличие от ярящегося моря, ведет себя очень мирно. Нырять в глубь этой ледяной могилы и слышу, как позади с грохотом захопывается дверца люка. Нашупав аварийный мешок, обрезаю наконец крепящие его штерты. Гуляющие по палубе волны ритмично перекатывают через «Соло» и уносятся дальше к западу. Запас воздуха в легких кончается, и я начинаю задыхаться. Мешок теперь ничем не закреплен, но тяжесть в нем такая, словно там собраны все грехи земной юдоли. Подталкивая и вытягивая мешок, выбираюсь вместе с ним на палубу; при этом приходится воевать с бьющей по спине дверцей люка. Напрягая все силы, я кое-как втаскиваю свою ношу на плот.

Закончив эту операцию, я поворачиваю назад и снова погружаюсь в люк. Вытягиваю руку по направлению к корме и нашариваю всплывший диванный матрас, прижатый к потолку каюты. Тащу его к себе и на секунду высовываюсь наружу в надежде перехватить воздуха. Но воздуха нет. У меня в эту секунду такое ощущение, словно последний глоток воздуха во вселенной достался кому-то другому. Нахлынувшая волна внезапно откатывает, открывая передо мной мерцающую подобно тысяче огней поверхность моря. В каюту врывается воздух, и я

успеваю вдохнуть до того, как очередная волна заглушает скрип и треск погибающего «Соло».

Привязываю матрас к концу фала и отпускаю его еще немного поплавать, а сам опять ныряю вниз, на этот раз за постелью. Пробую сделать сверток из своего мокрого спальника, но не тут-то было: он змеится и расплзается из-под рук. Лишь с большим трудом, то подпихивая снизу, то подтягивая сверху, мне удастся перетащить его на плот. Прихватив напоследок диванную подушку, падаю следом. Итак, я благополучно покинул тонущее судно.

Боже мой, «Соло» все еще держится на плаву! Он медленно заваливается набок, и из каюты один за другим начинают выплывать различные предметы, которые я тут же подхватываю: кочан капусты, пустая кофейная банка, коробка с остатками яиц. Яйца, наверно, долго не протянут, но я все равно их подбираю.

Я так изнурен, что уже ничего не могу делать. Хотя я и не собираюсь пока расставаться с «Соло», но если он вдруг вздумает меня покинуть первым, то мне надо будет вовремя от него отцепиться. Семьдесят футов линия диаметром $\frac{3}{8}$ дюйма, наращенного на конце гика-шкота, позволяют мне изрядно сдрейфовать под ветер. Когда мы оказываемся в ложбине между волнами, яхта моя исчезает из виду. Огромные вспененные гребни грузными шеренгами надвигаются на нас. С наветренной стороны плота волны кипят и пенятся, как береговой прибой. Сквозь приближающийся шум до меня доносятся хлопанье парусов, стук и треск — это «Соло» напоминает о себе: «Я здесь!» Вот волна набрасывается на меня, и плот взлетает на ее макушку, подставляя левый борт ударам бурлящих пенных вихрей.

Откидной полог тента с резким хлопаньем полощется от порывов ветра. Надо отвернуть плот, иначе какой-нибудь взбрыкнувший бурунный гребень может ворваться внутрь. С высоты поднявшего меня гребня я разглядываю палубу «Соло», находящуюся в этот момент на вершине наступающего следом водяного холма. Волна плавно вздымается из тьмы, словно встающий ото сна исполин. На противоположной стороне тента есть узкое круглое отверстие, и я по пояс высовываюсь в этот наблюдательный лючок. Я не хочу отпускать линь, связывающий меня с «Соло», но его надо переместить. Я провожу конец линия через петлю свисающего с палубы яхты гика-шкота

и возвращаю его на плот. Один его конец я креплю к лееру, окружающему плот по периметру, а вторым делаю на этом леере виток и пропускаю в смотровое окно. Если «Соло» сейчас затонет, мне достаточно будет просто отпустить ходовой конец и мы разделимся навсегда. Но погоди-ка — мне никак не влезть обратно... застрял! Стараюсь высвободиться из сдавившей мою грудную клетку ткани. Море плюет мне в лицо. В темноте угрожающе рычат вспухающие из пучины гребни волн. Я извиваюсь, дергаюсь и наконец вваливаюсь внутрь. Плот от моего падения покачивается и подставляет волнам стенку своего тента. Ха! Это забавно — мягкий тент против сокрушительной мощи моря, которое даже гранитные утесы дробит в песок.

Ходовой конец линия, соединяющего меня с «Соло», я привязываю к страховочному лееру, проведенному по окружности плота с его внутренней стороны. Потом суетливо начинаю привязывать к этому же лееру все свое снаряжение, но тут вдруг с наветра до меня доносится рокот, заглушающий все прочие звуки. Судя по его непрерывно нарастающей силе, это идет большущая волна. Я замираю, вслушиваясь, как она приближается. Вот внезапный ток воды под днищем... и тишина. Физически ощущаю, как волна вздымается над моей головой. В следующий миг она наваливается на плот, резиновые борта отзываются скрипучим визгом, и сразу же мое жизненное пространство сокращается вдвое: наветренный борт так резко вдавливается внутрь, что я кубарем отлетаю к противоположной стенке. Тент не выдерживает и обрушивается вниз, и меня заливают хлынувшей со всех сторон водой. Энергию толчка еще более усиливает рывок линия, связывающего мой плот с полузатопленной яхтой, которая первой приняла удар. Все, здесь я и погибну. Здесь, откуда до ближайшей суши около 450 миль. Волны раздавят плот, перевернут его вверх дном и превратят меня в хладный труп. Я сгину, но никто обо мне даже не спохватится, пока не пройдут все сроки моего возвращения.

Переползаю обратно к наветренному борту и, держась одной рукой за конец, связывающий меня с «Соло», а другой вцепившись в страховочный леер, съеживаюсь в своем насквозь мокрым спальном мешке. По дну плота вокруг меня плещется несколько галлонов морской воды. Усаживаюсь на диванном матрасе, чтобы хоть как-то

«Соло» может утонуть с минуты на минуту,
но я должен проникнуть внутрь.

спастись от ледяного холода, поднимающегося от резинового пола. Меня все еще бьет озноб, но я уже начинаю согреваться. Приходит время ждать, слушать, думать, рассчитывать. И бояться.

Когда плот вскарабкивается со мной на гребень волны, взору моему вновь открывается покачивающийся внизу в ложбине «Соло». Затем он взбирается на склон следующей волны, а я скатываюсь во впадину, в которой только что находился мой корабль. Яхта уже совсем завалилась на правый борт, нос ушел под воду, и только корма еще торчит над водой. О, «Соло», продержись, пожалуйста, на плаву, хотя бы до утра! Я должен увидеть тебя еще раз, я должен разглядеть ту рану, которую, я чувствую, нанесла тебе моя самоуверенность. Почему я не остался на Канарах? Почему не задержался там, чтобы понежиться еще в покое и безмятежности островного бытия? Зачем я вывел тебя в этот путь ради дурацкой затеи во что бы то ни стало дважды пересечь океан? Прости меня, мой бедный «Соло»!

Я изрядно наглотался соли, отчего у меня зверски дерет горло. Может быть, утром мне удастся извлечь еще что-нибудь из снаряжения, банки с консервированной водой и какие-либо продукты. Тщательно обдумываю каждый предстоящий шаг, просчитываю каждую свою потребность. Главную опасность сейчас представляет для меня переохладение организма, но я надеюсь, что спальник все-таки от него защитит. Стало быть, на первом месте вода, после воды — пища. А там уже все остальное, что только можно будет прихватить. Десять галлонов воды находятся в камбузном рундуке прямо под входным трапом, поджидая меня всего в какой-то сотне футов; этого запаса при жестком нормировании хватило бы на срок от сорока до восьмидесяти дней. Теперь, когда корма поднялась над водой, туда будет нетрудно проникнуть. В кормовой каютке, прямо под палубой, к бортам подвешены два больших брезентовых мешка; в одном лежит месячный запас провизии, другой набит одеждой. А если я нырну в люк и сумею доплыть до форпика, то смогу достать гидрокостюм. Размечтавшись, я представляю себе, как меня будет согревать его толстая поролоновая подкладка.

Волны продолжают молотить по моему плоту, вдавливая его бока и заливая меня водой. Надувные камеры

тверды, как тиковые бревна, но под этими могучими ударами гнутся, как вареные спагетти. Непрестанно вычерпывая воду кофейной банкой, я спрашиваю себя, сколько может выдержать плот, и с беспокойством вглядываюсь, не начинает ли он расползаться по швам.

Маленькая лампочка над головой освещает мой крошечный новый мирок. В духоте резиновой палатки под тяжкие удары волн и завывание ветра я то и дело мысленно возвращаюсь к картине крушения, снова и снова обдумываю намеченный на завтра план посещения «Соло». Скоро, конечно, всему настанет конец.

5 февраля,
день первый

Я ЗАТЕРЯН ГДЕ-ТО НА ПОЛПУТИ МЕЖДУ ЗАПАД-НЫМ Ошкошем и столицей страны Нигделандии. Помоему, во всей Атлантике вряд ли найдется более пустынное место. Я нахожусь примерно в 450 милях к северу от островов Зеленого Мыса, но, увы, путь к ним пролегает поперек ветра. А я могу только дрейфовать по ветру. В подветренном направлении расстояние до ближайшей судоходной трассы составляет 450 миль. А ближайшая суша, которую можно встретить, двигаясь по ветру, это Антильские острова. От них меня отделяет 1800 морских миль. Да, об этом лучше не думать. Прикинем, что надо сделать завтра. Надежда есть, вот только бы выдержал плот. Выдержит ли? Море неустанно атакует меня, порою безо всякого предупреждения. Нередко водный вихрь, предшествующий подходу волны, развивается уже перед самым ударом. Тяжелый вал с ревом низвергается на плот, молотит его и терзает.

Откуда-то издалека, из самого сердца шторма, доносится рык. Все громче и громче нарастает его могучее крещендо, заполняя собой все. И вот обрушивается занесенный надо мною кулак Нептуна, плот, содрогнувшись, останавливает свой бег. Сначала все наполняется скрежетом и скрипом, затем наступает внезапная тишина, и мне кажется, будто я очутился в загробном мире, где кончаются земные терзания.

Проворно раздернув смотровое окошко, я высовываюсь наружу. На мачте «Соло» все еще хлопает стаксель, и гремит болтающийся на транце руль, но меня неумолимо относит прочь. На яхте чем-то замкнуло электрическую цепь, и на клотике начинает мигать импульсный огонь — «Соло» как бы прощается со мной. Я провожаю взглядом световые вспышки, все реже возникающие за громаздящимися волнами, сознавая, что больше уж никогда не увижу моего «Соло», и в душе у меня такое чувство, будто я потерял верного друга, частицу своего сердца. Еще один случайный проблеск мелькает вдали, и все. Моя яхта навсегда исчезла в бушующем море.

Втягиваю на борт линь, соединявший меня с другом, с моей надеждой на пищу, воду и одежду. Линь цел и невредим. Возможно, что петля гика-шкота лопнула, не выдержав ярости последнего удара, может быть, развязался узел; да, скорее всего это был узел. Постоянная вибрация и рывки могли понемногу ослабить его. Или же я неправильно его завязал. В своей жизни я тысячи раз закладывал носовые концы; я проделываю это так же автоматически, как отпираю ключом входную дверь. И все же... Впрочем, теперь это уже неважно. И нечего жалеть. Как знать, может быть, это спасло мне жизнь! Может быть, мой резиновый домик в последнюю минуту спасся от гибели, а иначе его просто разорвало бы в клочья! Или вырвавшись на волю волн, я в конце концов найду свою смерть?

Почувствовав некоторое облегчение, так как бешеный натиск волн несколько ослаб, я принимаюсь корить себя в духе Хэмфри Богарта. Так-то, приятель, теперь ты остался один. К чувству облегчения примешиваются испуг, боль, угрызения совести, страх перед будущим, надежда и... отчаяние. Все перепуталось в душе, и я погружаюсь в хаос противоречивых чувств, как в черную дыру, которая поглощает свет. Я совсем околел от холода, и боль от ран, которых я поначалу и не замечал, пронизывает все мое тело. Я чувствую себя таким беззащитным. У меня больше нет спасительных резервов, нет тыла, прибежища для отступления, нет запасного выхода на крайний случай. И морально, и физически я чувствую себя так, словно защитные покровы содраны с моих обнаженных нервов.

*ВЕДЪМ ЗАКЛЯТЪЕ
ВРАЖЪЕ — ГОЛОД И ЖАЖДА*

УЖЕ ТРОЕ СУТОК НА МОРЕ ШТОРМИТ.

ВСЮ НОЧЬ ПЛОТ ВМЕСТЕ СО МНОЙ ТО ВЗМЫВАЕТ вверх, то проваливается среди бушующих волн. Я поставил плавучий якорь — привязанный за углы кусок ткани, действующий наподобие водного парашюта; он замедляет падение и предотвращает опрокидывание. Каждая новая волна поддает нам снизу, и от ее пинка плот взлетает вверх, замирая на секунду в неустойчивом равновесии на самом краю взметнувшей нас громадины. Несколько ведер черного рассола затапливают мой дом. Стоит мне только сползти со страховочного леера, на котором я пристроился, как на насесте, и тут же резвящиеся под нами пенные вихри принимаются колошматить меня сквозь тонкое днище. А перед самым падением с водяного обрыва, грозящим переворотом, канат моего плавучего якоря натягивается и дергает плот в обратную сторону. При этом он всякий раз черпает целое корыто морской воды, обдающей меня ледяными родниковыми струями.

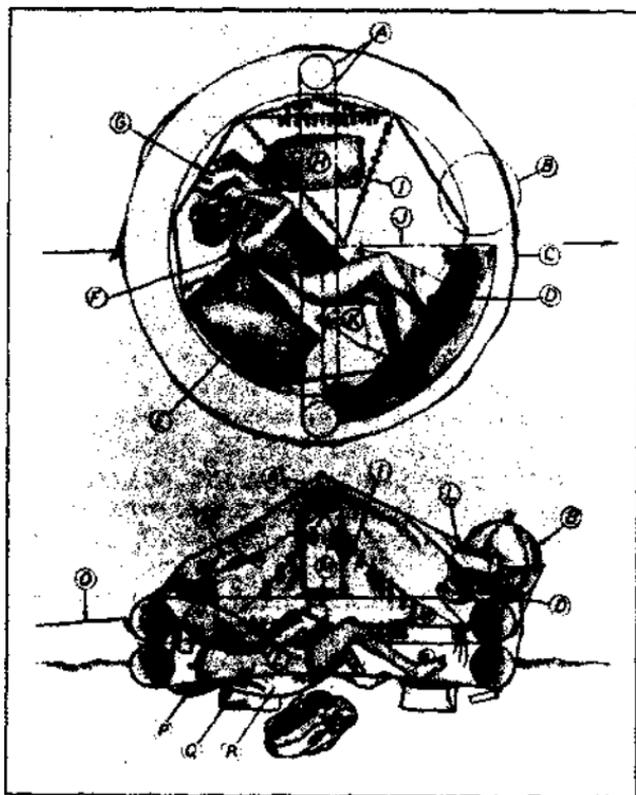
Мой спасательный плот, стандартной шестиместной модели «Эйвон», представляет собой две многоотсечные круговые камеры, скрепленные одна над другой в два яруса. Внутренний его диаметр составляет примерно пять футов шесть дюймов. Инспекция гоночного комитета «Мини-Трансата», осматривавшая перед выходом в гонку мою яхту, была весьма удивлена, обнаружив у меня на борту такой большой плот. «А вы когда-нибудь пробовали посидеть в четырехместном?» — спросил я их. А я вот однажды попробовал. Как-то мы втроем с товарищами влезли в плот, рассчитанный на четырех человек. Мы сидели буквально друг на друге, сложив ноги штабелем. А если бы туда в соответствии с инструкцией сел еще и четвертый, то в такой тесноте мы, наверное, не выдержали бы и недели. Причем это стоило бы нам ужасных мучений. Я решил, что на время длительного плавания шестиместный плот обеспечит приличные условия для двоих.

Противоположные точки верхней камеры соединены между собой полукруглой аркой, образованной дополнительной камерой для поддержки тента. Одна четверть этого тента свободно свисает вниз, служа входным полом. Единственное место на полу, где можно сидеть выпрямившись, находится в самом центре. Во всех про-

чих местах приходится либо упираться головой в тент, вклинившись между ним и днищем, либо сидеть сгорбившись и поджав колени к подбородку. Сделан плот из черной армированной дакроном резины, и детали его выкройки склеены. Поверх швов проложены усиливающие полоски из того же материала. К сожалению, я знаю немало случаев, когда надувные плоты лопались по швам, и сейчас эта мысль сильно меня тревожит. Поэтому я стараюсь запечатлеть в памяти ажурную паутинку подтеков клея на каждом шве и постоянно слежу, не появилось ли где-нибудь трещины. Пол состоит из двух камер — нижней и верхней, объединенной с аркой. Каждая камера снабжена предохранительными клапанами для стравливания избыточного давления, то есть более двух с половиной фунтов на квадратный дюйм. Надувается камера только с помощью воздушной помпы. Вся конструкция непрерывно изгибается и шевелится, точно свившаяся кольцами змея, которая никак не может устроиться поудобнее.

Тонкое днище все время пульсирует и волнуется, как наполненный водою матрас, по которому скачет пара увесистых кенгуру. Повиснув на одной руке, я опускаюсь на колени и приступаю к бесконечному вычерпыванию воды кофейной банкой. Днище прогибается вокруг коленей, и в образовавшиеся лунки устремляются целые реки трюмной воды. Я подставляю под струю банку, но едва кончаю собирать воду, как новая волна встряхивает мой плот, в палатку ко мне вливается новый поток и все надо начинать сначала. Работа согревает меня, но одновременно и изматывает. Отдыха нет и не предвидится. От непрерывного физического труда среди удушливых запахов резины, клея и талька, исходящих от нового плота, меня постоянно мутит, но я так изнурен, что не способен даже блевать.

Океан методично бомбардирует нас, упорно не желая умерять свое буйство. Ради Бога, только не надо нас опрокидывать, иначе я не выживу! Если меня кинуть в море, я так задрожу, что начнется землетрясение. Губы мои посинеют, кожа побелеет, хватка ослабнет. Море в последний раз раскинет надо мной свое покрывало, и я усну навеки. Потому я держу все свое снаряжение у наветренного борта, который первым встречает нескончаемые приступы стихии, и там же сижу сам, впившись

ДВА ВИДА «РЕЗИНОВОЙ УТОЧКИ-III»

Вид сбоку: я изобразил себя с воздушной помпой в руках, шланг которой вставлен в один из клапанов. У «Резиновой уточки» две надувные трубчатые камеры — верхнего и нижнего корпуса, объединенного с аркой. Ветер на этих рисунках дует слева, подталкивая «Уточку» вправо. *A* — трубчатая арка: поддерживает навес; *B* — солнечный опреснитель: крепится на месте с помощью специальной сбруи. Трубка для отвода дистиллята и водосборный мешочек свисают вниз под днище; *C* — наружный леер: окружает весь плот по периметру; *D* — брызгоотбойная юбка из нагрудника поперек плодного отверстия: иногда отражает волны и служит полкой для хранения подводного ружья; *E* — мешок со снаряжением: спасен с «Соло», в нем находится большая часть моего снаряжения; *F* — матрас толщиной два дюйма: изготовлен из поролона с закрытыми ячейками, не впитывающего воду. Он смягчает удары, которыми награждают меня из-под плота акулы и другие рыбы; *G* — внутренний леер: к нему я привязываю все свое снаряжение. Между его ушками развешена вяленая рыба. Стрелка указывает на флагу с водой, финку в ножнах и короткие штертики, постоянно находя-

щиеся у меня под рукой; *H* — мешок со стандартным снаряжением: прилагается к плоту при покупке. В этот комплект входит и воздушная помпа. Крепится мешок к специальным проушинам на полу; *I* — *бельевая веревка*: для хранения рыбы в «мясной лавке». Протянута от ушек внутреннего леера вверх к трубчатой арке; *J* — *входное отверстие* (показано штрих-пунктирной линией). Плот я держу развернутым так, чтобы оно было в его правой передней четверти; в этом положении ко мне не задувает ветер и меньше заплескивают волны; *K* — *кусоч парусины*: спасен с «Соло», сложен и увязан. Служит буфером от рыбьих затрещин и защищает плот от повреждений острым наконечником копья при подъеме на борт загарпуненной рыбы; *L* — *пластмассовый ящик*: заклинивается в срубе солнечного опреснителя и предназначен для сбора с «Соло» воды. Позднее он будет переставлен в верхушку тента и снабжен собственной уздечкой, а затем переместится внутрь, под смотровое окно; *M* — *аварийный радиомаяк*: излучает сигнал бедствия на двух частотах, обычно прослушиваемых экипажами коммерческих авиалиний; *N* — *смотровое окно*: течет отчаянно, так как находится на наветренной стороне, поэтому его приходится подвязывать. Со временем через это отверстие я пропущу дренажный угол водосборной накладки, вода с которой будет стекать в пластмассовый контейнер; *O* — *буксирный конец сигнальной веши*: она волочится за кормой и служит лагом. Кроме того, она ориентирует плот по ветру и предотвращает опрокидывание. Вешка также повышает мои шансы быть замеченным. Буксирный конец представляет собой отличный насап для морских уток, которыми кормимся я и спинороги; *P* — *завозный баллончик*: он надул «Резиновую уточку». Его уязвимость постоянно причиняет мне беспокойство; *Q* — *балластный карман*: четыре расположенных под днищем кармана, наполняясь водой, повышают остойчивость плота; *R* — *провисающий пол*: типичное явление под любым грузом. Давление воды, напротив, стремится выгнуть пол куполом. Эти прогибы кажутся рыбам очень привлекательными мишенями — например, той дораде, которая целит на рисунке в мою левую пятку.

в леер; так я надеюсь повысить остойчивость плота. Я сижу и слушаю. На лице застыла гримаса мучительного страха. Мне кажется, что из мрака на меня пустыми глазницами уставилась костлявая и не сводит с меня тяжелого безжалостного взгляда. Рокот моря напоминает артиллерийскую канонаду, и, когда я погружаюсь в дремоту, в отрывочных снах вижу войну.

5 февраля,
день первый

НАКОНЕЦ ОКРУЖАЮЩИЙ МРАК СМЕНЯЕТСЯ серым рассветом. Все ярче проступают дневные краски.

Лучи утреннего солнца проникают в мою темницу и приносят слабый проблеск надежды. Я пережил ночь. Наступление утра никогда еще не значило для меня так много, как сейчас, но буря продолжает неистовствовать. Мне немало доводилось штормовать в открытом море, но у меня всегда было хоть какое-то укрытие под палубой. А тут на плоту буря хозяйничает и снаружи, и внутри. Ветер нещадно сечет трепещущий тент, яростно треплет гулко хлопающий входной полог. Воздух наполнен мельчайшими брызгами. Все пропиталось водой, как губка, и скачущий плот несется со мной по разбушевавшимся волнам Атлантического океана.

Стоит ли мне сейчас включать аварийный радиомаяк? Радиус его действия 250 миль, и рассчитан он на 72 часа работы. Затем по мере угасания батарей дальность его слышимости будет постепенно уменьшаться. Мой слабый призыв о помощи может поймать какой-нибудь рейсовый авиалайнер и направить по моему радиопеленгу с базы поисковый самолет. Тогда находящиеся поблизости суда получают информацию и я буду спасен.

Кого я хочу обмануть? Я нахожусь посреди океана в 800 милях к западу от Канарских островов, в 450 милях к северу от островов Зеленого Мыса и приблизительно в 450 милях восточнее ближайшей крупной судоходной трассы. Авиалинии, по-видимому, связывают острова с Европой и Африкой. Отплыв от Канарских островов, я за все время ни разу не видел ни одного самолета, который летел бы туда или оттуда. На моей карте не обозначено ни одного крупного африканского города, который мог бы быть связан с миром межконтинентальными авиалиниями, пролегающими в радиусе 450 миль от моего нынешнего местоположения. Слышать меня здесь некому.

Тем не менее я на всякий случай щелкаю тумблером маяка. А вдруг я ошибся! Я очень надеюсь на это. Ведь вот был же недавно такой случай. Один тримаран под названием «Боутфайл» опрокинулся и затонул. Надувной плот лопнул, и экипаж остался барахтаться в открытой Атлантике в одних только гидрокостюмах и спасательных жилетах. Но благодаря радиомаяку, который они не выключали ни на минуту, помощь пришла к ним уже через несколько часов. Два человека, затерянных в безбрежном бурном море, были обнаружены и подобраны. Такое

подтверждение эффективности маленького маяка немного приободряет меня, но где-то в подсознании неотступно гложет сомнение, услышит ли меня хоть кто-нибудь. А если вспомнить Робертсонов? В 1972 году их 43-футовую шхуну водоизмещением 19 тонн опрокинул и потопил кит. После этого вся семья из пяти человек плюс еще один член экипажа носились по океану целых тридцать восемь дней. Надвунной плот продержался всего лишь семнадцать суток, но, к счастью, кроме плота у них был еще судовой тузик.

С семейством Бэйли история приключилась и того хуже. Как и у Робертсонов, их большая прогулочная яхта была потоплена китом в том же районе Тихого океана, и на двух надвунных лодках они оказались наедине с грозной стихией. Их заметили и спасли спустя сто девятнадцать дней, а это почти четыре месяца! Это единственный случай, когда люди находились на надвунном плоту более сорока дней, тем не менее он воодушевляет, если вспомнить, что оба плота с честью выдержали весь срок мучительного испытания.

А вдруг никто не услышит моего маяка? Вдруг окажется, что корабли редко ходят по здешним океанским дорогам? Даже если и не вмешаются непредвиденные обстоятельства, мне, чтобы доплыть до Карибского моря, пожалуй, понадобится суток девяносто; а если по пути я отклонюсь к северу от восемнадцатой параллели, то и ста дней будет мало. Отправляясь с Иерро, я написал своим родителям, что прибуду на Антигуа не раньше 10 марта; сегодня до этой даты остается еще тридцать четыре дня. До тех пор никто не станет меня искать, да и потом, кто знает, начнутся ли поиски. Всего один человек в истории мореплавания пережил одиночный дрейф по океану длительностью более месяца; его имя — Пун Лим. Это случилось в годы второй мировой войны. Судно, на котором он плыл, было торпедировано, и он провел в море на жестком плоту сто тридцать суток. Сто тридцать суток! Уж лучше об этом не думать. Дней двадцать... Кто-нибудь обязательно увидит меня не позже чем через двадцать дней. Как пригодилась бы мне сейчас карта воздушных маршрутов, чтобы выбрать наиболее подходящее время для включения радиомаяка! Решаю погонять его для начала тридцать часов. Это позволит услышать меня какому-нибудь самолету, совершающему

ежедневные рейсы, и еще предоставить шесть часов для наводки поискового самолета.

Что помогло выжить Робертсонам, Бэйли и Пуну Лиму? Опыт, подготовка, снаряжение и — везение. Что касается первых трех пунктов, то здесь у меня все в порядке. У них было с собой больше воды и пищи, зато у меня есть хорошие рыболовные снасти. Пусть те дрейфовали в районах, где часто выпадают дожди, зато у меня есть солнечные опреснители морской воды. Дополнительное мое преимущество: с самого начала я могу воспользоваться их опытом. Особенно благодарен я Робертсонам, потому что с собой у меня книга Дугала Робертсона, в которой описано все, что они пережили. Больше всего я озабочен тем, что у меня нет ничего, кроме плота, заменить его нечем, других плавучих средств у меня нет. Огромной удачей для меня будет, если я сохраню его целым и невредимым хотя бы в течение месяца. Помнится, в юности я видел фильм «Твоя удача в твоих руках». Надо как следует постараться, постараться изо всех сил. Ни от чего не уваливать, ничего не откладывать на потом. Мне некуда отступать. В этой голубой зыбучей пустыне никуда не спрячешься. Бывало, что я закрывал на что-то глаза. Порой обманывал других. Но природу вокруг пальца не обведешь. Какую-то незначительную ошибку она, может быть, и простит, однако нельзя рассчитывать на удачу. Ведь даже если я окажусь таким же мужественным человеком и умелым моряком, какими показали себя Робертсоны и Бэйли, я все-таки могу погибнуть. Кто знает, сколько людей, превосходивших их опытностью и стойкостью, так и не вернулось домой, чтобы поведать нам свою печальную повесть?

Сейчас утрата любого предмета снаряжения может стать для меня последним гвоздем в крышке гроба. Без воды не продержаться больше десяти дней. Без воздушного насоса плот постепенно потеряет плавучесть, и жить мне останется всего несколько часов. Потеря оставшихся клочков бумаги или пластика может привести к тому, что я не смогу, когда потребуется, произвести необходимый ремонт или сделать нужное приспособление — то есть опять-таки речь идет о жизни и смерти. Поэтому я дополнительным линем креплю мешок с аварийным снаряжением к страховочному лееру. В мешок я складываю все, что имеет для меня здесь наибольшую ценность,

и в первую очередь воздушную помпу. Всякий надувной плот нуждается в периодическом подкачивании. Дело в том, что воздух из него все время понемногу уходит, главным образом потому что черные резиновые камеры накаляются от солнца и образующееся при этом избыточное давление стравливается через предохранительные клапаны. Плот укомплектован маленькой ножной помпой с длинным шлангом, она очень напоминает насос для резинового матраса. Надо сказать, что это орудие мало приспособлено для резинового плота, где нельзя работать стоя, а когда качаешь помпу руками, мягкое резиновое днище не дает жесткого упора. Поэтому я держу ее на весу и сдавливаю ладонями, радуясь, что у меня сильная кисть и широкая ладонь.

Входящий в комплект плота мешок со снаряжением крепится к специальным проушинам на днище. Чтобы лучше укрыться от ветра и брызг и чтобы не выдувало понапрасну тепло, я протыкаю в тентовом пологе дырочки и с помощью коротких сезней плотно его зашнуровываю. Делать мне больше нечего, остается только сберечь энергию; надеюсь, что сигнал моего радиомаяка кто-нибудь услышал. Поэтому я переключаю свое внимание на ближайшее окружение.

Моя нынешняя обстановка разительно, фантастически отличается от того, что у меня было на хорошо оснащенном маленьком «Соло» с его сухой и чистой каютой. Может быть, все это кошмарный сон и вот-вот наступит пробуждение? Но равномерные удары волн по спине, которые я, лежа, ощущаю всем телом, завывание ветра, немолчный рык обрушивающихся вокруг волн, холодные объятия моей раскисшей постели — все это реальнейшая действительность, которую я воспринимаю с необыкновенной ясностью.

Минует еще одна ночь длиною в вечность, и на ее исходе истекает тридцатый час моей жизни на плоту. Выключаю маяк. Я с самого начала не верил, что из этого выйдет толк. Следующая возможность попытаться удачу представится мне только по достижении судоходной трассы Нью-Йорк — Южная Африка. А с морскими путями часто совпадают и авиационные. Однако довольно сомнительно, что там мне наконец повезет — расстояние между Нью-Йорком и Южной Африкой слишком велико для прямого сообщения. Но тогда, когда я ока-

жусь в тех местах, даже самый ничтожный шанс, возможно, покажется мне многообещающим. Ведь если мой зов и не долетит ни до одного самолета, то меня могут заметить с какого-нибудь проходящего судна. Как мне кажется, у меня один шанс на миллион добраться до трассы и еще один на миллион, что кто-нибудь меня обнаружит.

6 февраля,
день второй

ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ МНЕ ЧУДИТСЯ, ЧТО Я СЛЫШУ басовитое гудение, похожее на звук самолетного двигателя. Я вскакиваю и осматриваюсь по сторонам. Ничего. Только ветер шумит в ушах. Ничего. Но стоит мне снова залезть под полог, как звук становится отчетливым. Я уверен, это не игра воображения. Опять включаю на несколько часов радиомаяк и периодически гоняю его до тех пор, пока не обнаруживаю, что израсходовал 36-часовой ресурс его работоспособности. Надо поберечь что осталось. Все-таки это, как видно, был не самолет. Должно быть, это гудят от ветра резиновые камеры плота. Но этот акустический фантом лишний раз напоминает мне, как мало можно увидеть из моей тесной пещерки. Интересно, сколько же судов и самолетов пройдет мимо меня, так и не попав в мое поле зрения?

Вскрываю банку арахиса и медленно жую, смакуя каждый орешек. Сегодня 6 февраля, день моего рождения. Угощение получилось совсем не такое, какое я собирался устроить. Вот я и дожид до круглой даты: тридцать лет — это не так уж мало. Чем же я могу похвалиться за прожитые годы? Я сочиняю себе эпитафию:

СТИВЕН КАЛЛАХЭН

6 февраля 1952 г.

6 февраля 1982 г.

Мечтал
Рисовал
Строил лодки
Умер

Итог моей жизни представляется мне сплошным убожеством, и эта мысль так же неутешительна, как и зрелище пустынного горизонта.

Уже трос суток на море штормит. Солнечные блики играют в волнах, а ветер сдувает с синегрудых волн белые гребешки и по пояс укрывает их пенистыми бородами. Днем солнечные лучи слегка отогревают мой скованный холодом мирок, а по ночам ветер и волны бушуют еще злее. Даже здесь, в субтропической зоне, температура воды опускается до 20 °С, так что я вполне могу в одну прекрасную ночь скончаться от гипотермии, так и не дождавшись рассвета. Мое голое и воспаленное тело, завернутое в липкое космическое одеяло, непрерывно сотрясает озноб, от которого не спасает насквозь промокший спальник. Спать я могу только урывками из-за непрерывного грохота и тряски. Грузное падение гребней на плот или рядом с ним напоминает разрыв снаряда.

На моей коже, не просыхающей от соленой воды, вскочили сотни фурункулов. А мокрая майка и отсыревший спальный мешок способствуют их быстрому размножению. Нижняя часть спины, ягодицы и колени покрыты множеством ссадин и царапин. Вид у них скверный, но я надеюсь, что они хотя бы чистые. То и дело я просыпаюсь от жгучей боли: это морская соль разъедает гноящиеся раны. Плот слишком мал, чтобы в нем можно было вытянуться, и лежать мне приходится на боку, поджав колени. Одно утешение, что по крайней мере болячки мои остаются сухими.

Обнаруживаю две небольшие дырочки в резиновом днище плота. Вот откуда ко мне просачивается вода! Наверное, прыгая с тонущей яхты, я уселся на нож. Эта версия проливает свет также и на происхождение некоторых порезов на соответствующих участках тела. В ремнаборе плота есть клей и кусочки резины, но прилагаемая инструкция гласит, что перед наложением заплат необходимо тщательно просушить заклеиваемое место. Забавно! Затыкаю дырки маленькими кусочками пластика и закрепляю клеем из ремнабора, после чего пол ненадолго высыхает. Но по краям затычек вскоре проступают капельки, потому что клей не пристал к влажной резине. Затратив на эту работу два часа, я с третьей попытки с помощью тесьмы, медицинского бинта и зажигалки

наконец-то более или менее надежно прилаживаю заплату. Конечно, беспрестанная тряска и толчки и всепроникающая сырость не позволяют быть уверенным в ее прочности, но сейчас все-таки стало посуше, и это здорово поднимает настроение. Теперь, когда у меня появилась возможность мало-помалу обсохнуть, жизнь под резиновой крышей становится значительно привлекательнее. Пусть ненадолго, но я воспрял духом и восстал со смертного одра.

Мне случалось неоднократно видеть яхты, выходящие в дальнее плавание с минимальным запасом аварийного снаряжения на борту. Я гораздо лучше подготовился к любым неожиданностям, чем большинство прочих яхтсменов. Стандартное снаряжение спасательного плота включает следующее.

- Шесть пинт воды в банках, закрытых двойными пластиковыми крышками. Позднее они пригодятся мне для хранения самых разных вещей.
- Два коротких весла из клееной фанеры. Правда, я не собираюсь идти на веслах до самого Карибского моря, но они могут пригодиться, чтобы отгонять акул.
- Две ручные сигнальные ракеты, три красных фальшфейера и две оранжевые дымовые шашки.
- Две губки.
- Складной радиолокационный отражатель, предназначенный для установки на мачте. Мачты у меня нет. Впрочем, даже «Соло», оборудованный двумя такими отражателями, закрепленными в пятнадцати футах над палубой, далеко не всегда создавал отметку на экране локатора, поэтому в практической ценности этой штуковины я изрядно сомневаюсь.
- Два солнечных дистиллятора для опреснения соленой воды.
- Два консервных ножа, медицинская склянка с отбитым краем и таблетки от морской болезни.
- Аптечка первой помощи, содержимое которой, невзирая ни на что, сохранилось сухим.
- Резиновый надувной таз.
- 100-футовый пропиленовый бросательный линь диаметром $\frac{1}{8}$ дюйма.

- Навигационные карты, транспорир, карандаш и ластик.
- Карманный фонарик и два сигнальных зеркальца.
- Ремонтный набор: клей, резиновые заплаты и конические винтообразные пробки.
- Так называемая рыболовная снасть: 50 футов крепкой бечевки и один крючок среднего размера.

Кроме того, в наборе спасательного плота есть нож с тупым концом. Теоретически предполагается, что эта его особенность предохранит плот от случайного повреждения. Зато он почти не режет. Рыбу, например, с таким же успехом можно чистить бейсбольной битой.

Я страшно доволен, что при мне мой собственный аварийный мешок. В нем лежат:

- Большой пластмассовый ящик с карандашами, дешевыми блокнотами, пластиковыми зеркальцами, транспориром, охотничьим ножом в ножнах, карманным ножиком, комплектом столовых принадлежностей из нержавеющей стали, парусной нитью, крючками, белым шнуром, линем диаметром $\frac{3}{16}$ дюйма, двумя химическими свечками и книгой Дугала Робертсона «Выживание в море». Внутренний объем этого ящика представляет собой единственное, за исключением упомянутой уже аптечки, сухое место на моем плоту.
- Космическое одеяло, уже распакованное: серебристая, как фольга, пленка, в которую я заворачиваюсь для защиты от холода. Блестящая тонкая пленка задерживает тепловое излучение тела и таким образом согревает человека.
- Пластиковые мешки.
- Еще один солнечный опреснитель.
- Несколько выточенных из сосны пробок для затыкания дыр.
- Еще один 100-футовый бросательный линь.
- Разносортные скобы из нержавеющей стали.
- Две бухты линя: примерно 100 футов в $\frac{1}{8}$ и 100 футов в $\frac{1}{4}$ дюйма, плюс еще 70 футов линя в $\frac{3}{8}$ дюйма, на котором я буксирую сейчас у себя за кормой сигнальную вешку.

- Миниатюрный радиомаяк, автоматически подающий сигнал бедствия.
- Ракетница с двенадцатью красными парашютными ракетами, еще три красные ракеты, две оранжевые дымовые шашки, три красных фальшфейера и один белый.
- Две пииты воды в пластмассовой банке с завинчивающейся крышкой.
- Два куска фанеры толщиной $\frac{1}{8}$ дюйма, предназначенных для использования в качестве разделочных досок.
- Четыре металлических стержня разных размеров: детали рулевого управления яхты.
- Короткое подводное ружье со стрелой-гарпуном.
- Пакет с продуктами: десять унций арахиса, шестнадцать унций запеченной фасоли, десять унций солонины и десять унций подмокшего изюма.
- Маленький импульсный маячок.

Впридачу к перечисленному имуществу мне удалось спасти поролоновые матрас и подушку с каютного дивана, полтора однофунтовых кочана капусты, кусок грота, сигнальную вешку и спасательный нагрудник, спальный мешок и сапожный нож.

Книгу Дугала Робертсона я приобрел на распродаже много лет тому назад. Сейчас она для меня дороже золота. Подводное ружье было куплено на Канарских островах. На «Соло» ему нигде не находилось места. Когда я в пятый раз стукнулся об него лбом, меня вдруг осенило, что лучше всего будет засунуть его в мешок с аварийным снаряжением. Изменив положение гарпуна, я его туда запихал, и оно кое-как уместилось. Как я впоследствии убедился, это оказалось неслыханной удачей.

Я завожу себе дневник, в котором регистрирую состояние своего здоровья, состояние плота и количество пищи и воды. Кроме дневника, я начинаю новый бортужурнал, в котором веду также и штурманские записи. «Потеряно все, кроме прошлого и друзей; я лишился, можно сказать, последней рубашки. Приплыли, что называется. Выйду ли я живым из этой переделки? Не знаю». Стараюсь выводить строчки как можно ровней в блокнотиках размером три на пять дюймов, но это несложное

на первый взгляд занятие требует значительных усилий, потому что плот все время раскачивается. Свои записи я достаю только тогда, когда совершенно уверен в том, что сейчас меня не зальет и плот не перевернется. Кончив писать, я прячу свои записки сначала в один, потом во второй пластиковый пакет, каждый раз тщательно перевязывая сверток, затем укладываю их вместе с пособием по выживанию в третий пакет и поглубже запикиваю в мешок со снаряжением.

Если допустить, что плот не порвется, но мне не удастся пополнить запасы пищи и воды, я в лучшем случае протяну до 22 февраля, то есть еще четырнадцать дней. К тому времени я, может быть, и доберусь до судоходных трасс, где для меня забрезжит слабая надежда на спасение. Организм мой будет уже значительно обезвожен. Язык сначала распухнет, а потом почернеет. Глаза глубоко западут, и сквозь горячий бред я уже буду слышать поступь близкой смерти.

Целая вечность отделяет один тихий щелчок секундной стрелки от другого. Напоминаю себе, что время вовсе не стоит на месте. Под несуетное тикание стрелок секунды накапливаются, подобно фишкам в покерной ставке. Секунды сложатся в минуты, минуты — в часы, часы — в дни. Время пройдет. И когда-нибудь, сколько-то месяцев спустя, я смогу спокойно взглянуть на пережитый ад из будущего, как зритель из удобного кресла... Смогу, пожалуй, если повезет.

Охваченный пароксизмом отчаяния, я чуть не плачу, но сурово себя одергиваю. Не распускайся. Подави рыдания. Ты не можешь позволить себе роскошь тратить бесценную влагу на слезы, приятель. Я закусываю губы, закрываю глаза и без слез плачу в душе. Выжить! Сейчас самое главное — выжить! Нужно сосредоточиться на этом. Подо мной толща пустынных океанских вод в две мили глубиной. Там не видно никаких признаков жизни, так что на поживу рассчитывать не приходится. Волнение на поверхности слишком велико, чтобы можно было воспользоваться солнечным опреснителем и добыть немного пресной воды. Моя единственная надежда сегодня — это попасться кому-нибудь на глаза.

Сигнальная вешка режет морские струи в кильватере. Ее яркий флажок взлетает на вершину волны всякий раз,

как плот ныряет в ложбину. Это должно сделать меня более заметным для проходящих судов. Если «Наполеон Соло» еще не ушел на дно океана, то вероятность того, что кто-нибудь наткнется на след моего крушения, возрастает вдвое. Разумеется, всего этого очень мало, но ничего большего у меня нет. «Лучше уж волноваться по пустякам, чем вообще не волноваться», — эхом разносится в моей голове. Что-то мои шутки звучат не слишком смешно. Я больше не улыбаюсь, но насмешничаю по любому поводу, чтобы разрядить томительное напряжение.

Дел у меня почти никаких, поэтому единственное занятие — это наблюдать и мечтать. Вся моя жизнь проплывает передо мной в мельчайших подробностях, как будто кадры надоевшего третьеразрядного фильма. Пробую переключить свои мысли на размышления о том, что я буду делать, если мне посчастливится спастись. Я буду уделять больше времени родителям и друзьям и буду оказывать им знаки внимания и любви. Грезы о великольном будущем, о возвращении домой, проекты новых яхт и спасательных плотов и мечты об огромных порциях всевозможных кушаний немного смягчают душевную боль. Но довольно! Будущее от тебя далеко. А сейчас ты еще в чистилище. Не обольщайся мнимыми или обманчивыми надеждами. Подумай лучше о том, как бы выжить!

Но меня так и тянет еще помечтать. Это мое единственное утешение. Мало-помалу я перестаю терзаться мыслями о прошлых неудачах и начинаю убеждаться, что кое-чему научился и что нажитого опыта, пожалуй, хватит даже на то, чтобы с честью выйти из этого выпавшего на мою долю испытания. Если я выдюжу сейчас, значит, потом сумею прожить более достойную жизнь! И даже если мне не суждено встретить свой тридцать первый день рождения, то, может быть, я смогу не впустую провести остаток своих дней. Пусть я умру, но кто-нибудь найдет на плоту мои записки, и содержащиеся в них сведения окажутся полезными для других людей, особенно для тех, кто ходит в море и рискует однажды очутиться в сходном положении. Это последнее, чем я могу еще послужить. Мечты, идеи и планы не только помогают отвлечься от настоящего — они дают мне цель, ради которой стоит побороться.

8 февраля,
день четвертый

УТРОМ 8 ФЕВРАЛЯ ШТОРМ НАЧИНАЕТ СТИХАТЬ. Море все еще гонит вздымающиеся волны, и некоторые из них возвышаются футов на пятнадцать или даже больше. Но пенистые буруны с них исчезли, и они не так часто обрушиваются на мой плот, как раньше. Окидываю взглядом простирающуюся вокруг водную пустыню. В ней нет ни оазисов, ни источников, ни тенистых пальм. Как и в настоящей пустыне, жизнь в ней есть, но за долгие тысячелетия эволюции она приспособилась к отсутствию пресной воды.

Мимо меня, двигаясь к северу, проплывает клочок саргассовой водоросли. Саргассы, эти океанские перекаати-поле, не имеют корней и свободно дрейфуют по морским волнам. Огромное Саргассово море находится на северо-западе, и, как гласит легенда, там ветшают остовы бесчисленных кораблей, навсегда увязших в густых водорослях. Но здесь их очень мало. Жаль, с их помощью можно было бы определить свою скорость.

Массы воды в Мировом океане находятся в постоянном движении. В его толще тоже гуляют ветры — точно так же, как в атмосфере. Через каньоны и перевалы поднимающихся со дна морских горных хребтов проносятся подводные ураганы и штормы. А дующие над океаном ветры порождают на его поверхности мощные течения, общая схема которых соответствует направлению господствующих ветров. В некоторых районах океана такие поверхностные течения едва заметны, вода там практически неподвижна. В других они мчатся, как автомобили по шоссе. К числу этих больших океанских дорог принадлежит Гольфстрим, а также Агульясово, Гумбольдтово, Южное Экваториальное, Индийское муссонное и Лабрадорское течения. Скорость некоторых достигает 50 миль в сутки. Северное Экваториальное течение, в чьем русле находится сейчас мой плот, движется не так скоро, покрывая всего от 6 до 12 миль в сутки. Подгоняемое пассатом, оно медленно, но безостановочно стремится свои воды к островам Карибского моря.

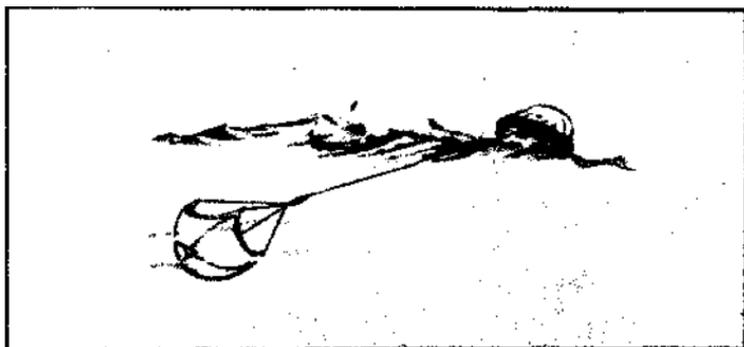
Благодаря ветру на этой дороге я могу занять скоростную полосу, обгоняя движение водного потока. От карты

Индийского океана особого проку мне здесь нет, поэтому я отрываю от нее небольшие кусочки и, слегка намочив, чтобы бумагу не сдуло ветром, бросаю их в воду. Затем я слежу, как они плывут по воде, понемногу отставая от плота. Засаекаю время, за которое они достигают сигнальной вешки. Расстояние до нее составляет 70 футов, что равняется $\frac{1}{90}$ морской мили. Этот мой грубый лаг показывает, что за день я прохожу относительно воды всего лишь восемь миль. С учетом течения получается в среднем 17 миль ежедневно. А значит, на то, чтобы достичь судоходной трассы, мне понадобятся еще двадцать два дня. Долго, слишком долго! Нужно принимать меры.

Подтягиваю к борту плавучий якорь, раскрытый купол которого пульсирует, словно медуза, стараясь увлечь за собой весь океан. Удостоверившись, что он готов к незамедлительной повторной постановке, чуть только волнение на море начнет угрожать мне опрокидыванием, я откладываю его пока в сторону. Плот тут же убывает ход, безропотно подчиняясь напору легонького подталкивающего его ветра. Скорость возрастает до 25—30 миль в сутки. Конечно, с такой скоростью мне еще плыть и плыть, но все-таки я чувствую прилив оптимизма. Задача становится разрешимой — хотя бы *теоретически*.

Делаю ножом насечки на литровой фляге из прозрачного пластика и устанавливаю себе водный рацион: полпинты воды в день. Выпивать по одному-единственному глотку примерно каждые шесть часов — это жестокое, но необходимое требование. Я решаю ни в коем случае не пить морскую воду. Дугал Робертсон и большинство экспертов по выживанию в экстремальных условиях предупреждают, что это очень опасно. Морская вода может доставить временное облегчение, но при выведении с мочой натрия, содержащегося в ней в значительных концентрациях, ткани организма теряют воды гораздо больше, чем было выпито, и живое тело очень скоро превращается в иссохший труп.

Пробую запустить в эксплуатацию первый из имеющихся у меня солнечных опреснителей. Он представляет собой надувной баллон, внутри которого морская вода, как предполагается, будет испаряться. В тропических широтах при безветренной и солнечной погоде он должен производить ежедневно по две пинты пресной

Пульсирующий в воде плавучий якорь напоминает медузу и тащит за собою океан. Он сделан из квадратного куска ткани и присоединяется к плоту с помощью стропок, вертлога и длинного буксирного конца. Фактически он представляет собой водный парашют, который действует горизонтально. Благодаря ему возрастает устойчивость плота под ударами волн. Однако он же сильно замедляет мое продвижение.

воды. При минимально возможном уровне потребления такого количества воды должно хватить на один — два дня. Надув баллон, я в соответствии с инструкцией опускаю его в море рядом с плотом. Опреснитель дрейфует примерно с такой же скоростью, время от времени утыкаясь в резиновый борт. Иногда он выпрыгивает вперед, подхваченный пробегающей под нами волной, и рывком останавливается, когда привязанный к нему конец натягивается как струна. По прошествии нескольких минут он вдруг спускает и, сколько я не пытаюсь его надуть, никак не хочет удерживать воздух, хотя я не нахожу в нем ни одного отверстия. В результате настроение мое резко падает.

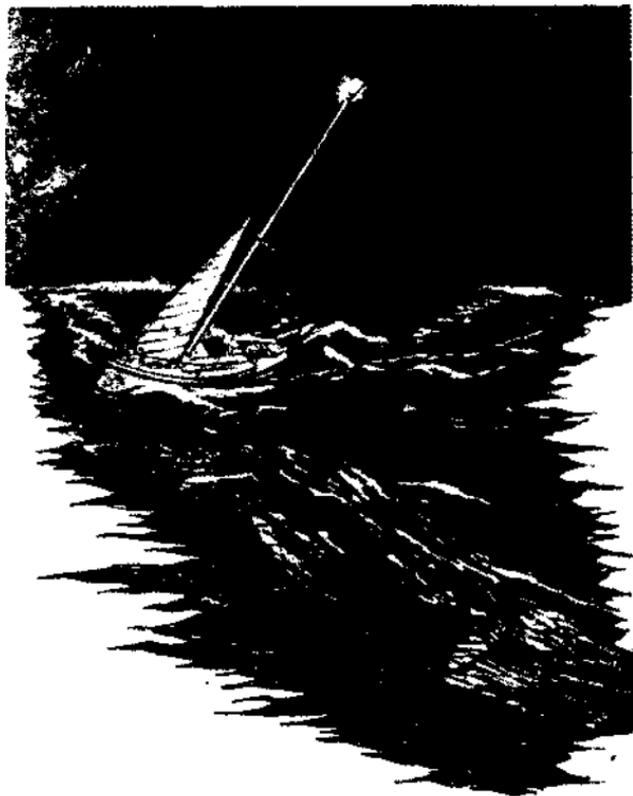
Достаю второй опреснитель. Он не выпускает воздух. Во мне снова начинает теплиться надежда. За час работы в его водосборнике накапливается почти восемь унций воды. Все во мне ликует! Я могу пополнить свой водный запас! Поднимаю пластиковый мешочек на плот и делаю глоток на пробу. Соленая! Ах ты, проклятая соль! С теми шестью пинтами воды, которые у меня еще остаются, я продержусь самое большее еще шестнадцать дней.

Приваливаюсь к наветренному борту плота, и его навес прикрывает меня от палящих солнечных лучей.

Мысли мои вновь обращаются к «Соло», к той страшной ночи. Я вспоминаю удар, грохот, треск ломающегося дерева, бурление ворвавшейся в пролом воды. Как наяву, я слышу эти звуки и вся сцена оживает у меня перед глазами; я чувствую, как бурные волны накрывают меня с головой. Прочь отсюда, твой корабль идет на дно... на дно! Призрак былого отчаяния и горечь утраты заволакивают мои глаза туманом. Что случилось с тобой, «Соло»? Не слишком ли хрупким я сделал тебя, дитя мое? Наткнулся ли ты на плавающее бревно или же какой-нибудь грузовой контейнер нанес тебе смертельную рану? И все же вряд ли мой маленький быстроходный кораблик наскочил на какой-то случайный предмет, носившийся по волнам. Удар, погубивший «Соло», пришелся сбоку, не спереди. После остановки яхты я был на палубе спустя всего несколько секунд. Любой плавающий предмет, достаточно крупный для того, чтобы причинить подобные повреждения, я бы заметил. Мы столкнулись, должно быть, с чем-то большим и быстро движущимся. Ни одного судна не было видно окрест в ту минуту. То было порождение моря.

Что-то большое. Может быть, кит. Несколько лет тому назад, отправившись на 35-футовом тримаране к Бермудам, я наехал в Гольфстриме на 40-футового кашалота. Владелец судна сказал, что у негр это уже вторая такая встреча в текущем сезоне. Но в тот раз мы удачно отделались. Один из корпусов гулко шлепнул гиганта по спине, но ни кашалот, ни яхта серьезно не пострадали. А вот суда Робертсона и Бэйли были потоплены именно китами. Во время ночной кормежки, когда крупный планктон всплывает к самой поверхности, океанский исполин мог не приметить моего «Соло», скользящего совершенно бесшумно среди рокочущих волн. Среднему киту, весящему примерно 35 тонн и плывущему со скоростью 10 узлов, ничего не стоило пробить громадную дыру в борту моей яхты, причем такое столкновение даже не отвлекло бы кита от его занятия.

За свою жизнь я видел их множество — игривых дельфинов, любопытных гринд, огромных финвалов, могучих кашалотов. Обычно они возникают из океанской пучины совершенно неожиданно. Внезапно перед тобой появляется поднывавшая из глубины гигантская туша, и в такие мгновения в моей душе рождается какое-то осо-

Что случилось с тобой, «Соло»?
То было порождение моря.
Может быть, кит.

бенное чувство. Это не страх — скорее оно сродни тому, что испытываешь, встретившись с другом, которого не надеялся больше когда-либо увидеть: он чудом появился и в следующий миг может навек исчезнуть. В какое бы время суток эти массивные духи пучины не всплыли из ее таинственной бездны, я ощущаю в воздухе электрические токи, какую-то интеллектуальную и эмоциональную ауру. В таких мимолетных встречах мне открывается все величие бытия этого друга и величие его духа.

Мне не нравится охота на китов; хотя, с другой стороны, я часто задумываюсь и над тем, что ведь чудесное

«равновесие природы» в сущности сводится к тому, что всяк смотрит, как бы кого съесть. В известной степени я завидую эскимосам и жителям Азорских островов, выходящим на китовую охоту на маленьких лодках и с ручными гарпунами. Они должны сближаться на опасное расстояние со своей жертвой; а когда ни преследователь, ни преследуемый не имеют преимущества, между ними возникает своеобразное взаимопонимание и чувство братской близости.

Я опускаю взгляд на висящую у меня на шее пластинку из китового уса. Что она означает? В моих жилах течет немного крови индейцев племени чероки. На память мне приходят обычаи далеких предков, всегда носивших при себе амулеты, олицетворяющие их связь с дикими собратьями: орлиные перья, медвежьи когти. Разве не пристало мне носить именно этот знак как напоминание о великих духах океана? Случайное ли это совпадение — мое чувство родства с китами, это украшение на моей шее, изготовленное из мертвого тела кита, и то испытание, которое я от кита должен был претерпеть? Или здесь кроется нечто более глубокое... Нет. Я не верю в это. Из бесконечного числа событий, происходящих на Земле каждую секунду, многие, наверное, сопровождаются странными обстоятельствами. Но для поддержания жизни требуется не только телесная пища. Душа просит осмысленности, а наши сказки помогают осмыслить события. И я нахожу самое невероятное и удивительное толкование. Это странное совпадение, чудо. Мне нужна сказка о чуде. Одарит ли меня легендой эта глава моей жизни? Действительно ли кит — мой тотем, мой брат в зверином обличье? А все происходящее — не есть ли это проба моего тотема на прочность, испытание кита внутри меня?

Осталось шесть пинт. воды. Хватит ли этого еще на шестнадцать дней? Возможно, мне удастся собрать немного дождевой влаги. Мне бы только протянуть дней двадцать. Ну что ж, покуда плот мой цел и держится на плаву, у меня есть шанс.

Внезапно поверхность моря прямо перед самым плотом вспарывает плавник. Бросаюсь к распахнутому входу, нашаривая одно из весел, чтобы отогнать непрошенную гостью. Внизу подо мной изящно скользит холодная голубоватая тень. Без малейшего напряжения она обгоняет плот. Полускрытая набежавшей волной тень делает

рывок и исчезает из виду. Успеваю оценить размеры этой небольшой океанской торпеды: в ней около четырех футов. Боковым зрением замечаю, что вниз по склону следующей волны мчится еще один плавник. Рассекая волны по диагонали, он подрезает нос моему плоту. Это не акула. Это совсем другая рыбина. Да, это рыба! Какая чудная, нежная, голубая рыбка! Это пища — так много пищи!

Торопливо роюсь в мешке с аварийным снаряжением, откапывая подводное ружье и стрелу для него. Но, постой-ка... а вдруг это окажется сильная рыбина? Подвернувшись под руку штертом я быстро привязываю ружье за рукоять к плоту. В животе у меня поднимается голодное урчание. Еще бы — ведь за четыре дня я съел всего один фунт еды. От возбуждения я весь дрожу.

Необходимо следить за волнами. Когда я располагаюсь, как сейчас, на подветренной стороне плота, какой-нибудь несколько более крутой водяной вал может легко нас опрокинуть. Временами мне приходится отпрыгивать к противоположному борту и цепляться там за леер, пока не утихнет клочкотание пены под днищем. А между делом я высматриваю дорад. Они имеют длину три-четыре фута и весят, по-видимому, фунтов двадцать — тридцать. Это сильные рыбы, и с ними не так легко справиться. На Канарских островах я слышал от одного яхтсмана рассказ о том, как дорада в щепки разнесла кокпит его яхты, причем не устояла даже привинченная болтами штурвальная колонка. Вдоль всей аквамариновой спины дорады тянется сплошной плавник, доходящий до яркого, сверкающего желтыми перьями хвоста. Эти золотые хвосты видны издали, когда рыбы, глиссируя по волновым склонам, прочерчивают поверхность воды стремительными блестками. Дорады славятся как проворные, сильные, красивые рыбы и, кроме того, как большое лакомство.

Я никогда раньше не ловил и даже не встречал этих рыб в океане. Видно, что для них море не таит угрозы. Здесь их дом, где они привольно резвятся. Несколько дорад снуют невдалеке на расстоянии приблизительно шести футов, как раз за пределами досягаемости. Но, движимые любопытством, они то и дело подплывают поближе. Поверхностное преломление мешает мне хорошенько прицелиться, а раскачивающийся плот — сквер-

ная платформа для точной стрельбы. Делаю несколько попыток, но все мимо. Солнце садится, а голод мой так и остался неутоленным.

И еще два дня проходят, полные солнца, ветра, морских волн и дурод. Они выпрыгивают из воды и, прочертив в воздухе десятифутовую дугу, шлепаются на бок, напоминая резвящихся упитанных китят. При виде этих сцен у меня определенно потекли бы слюнки, не будь у меня во рту вместо слюны какая-то клейкая масса. «Плывите сюда, красавицы,— воркующим голосом уговариваю я их.— Сюда, поближе, плывите!» Но когда они подплывают, я стреляю и снова промахиваюсь.

Снова и снова меня одолевают фантазии на тему еды и питья, и воображение мое упорно возвращается к «Наполеону Соло», ко всем тем фунтам фруктов, орехов, овощей, к галлонам воды, оставшимся под его палубой. Я представляю себе, как открываю рундуки и достаю из них свои продовольственные припасы. Я задним числом прикидываю, как можно было бы спасти яхту, переместить груз, сбросить балласт, поставить ее на ровный киль посреди океана и продолжить свой путь. Что если бы нас не оторвало друг от друга и не разбросало в разные стороны? Что если бы мы не покинули Канары? Что если... Но довольно! «Соло» больше нет. Думай о настоящем, о том, как *сейчас* выжить.

Еще раз надуваю и выставляю на солнце один из солнечных опреснителей. Когда он, перегоняя плот, уплывает вперед, водосборник волочится за ним по самой поверхности. При таком его положении опресненная вода в него не перетекает. Поэтому мне приходится то и дело сливать из опреснителя воду крошечными порциями. За целый день у меня набирается полпинты. Море неустанно футболит мой бедный опреснитель, и в конце концов от него отрываются ушки, держащие его круговую стропку, к которой привязан соединяющий его с плотом штертик. Нередко очередную жалкую порцию воды приходится выливать обратно в море, потому что она оказывается соленой. Жажда, сжигающая мое тело, становится все сильнее. Я сейчас, кажется, все отдал бы за возможность хорошенько напиться, но не могу себе позволить больше одного глотка. Оставшихся пяти пинт мне должно хватить дней на пятнадцать, если только сумею наловить рыбы; питаюсь свежей рыбой, я пополню запас

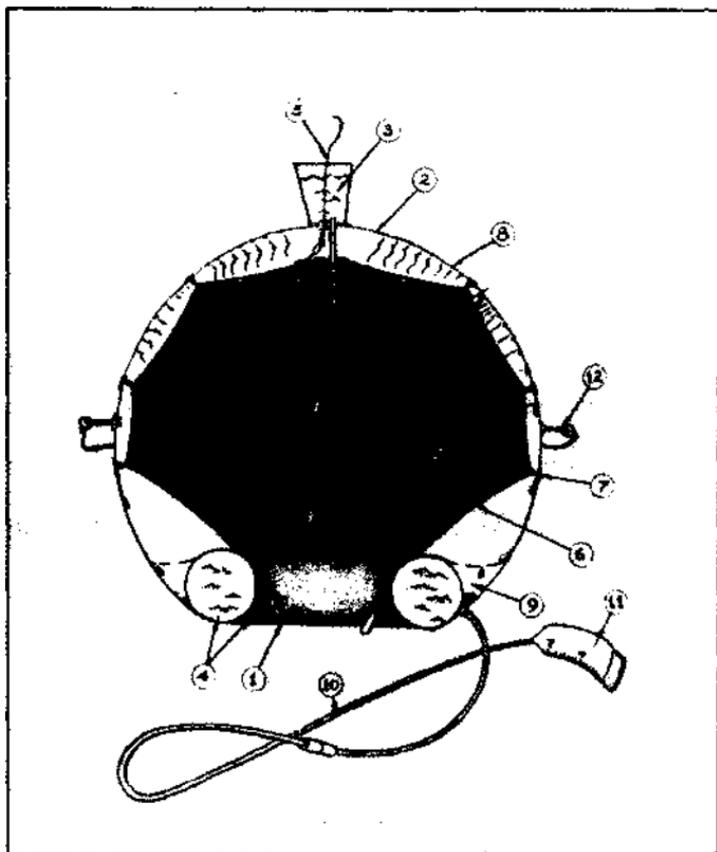
жидкости в своем организме. Иначе я продержусь не больше десяти дней.

По крайней мере хозяйство мое стало просыхать, и по ночам я теперь могу заснуть. Во сне я отдыхаю от действительности. Волосы прилипают к резиновой подстилке, нельзя повернуть головы, чтобы не вырвать у себя клочок волос, суставы ломит от скрюченного положения, и каждый час я просыпаюсь, опять возвращаясь в свое мрачное заточение.

день шестой

НАСТУПАЕТ 10 ФЕВРАЛЯ, ШЕСТОЙ ДЕНЬ МОЕГО пребывания на плоту. Задувает все еще по-прежнему крепко, и в Атлантике продолжается «тасовка». Этот термин бытует среди яхтсменов для обозначения беспорядочной волновой толчеи, нередко наблюдающейся в Атлантическом океане. Нестройными грядами волны надвигаются на меня то с востока, то с северо-востока, то с юго-востока. Волны обрушиваются на плот с трех сторон, и он отплясывает бесконечный рок-н-ролл. Но зато мы теперь подвигаемся ближе к западу, и курс наш точнее ориентирован на Вест-Индию.

Однако не бывает так, чтобы все шло хорошо. Отлетает одна из заплат, установленных на резиновом днище, и для того, чтобы ее восстановить, я, поколебавшись, пускаю в расход последние остатки ремонтного материала. Я чувствую слабость. Вода из моего опреснителя по количеству соли практически не отличается от морской, и я уговариваю себя, что надо ограничить ежедневное потребление полупинтой из моего аварийного резерва. А красавицы-дорады так и дразнят меня своими ловкими, молниеносными маневрами, в последнюю минуту оказываясь за пределами досягаемости. Но вот одна вдруг проплывает совсем рядом, и я мгновенно жму на спуск. Ружье чуть не выпрыгивает из рук. Попал! Плот судорожно корчится, а потом рыбина срывается и уходит. Серебристая стрела бессильно повисает на конце шнура, слишком слабая, чтобы проткнуть такую рыбу. Сейчас

СОЛНЕЧНЫЙ ОПРЕСНИТЕЛЬ

Я использую здесь солнечные опреснители армейского образца. Их больше не выпускают, но по этому же принципу устроены и другие модели. Мои опреснители рассчитаны на максимальную производительность 32 унции пресной воды в день — достаточный запас, чтобы продержаться двое суток. Мне удастся в лучшем случае получить 30 унций в день, но гораздо чаще их оказывается не больше 16.

Матерчатое донце (1) пропускает избыточную морскую воду. В мокром состоянии оно становится воздухонепроницаемым и позволяет надуть пластиковый баллон (2). Морская вода наливается в расположенную сверху емкость (3), причем первые полгаллона уходят по перепускной трубке в балластную кольцевую емкость (4). Из приемного стакана (3) соленая вода просачивается внутрь через крохотный клапан. Для его прочистки и регулировки тока соленой воды служит металлическая струна (5). Из клапана вода капает на черный матерчатый вкладыш (6). Он подвешен внутри баллона на петельках (7), которые не допускают его соприкосновения

с пластиком, предотвращая тем самым попадание соленой воды со вкладыша на внутреннюю поверхность баллона. После того как черный вкладыш напитывается водой, часть ее испаряется. Эти испарения (*волнистые стрелки*) собираются изнутри на стенках баллона в виде маленьких капель пресной воды (*8*). Со стенок они скатываются вниз, в поддон (*9*), а оттуда по водоотводной трубке (*10*) перетекают и водосборный мешочек (*11*). В трубку вставлено устройство, позволяющее периодически снимать мешочек и выливать воду. Для устойчивости он утяжелен кусочком свинца снизу. В средней своей части опреснитель окружен юбкой и стропкой (*12*). Хотя он и предназначен для эксплуатации на плаву, мне приходится эксплуатировать свой агрегат на борту плота.

голод пожирает мой жир, затем он примется за мои мускулы, а потом доберется и до рассудка.

Перегнувшись через борт, вглядываюсь в морскую глубину. Там не видно ни рыб, ни водорослей, одна лишь голубая пустота. Неужели я упустил свой единственный шанс добыть пищу? Неужели они все ушли? Внезапно сбоку в 40 ярдах от меня возникает незнакомый силуэт, с невероятной скоростью скользящий к плоту. Десятифутовое бежевое тело с характерной широкой молотобразной головой - тут все ясно с первого взгляда. Акула-людоед. Не видно разрезающего воду спинного плавника. Это длинное глянцевитое туловище мчится вперед без малейшего видимого усилия. Сердце мое стучит как сумасшедшее. Я крепче сжимаю свое оружие. Если сейчас выстрелить, стрела будет потеряна. Не отрываясь, слежу за стремительным приближением плывущей у самой поверхности акулы. Сделав крутой вираж, она возвращается, увеличивая скорость. Как будто разгоняемая центробежной силой, она описывает круг около плота. Во рту у меня пересыхает, руки трясутся, по коже струйками сбегает холодный пот. Завершив полный круг, хищница отворачивает к ветру и, растаяв в голубизне океана, исчезает так же стремительно, как и появилась. Эта картина навечно сохранится в моей памяти. Часто ли они станут наведываться ко мне? Никогда в жизни я не решусь испугаться с плота.

Я задумываюсь о Боге. Верю ли я в Него? Для меня неприемлем образ некоего супергуманоида, но я верю в таинственную и духовную сущность бытия, природы, Вселенной. Эта сущность для меня непостижима. Я могу только гадать о ней и надеяться, что тоже являюсь ее частью.

А будущее становится все проблематичнее. Дугообразный спасательный круг грозит протереть камеры плота. Чтобы поддержать должное давление воздуха, приходится их подкачивать уже четыре раза в день. Дополнительный износ резины может означать катастрофу. Решаю найти нагруднику иное употребление: пусть лучше послужит мне в качестве средства «бутылочной почты», с которой я мог бы отправить какое-нибудь послание. Разрезаю его, засыпав весь плот пенополистироловой крошкой, упаковываю свои отчаянные письма в пластиковые мешки и с помощью липкой ленты прикрепляю их к непотопляемым блокам. «Положение скверное, виды на будущее и того хуже... примерные координаты... направление и скорость дрейфа... прошу сообщить и передать мой последний привет...» Размахнувшись, забрасываю их подальше в океан и наблюдаю за тем, как они, крутясь на волнах, уплывают к югу. Может быть, кто-то их увидит. Если «Соло» еще жив, то после меня останутся четыре вещественных свидетельства, что-то, может быть, потом и найдется.

*15 февраля,
день одиннадцатый*

ВОТ УЖЕ И ОДИННАДЦАТЫЕ СУТКИ ПЛАВАНИЯ на плоту. Каждый мой день здесь переполнен бесконечным отчаянием. Я часами обдумываю свои шансы на спасение, оценивая остаток своих сил и высчитывая, сколько же еще миль отделяет меня от трассы. Состояние плота в целом неплохое, хотя всякий раз, когда поблизости надламывается гребень волны, морская вода проникает внутрь сквозь смотровое окно. Однажды ночью мы с грохотом сваливаемся с обрыва крутого океанского вала и несколько секунд барахтаемся в кипящей пене, как будто угодили в настоящий водопад. А прошлой ночью мы опять едва не перевернулись. Все мое имущество промокло насквозь. Но сегодня море гладкое и пышет жаром, как сковородка. Солнечные лучи накаляют эту огромную плоскость, и мое отсыревшее хозяйство начинает просыхать. Солнце и штиль пришлись как нельзя кстати.

Струпья на мокрой коже не успевают заживать. Солнце их, наверное, залечит. Большинство нарывов, вызванных раздражением от морской воды, исчезло. В животе моем царит великая пустота, и голодные спазмы непрерывно сжимают мне желудок. Каждую ночь меня посещают одни и те же сны. В голове кружатся наполненные разными сортами мороженого вафельные стаканчики, украшенные сверху шоколадными трюфелями. Прешлой ночью я совсем уж было откусил кусочек намазанного маслом горячего пшеничного бисквита, но кто-то выхватил лакомство прямо у меня из-под носа, и, оставшись ни с чем, я проснулся. А сколько часов провел я в эти дни на борту своего «Соло», подбирая там сушеные фрукты, фруктовые соки, орехи! Голод — это злое наваждение, от которого нет спасения. Это он насыплет на меня все эти видения, усугубляющие мои муки. Заглядываю в свои запасы. Банка с консервированными бобами вздулась. Опасаясь ботулизма, я не рискую их съесть. А вдруг они все-таки не испортились? Ну-ка, быстрее, за борт их! Ну же! Скорее, я тебе говорю! С мерзким всплеском банка плюхается в океан. В итоге у меня остаются две капустные кочерыжки и пластиковый пакет с подмокшим, забродившим изюмом. Осклизлые кочерыжки горчат, но я все равно съедаю их без остатка.

Возле меня появляются рыбы какого-то нового вида, поменьше. Длинной около 12 дюймов, с крошечными, плотно сжатыми круглыми ротиками и маленькими плавничками на спине и на брюшке, которыми они машут, словно ручками. Вращая своими большими круглыми глазами, они кидаются под мой плот и своими крепкими челюстями клюют его в днище. Они, что же, пытаются его есть? Должно быть, это толстокожие спинороги. Их сородичи, обитающие среди рифов, питаются кораллами и почитаются ядовитыми, но люди, пережившие кораблекрушение, нередко употребляли в пищу спинорогов пелагической разновидности без особого ущерба для своего здоровья. Ладно, для моего стола сгодится любое блюдо, лишь бы как-то унять сосущее чувство голода в желудке; иначе в скором времени я могу сойти с ума, начну есть бумагу и пить морскую воду.

Находясь в открытом море, я часто замечал за собой некоторую шизоидность, хотя до дисфункций дело не доходило. Я наблюдаю расщепление собственной личности

на три составные части: физическую, эмоциональную и рациональную. Мореплаватели-одиночки часто разговаривают сами с собой, спрашивают у себя совета, как лучше поступить в том или ином случае. Вы пытаетесь поставить себя на место другого человека, чтобы убедить самого себя в необходимости какого-то действия. Когда я попадаю в опасную ситуацию или получаю телесную травму, мое эмоциональное «я» испытывает страх, а физическое «я» ощущает боль. Чтобы совладать со страхом и болью, я инстинктивно полагаюсь на свое рациональное «я». Чем дольше продолжается мое путешествие, тем сильнее проявляется эта тенденция. Нити, связующие главенствующее рациональное начало моего «я» с перепуганным эмоциональным и ранимым физическим компонентами моей личности, туго натянуты. Занявшее командную позицию рациональное «я» использует надежду, мечты и циничные шутки, чтобы уменьшить внутреннее напряжение в подчиненных ему частях.

Записываю в своем боржурнале: «Дореды держатся поблизости, прекрасные, манящие. Прошу одну из них выйти за меня замуж. Но куда там, ее родители и слышать об этом не хотят. Я, видите ли, для них недостаточно блестящий и яркий. Вы только представьте, и здесь чванство! Однако они указывают также и на то, что у меня нет особых перспектив. А это уже вполне серьезное возражение».

Вид резвящейся рыбы усиливает боль в пустом животе. Любая рыбалка, которую я затеваю, неизменно кончается провалом. Однажды мне удалось загарпунить спинорога, но он сорвался с моей стрелы. Я изобретаю невиданную наживку: связываю вместе несколько крючков, насаживаю на них кусочек белой нейлоновой тесьмы, клочок алюминиевой фольги и, наконец, ломтик драгоценного лакомства — солонины. Одна дорада кидается на нее и тут же без труда перекусывает толстый белый линь. Впоследствии отличить эту рыбину от других становится очень легко благодаря длинному обрывку веревки, свисающему у нее изо рта. Да, ловить такую рыбу на крючок без проволочного поводка явно невозможно, а проволоки у меня нет; так что полагаться мне приходится только на подводное ружье.

И вот в один долгожданный момент вождеденная цель оказывается на мушке и выпущенная стрела точно

поражает ее. Дорада взрывается яростным сопротивлением и отчаянно бьется. Я нащупываю в воде стрелу и, стараясь не задеть кончиком плот, подтягиваю рыбину к борту. Но едва я втаскиваю ее на край, как эта фурия, содрогнувшись в последней конвульсии, все же ускользает от меня. Может быть, я как-нибудь проживу еще дней двадцать без пищи.

Если голод — это злое наваждение, то жажда — это сущее проклятье. Эта неотступная, пронзительная жажда приковывает мой взгляд к неспешно ползущей стрелке часов. Провожая каждую прошедшую минуту, я томлюсь в ожидании следующего глотка. В первые девять дней я позволял себе выпить только по одной чашке воды. Днем температура держится выше 30 °С, а от глотка до глотка часы тянутся бесконечно. Чтобы не перегреться и как-то ослабить потоотделение, я обливаюсь морской водой. Сухой ветер обжигает мне губы. В один из вечеров начинает сеять мелкий дождик, больше похожий на влажную дымку, но скоро перестает. Ветры в эти края приходят длинным и кружным маршрутом из Америки. Сначала они движутся в северо-восточном направлении, пока не достигнут Европы. Потом они скатываются к югу, сбрасывая по пути принесенный с собой груз дождя. Когда же они оказываются в тропических широтах, то поворачивают обратно на запад, и большая часть влаги из них при этом, как правило, уже выжата. Иногда текущий над океаном воздух так же сух, как пустыня Сахара, над которой он недавно пролетал. И пока ветер вновь не напитается испарениями морской поверхности — а этого можно ожидать дальше к западу, — дожди будут посещать меня крайне редко.

Спускает истерзанный волнами второй солнечный опреснитель. Он так и не заработал как положено. Что же с ними неладно? Соображаю, как можно устроить «бортовой» опреснитель. Для этой цели надо приспособить пластмассовый ящик из своей канцелярии, поместив в него несколько банок. Если добиться испарения воды из банок, то водяной пар мог бы конденсироваться на каком-нибудь импровизированном тенте, накрывающем ящик, и оттуда стекать на его дно. Чтобы обеспечить более интенсивный нагрев и увеличить испаряющую поверхность, решаю натолкать в банки смятую черную ткань от негодного опреснителя. Если вскрыть один из этих зло-

получных агрегатов, то, вероятно, можно будет определить, в чем заключается причина их скверной работы. Конечно, я лишусь при этом одного опреснителя, но от него так и так мало прока. Поэтому я решительно берусь за нож и вспарываю безвольно обмякший шар. Выясняется, что загрязняющая конденсат соленая вода попадает в него с пропитанного ею черного пористого вкладыша, который при снижении давления воздуха в баллоне касается его пластиковых стенок. Кроме того, бесконечные сотрясения, испытываемые плавающим по взволнованному морю опреснителем, вызывают разбрызгивание соленой воды со вкладыша, опять же попадающей в скопившийся дистиллят. Выходит, что здесь не одна, а целая пачка проблем, но решение требуется найти для всех. Необходимо как-то заткнуть все дыры в пластиковых боках опреснителей и стабилизировать их положение.

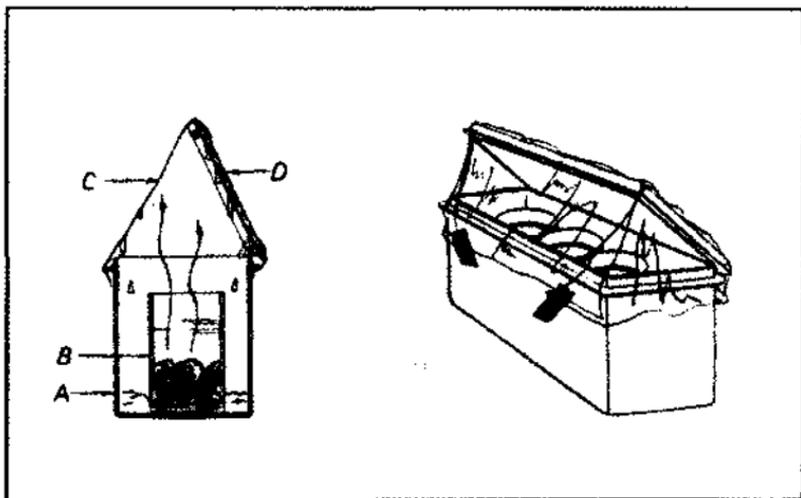
Мой бортовой опреснитель оказался никуда не годным. Испарение в нем происходит недостаточно активно, а вентиляция внутреннего объема слишком сильна для того, чтобы влага конденсировалась на крышке ящика. Но зато мне удается заставить работать последний из «фирменных» опреснителей, плотно привязав его к плоту так, чтобы его не колотило волнами; однако здесь он сильно трется. А почему бы не попытаться запустить его прямо на борту? Вытаскиваю его из воды и укрепляю на верхней камере корпуса плота. Баллон немного сникает, но форму не теряет, и вкладыш не касается пластиковых стенок. Отведение дистиллята тоже значительно улучшается, потому что водосборный мешочек теперь уже не валится набок, а висит почти вертикально. Прямо на моих глазах внутри баллона появляются чистые, прозрачные капли опресненной воды, которые стекают в водосборник. Ура! Эта штука действует! А у меня еще три пинты в резерве... может быть, скоро их будет больше! Спустя одиннадцать дней во мне с новой силой разгорается надежда. Покуда не развалится плот и будет работать опреснитель, я смело могу рассчитывать еще на двадцать дней. Вот только плот... Пожалуйста, не надо акул! Меня беспокоят не только плотные ряды острых акульих зубов. Шкура этих созданий напоминает грубый наждак; они способны погубить мой плот, просто потеревшись об него боками.

Раскидываюсь на спине под целительными лучами солнца. Уж чего-чего, а времени для размышлений у

меня навалом. Дорады и спинороги тычутся носами в днище плота. По-видимому, там, внизу, уютно обосновалась колония морских уток. Спинороги ими кормятся, но вот что привлекает дорад, я себе не представляю. Обычно они принимаются за меня по вечерам, где-то в сумерках, ощутимо постукивая по выпуклостям прогнувшегося подо мной или моим снаряжением пола. Они ведут себя, словно собачки, которые тычутся мордами в руку хозяина, выпрашивая кусочек мяса, приглашая с ними поиграть или требуя, чтобы их ласково почесали за ухом. Я их так и зову — *мои собачонки* или *собачьи мордашки*. Спинорогов я именую дворецкими за их важный вид, напоминающий о крахмальном воротничке.

Море лежит плоское как блин. В небе, словно приклеенные, недвижно зависли облака. Солнце палит нещадно, поджаривая мое иссушенное тело. Действующий опреснитель вполне способен снабдить меня как раз таким запасом питьевой воды, который нужен, чтобы преодолеть три сотни миль, оставшиеся до трассы активного судоходства. Ветер сменил направление. Мне почему-то кажется, что трасса перестала приближаться и между нами и ею простираются все те же самые триста миль. А когда меня одолевает дремота, моя возбужденная фантазия переносит меня из океана то на палубу судна, то на прохладную зеленую травку у пруда возле дома моих родителей.

Внезапный толчок выводит меня из оцепенения. Выглядываю за борт. Огромная круглоголовая зверюга, потерявшись об днище своей плоской серой спиной, лениво разворачивается на следующий круг. Невероятно, но дорады и спинороги вовсе не разбегаются от пожаловавшей к нам акулы! Напротив, они сбиваются подле нее плотной стайкой. Наверное, приглашают на чашку чая. «Пожалуйте к нам, голубушка! Отведайте-ка кусочек вот этой большой черной лепешки». Она медленно заходит мне в корму и опять подныривает под днище. Перевернувшись брюхом вверх, кусает один из расположенных снизу балластных карманов, сотрясая весь плот конвульсивными движениями своего десятифутового тела. Какое счастье, что там есть балластные карманы! Иначе эта зверюга прокусила бы днище, хотя надувные камеры при этом еще не пострадали бы, по крайней мере пока. Не пальнуть ли в нее, рискуя потерять стрелу? Акула

Я пытаюсь сделать себе бортовой солнечный опреснитель. *Справа* показан общий вид этого устройства, а *слева* — его вид в разрезе. В пластмассовый ящик (А) помещены три пустые банки от консервированной воды. В каждую из них я вкладываю куски черной ткани от вкладыша из разорванного опреснителя. Эта ткань хорошо поглощает солнечное тепло и испаряет соленую воду (В). Испарения будут подниматься вверх, конденсироваться на пластике (С, D) и собираться на дне ящика, снаружи консервных банок. Но эксперимент этот, к моему огорчению, завершается неудачей. У меня мало липкой ленты, чтобы тщательно запечатать пластик.

выплывает из-под плота прямо и опрокидывается передо мной почти у самой поверхности воды. Жму на спуск, и стальная стрела попадает ей в спину. Но это все равно что стрелять по камню. Одно резкое движение, и акула неторопливо уходит. Я долго слежу за ней взглядом, прежде чем свалиться без сил, терзаясь жаждой хуже прежнего.

Раньше я думал, что с приближением акулы все рыбы вокруг бросятся врассыпную, уведомив тем самым об опасности и меня, но теперь уже знаю, что доверять им дозорную службу нельзя. Меня беспокоит укрепленный под нижней камерой газовый баллончик и его шланг, через который плот надувается при сбрасывании на воду. Если этот шланг будет прокушен, не спустит ли и весь плот? Не захочется ли акуле при виде баллончика укусить шланг, на котором он висит? Беспокойство, беспокойство, беспокойство. Озабоченный я ложусь спать, озабо-

ценный пробуждаюсь по утрам. Когда все погружается во тьму, я, засыпая, мечтаю оказаться где-нибудь, где не будет никаких тревог. Как навязчивы стали и как упростились мои желания!

Вдруг плот выпрыгивает из воды и отлетает в сторону, словно неведомый гигант отшвырнул его носком своего ботинка. Шершавая кожа с пронзительным звуком скребет по днищу, и я мгновенно просыпаюсь и подскакиваю. «Не валяйся на днище!» — рявкаю я сам себе, подтягивая пенопластовую подушку и спальник поближе к выходу. Усевшись сверху, я стараюсь поменьше давить своим весом. Держа наготове ружье, всматриваюсь во тьму". Акула сейчас с другой стороны. Надо дожждаться, пока она покажется впереди. Вдруг воду прорезал острый плавник, и она вскипела, загоревшись фосфорическим огнем. Плавник огибает мой плот перед следующим нападением. Еще мгновение, и мерцание света в темной глубине показывает мне, что акула уже тут. Я колю с размаху. Раздается всплеск — мимо. А, черт! От всплеска она может разъяриться, и следующая атака будет еще свирепее. Снова плавник режет поверхность, и акула со скрежетом врезается в плот. Снова бью туда, где мерцает свет. Достал! Вода в море точно взрывается, темный плавник скидывается перед самым моим носом, описывает круг и затем исчезает. Где она? Только гулкие удары моего сердца нарушают тишину. Громко разносится этот звук над тихими черными водами океана, взлетая до самых звезд. Я жду.

Залпом проглотив сразу полпинты воды, я устраиваю свою постель таким образом, чтобы при первом же толчке немедленно вскочить и занять позицию у входа. Лишь несколько часов спустя я проваливаюсь в тяжелый сон.

Два дня я медленно дрейфую под пылающим солнцем. Каждые двадцать четыре часа я перемещаюсь на 14—15 миль. Голодные спазмы стискивают все мои внутренности. Во рту горит. Но опреснитель ежедневно производит по двадцать унций пресной воды. Несмотря на то что от восхода до захода солнца я выпиваю целую пинту, мой водный резерв начинает увеличиваться. Во время шторма видимость улучшается. Если встретится судно, там скорее заметят мой ярко-оранжевый тент. Зато и акулы чаще показываются во время шторма. При такой скорости придется плыть две недели, чтобы добраться до судоход-

Гулкие удары моего сердца... разносятся над тихими черными водами океана, взлетая до самых звезд. Я жду.

ной трассы. Часами я изучаю карту, оценивая минимальное и максимальное время и вычисляя расстояние, отделяющее меня от спасения.

За тринадцать проведенных в дрейфе дней я съел всего три фунта пищи. Кишечник мой весь завязан узлами, но мучения голода не сводятся к одной только боли. Движения мои становятся замедленными, я намного быстрее утомляюсь. Жира на мне больше не осталось. Мышцы теперь поедают сами себя. Видения разных съедобных вещей действуют на меня, как удары хлыста. Ко всему остальному я остаюсь бесчувственным.

Когда над морем задувает легкий ветерок, с кормы ко мне подплывают несколько спинорогов. Они приближаются к самому борту. В очередной раз поднимаю ружье, прицеливаюсь и стреляю. Стрела пробивает рыбу насквозь, и я тут же выдергиваю свою добычу на борт. Из круглого рыбьего рта раздаются какие-то сдавленные щелчки. Глаза дико вращаются. Но ее жесткое окоченев-

шее тело способно только размахивать плавничками в знак протеста. Пища! Склонив голову, я нараспев повторяю: «Ах, еда! У меня есть еда!» Из-за усадки обмотанного вокруг нее лямки в разделочной доске появился желобок. В этот желоб я и заталкиваю пойманного спинорога, прижимаю его лямкой и пытаюсь добить ударами ракетницы. Но это все равно что колотить по бетону. Только мощным взмахом ножа мне удастся прорвать его бронированную шкуру. Глаза рыбы вспыхивают, плавники неистово трепещут, на горле зияет разрез, и вот, наконец, она мертва. И в эту минуту мои глаза наполняются слезами. Я оплакиваю погибшую рыбу, оплакиваю себя, свое отчаянное положение. Потом начинаю есть ее горькое мясо.

БЕГСТВО В МЕЧТУ

*В ОТДАЛЕНИИ ИЗ ВОДЫ ВЫСКАКИВАЮТ ЛЕТУЧИЕ
РЫБКИ. ПРЕСЛЕДУЯ СВОЮ ЖЕРТВУ, ДОРАДЫ
ТОЖЕ ВЫПРЫГИВАЮТ ИЗ ВОДЫ.*

КАК ВЫЯСНЯЕТСЯ, МОЙ СПИНОРОГ СКОРЕЕ похож на носорога, чем на дворецкого. Из его спины торчит толстая колючая кость. Изо всех сил налегаю на рукоять моего довольно острого охотничьего ножа, и мне наконец удается пропороть его кожу, которая так же прочна, как шкура буйвола, и так шершава, точно присыпана сверху толченым стеклом.

день тринадцатый

ЗАРЫВАЮСЬ ЛИЦОМ ВО ВЛАЖНУЮ МЯКОТЬ сырой рыбьей плоти, чтобы напиться красно-бурой крови. Густая, отвратительная горечь заполняет рот, и я тут же сплевываю эту гадость. Поколебавшись, кладу в рот рыбий глаз, раскусываю его, и меня едва не выворачивает наизнанку. Неудивительно, что даже акулы обходят стороной этих броненосцев.

Из-за жесткой шкуры приходится чистить маленького океанского носорожика в определенной последовательности, начиная с наружной поверхности: сначала надо ободрать кожу, потом — отделить мясо от костей и только под конец — вынимать внутренности. Разорвав все же зубами один горький и жилистый кусочек, по жесткости не уступающий пресловутой подметке, я развешиваю остальное мясо для сушки. Внутренности, особенно печень,— единственная съедобная часть этой рыбы. Мне вспоминается судьба одного киноперсонажа: капризный и жалкий старикашка в начале фильма, он находит понимание и любовь в конце. Вот и я проник сквозь жесткую, невкусную оболочку спинорога и обнаружил под ней настоящее лакомство.

Однажды, когда я был еще маленьким мальчиком и жил в Массачусетсе, по нашей земле промчался ураган. Толстые многолетние дубы раскачивались под напором ветра, как травинки. В развилке одного дуба, высоко над землей, мой брат соорудил себе крепкую хижину. Ураган разнес ее вдребезги. Мощь урагана внушала мне благоговейный ужас, но я слышал, что на свете есть

силы более могучие — атомные, далеко превосходящие все ураганы. Тогда я взял коробку, сложил в нее пять долларов, большой складной нож, катушку с рыболовной леской и сопутствующие принадлежности и спрятал все это в своем столе. Если бы разразилась катастрофа, то я встретил бы ее во всеоружии. Уж я-то наверняка ее переживу. Таковы неувядающие фантазии юности.

От скудной пищи мышцы мои начинают атрофироваться и все кости выпирают наружу. Но хуже того — страшная душевная пустота. В этом пелагическом мире я чужак, не умеющий жить по его законам, и вот я совершил убийство одного из его граждан. Меня, как и эту рыбу, тоже может настичь внезапная смерть, и тут не будет ничего удивительного. И мои ослабевшее физическое и напуганное эмоциональное «я» страшатся этого, хотя более стойкое рациональное «я» признает, что это было бы просто восстановлением справедливости. Глотая вкусную печенку, обвожу взглядом пустынные волны в поисках спасителя. Но я здесь совершенно один.

Серое хмурое небо отражается в мрачно притихшем море. Под вчерашним солнцем в опреснителе набралось 20 унций пресной воды, но сегодня его магическая сила явно поубавится. Облака умеряют полуденный зной, но и производительность солнечного агрегата резко падает. Жизнь полна парадоксов. При свежем ветре я быстрее подвигаюсь в нужном направлении, но при этом мокну, замерзаю, мучаюсь страхами и рискую перевернуться. Во время штиля я обсыхаю, мои раны подживают, легче становится ловить рыбу, но предполагаемые сроки путешествия растягиваются и чаще случаются встречи с акулами. На спасательном плоту не бывает хороших условий жизни и негде удобно расположиться на отдых. Здесь могут быть только плохие или очень плохие условия, и всегда в той или иной степени испытываешь неудобства.

Кто-то начинает резко и сильно колотить меня снизу по спине и по ногам. Но это не акула, а дорады. Меня это не удивляет. Их толчки, чувствительные, как прямой короткий удар хорошего боксера, достают меня все настойчивее. Раз за разом они бьют по выступам в днище плота, туда, где он прогибается. Наверное, они тоже поедают морских уток. От выпуклостей им легче отдирать

этих рачков, которые усеивают днище маленькими шпечками.

Я уже столько раз промахивался, что теперь не тороплюсь брать дорад на прицел. Однако докучливые толчки не прекращаются, и это порядком мне надоедает. Выстроившись широким фронтом, точно идущие в массивованный налет бомбардировщики, дорады по дуге заходят на мой плот с носа. Я не могу встать, чтобы лучше видеть их приближение, потому что стоя не смогу целиться; поэтому я поджидаю их на коленях. Не доплыв до плота, стая разделяется и обходит меня с бортов — слишком далеко и слишком глубоко.

На всякий случай я небрежно направляю свое ружье в сторону проплывающего под плотом тела. «На, получай!» Бум! Оглушенная рыба замирает в воде. Я тоже оглушен неожиданностью. Вытаскиваю ее на борт. Пена, вода и кровь разлетаются радужными каскадами из-под ее бешено молотящего хвоста. Спазматически дергается дубиноподобная голова. У меня едва хватает сил, чтобы уберечь свой надувной корабль от острого наконечника стрелы, застрявшего в теле мечущейся тяжелой рыбины. Прыжком навалившись сверху, я прижимаю ее голову к восьмидюймовому фанерному квадрату, который служит мне разделочной доской. Взгляд большого круглого глаза дорады встречается с моим. Я чувствую ее нестерпимую боль. В книге сказано, что парализовать рыбу можно, надавив ей на глаза. Но от этого ярость моей жертвы только возрастает. Поколебавшись, вонзаю в ее глазницу нож — сопротивление усиливается еще больше. Вот-вот она вырвется совсем. Следи за острием! Сейчас не до жалости. Нащупав нож, всаживаю его в рыбий бок, проворачиваю его там, пока не нахожу позвоночник и не переламываю его пополам. Трепет пробегает по ее телу, мутнеет умирающий взгляд. Я откидываюсь назад и разглядываю свою добычу. Цвет дорады уже больше не голубой, каким кажется, пока она плавает в море. Распростертое у моих ног сокровище оказывается серебристым.

Вокруг плота поднимается суматоха. Я заметил, что эти рыбы часто держатся парами. Осиротевшая подруга погибшей дорады с нестихающей яростью снова и снова бросается на меня в атаку. Но я стараюсь игнорировать ее увесистые тумачи в течение всех трех часов, которые уходят на разделку моего улова.

Разрезаю рыбью тушу на полоски толщиной примерно дюйм и длиной шесть дюймов, прокалываю в них отверстия и нанизываю на веревочку, чтобы высушить их на солнце. А когда спускается вечер, выбрасываю ее кости и голову как можно дальше и как можно быстрее выплываю в море пропитанные кровью губки. Дело в том, что акулы способны определять присутствие крови в воде в пропорции один к миллиону; это все равно, что учуять запах одного-единственного бифштекса среди ароматов всех обедов в Бостоне.

Не меньше тридцати дорад собирается возле меня для ночного эскорта. Они стучат по плоту, словно взбудораженная, разгневанная толпа, затеявшая суд линча. До моих ушей доносится тихий ропот: «Ты заплатишься за это убийство, человек!»

«Отстаньте от меня! — кричу я им. — Что вы все ко мне пристали?» Суетливо отбиваясь от их нападков, я раз за разом взвожу ружье и спускаю тугую тетиву, стреляя наудачу в середину сбившейся под плотом рыбьей стаи. Мой отточенный аргумент, кажется, не раз попадает в цель. Но руки тяжелеют от усталости. То место на груди, куда я прижимаю рукоятку ружья при взведении тетивы, болезненно ноет. Тем не менее одну рыбину никак не удается отогнать. Механически пережевывая ломтик плоти ее супруга, я наблюдаю, как она разворачивается в воде для новой атаки. Мясо оказывается не таким уж деликатесом, как я полагал. Даже в ночной темноте дорада продолжает наносить мне удар за ударом.

*18 февраля,
день четырнадцатый*

УТРОМ ВКУС МЯСА МЕНЯЕТСЯ К ЛУЧШЕМУ. ОНО становится просто великолепным, чем-то напоминая меч-рыбу или тунца. Наверное, небольшая выдержка ему необходима. Определенно, дорада заслуживает более деликатного обхождения: сюда бы чуть-чуть чесночку, капельку лимонного сока, да еще бы приготовить ее на приличной кухне. Мне трудно оторваться от еды, однако ничего не поделаешь — надо! Кто знает, сколько

пройдет времени, прежде чем я поймаю еще одну рыбу.

Я здесь один: от человеческого общества, богатства, от какой бы то ни было роскоши меня отделяют тысячи миль пути, и тем не менее я чувствую себя сейчас богачом. Пятнадцать фунтов сырой рыбы покачиваются, как бельё, на веревке, натянутой поперек плота. Это сооружение я именую мясной лавкой. В опреснителе поблескивают первые капли конденсата, словно монетки, брошенные мне, нищему попрошайке, пресветлым солнцем. Всего этого не так уж и много, но для меня и это целое богатство. Мало-помалу мое убежище из резины, шнуров, линий и стали становится для меня родным домом. Меня заботит не столько непосредственная опасность, сколько то, как я выживу, если путешествие затянется. Голод мой утолен, жажда стала более или менее терпимой. Я обеспечен на десять дней вперед, которых вполне достаточно, чтобы покрыть 220 миль, отделяющих меня теперь от океанского судового пути. Значит, можно позволить себе отдохнуть от рыбной ловли. К тому времени, как я доберусь до трассы, язвы на заду и коленях, возможно, уже подживут, так что я смогу внимательнее вести наблюдение. Кто бы поверил, что я, самый привередливый и нетерпеливый человек на свете, когда-нибудь стану радоваться куску сырой рыбы и пинте воды как необыкновенному богатству?

В выпуклом боку блестящего пластикового опреснителя, как в линзе фотообъектива, отражается наползающая с кормы небесная хмарь. Постепенно чистый блеск пластика замутняется оседающим изнутри конденсатом, и из опреснителя капля за каплей начинает сочиться нектар: кап... кап... кап... В такт этим каплям я размышляю о своем будущем: «Когда я вернусь домой, то я... то я... то я...»

Я всегда был мечтателем. Когда мне было четыре года, родители подарили мне игрушечный замок с нарядными солдатиками в красных и синих мундирах. Ниточки их жизней с прикрепленными к ним свинцовыми шариками скрывались под фанерной дощечкой. И они полностью зависели от движения моей руки. По моей воле солдатики умирали и вновь оживали. Я мог ввергнуть их в нищету и мог возвести на королевский престол. Куда бы ни повернула удача, мои герои всегда побеждали или погибали с честью.

Опускаю подъемный мост, соединяющий меня с воспоминаниями моего детства. В те дни меня обычно укладывали для дневного сна, и я лежал в кроватке, разглядывая в рамке окна желтое лето. Солнечные лучи заглядывали в комнату, а в них кружились пылинки, увлекаемые невидимыми течениями, пока не уплывали куда-то в тень. Каждая пылинка чудилась мне целым миром. Спустя годы я узнал об атомах, частицах, слишком малых для того, чтобы человеческий глаз мог их увидеть. Может быть, и наша галактика — тоже электрон какого-то иного еще более необъятного мира. Все на свете возможно. Все, что доступно воображению, возможно в жизни. Создания духа не подвластны физическим законам.

Но физические тела им подчинены. Я бы и рад отделаться от своего страха, но у меня нет занятия и мне нечем его заглушить. Чтобы остаться в живых, надо всеми силами беречь энергию. Каждое движение сжигает в топке моего тела очередную порцию топлива. Над моей высохшей кожей поднимается пар. Слежу за работой опреснителя и высматриваю на горизонте суда. Рыбалкой я займусь теперь только тогда, когда наступит подходящее время, а вероятность успеха будет достаточно велика. В остальное время я сижу неподвижно и стараюсь чем-нибудь отвлечься от своих мыслей. Я прорабатываю в голове конструктивные идеи для новых судов и спасательных плотов, которые я заложу в свои проекты, возвратившись в теплый и сухой офис в штате Мэн. Записи в моем боржурнале перемежаются заметками, касающимися систем жизнеобеспечения, устройства крейсерских яхт, деловых и личных планов на будущее. Иногда я кажусь себе маклером, скупающим акции с целью выгодно их потом перепродать.

Некоторое успокоение приносят мне раздумья о многоплановой реальности. Явившиеся мне прошлой ночью свежепеченные бисквиты из пшеничной муки были почти как настоящие. Мне все больше нравится мечтать о чем-нибудь съедобном, и ненависть к этим искусительным видениям сменяется наслаждением. Только мечты могут приблизить меня сейчас к еде и питью, а близость к ним — это все же лучше полного их отсутствия.

Моя жизнь протекает одновременно в реальной действительности и в мире фантазии. Я вижу себя обладателем нескольких миров — прошлого, настоящего и буду-

щего; сознательного и бессознательного; чувственно осязаемого и воображаемого. Я стараюсь убедить себя, что из всего множества миров в одном лишь настоящем воцарился ад — все же остальные недоступны и неуязвимы для посягательств злых сил. Мне отчаянно хочется оградить их от страданий и уныния, чтобы я в любой момент мог найти там прибежище. Как опытный демагог, я заговариваю себе зубы этими сказками, отчетливо осознавая истинную реальность, от которой зависит мое бытие. Взять и выйти из нее Стивен Каллахэн не волен. Сегодня все складывается сравнительно гладко, но завтра на меня снова могут обрушиться волны, сокрушая мой дух и унося с собой мечты.

А вот подоспели и мои мучители. Едва небо стемнело и сумерки окутали океанские воды, они принялись за меня и начали колошматить так, словно я попал в руки целой шайке бандитов. Иногда мне удается отогнать их с помощью остроги, но они тут же возвращаются. Снова и снова атакуют меня дорады, и ряды их пополняются все новыми и новыми бойцами.

Они пришли со мной расправиться. Если я сейчас вывалюсь в воду, мои собачонки меня сожрут. Кадры из фильма Хичкока «Птицы» вспыхивают передо мной, как на экране. Может быть, большой совет рыбьего населения планеты осудил ненасытную алчность человека, безмерно эксплуатирующего море. Человек оправдывает свои действия, именуя их утилизацией ресурсов в интересах высшего вида. Но его эгоизм переполнил чашу терпения рыб. Мне представляется, как медленно погружаются в темную бездну дочиста обглоданные скелеты моряков, обратив пустые глазницы вверх к мерцающей поверхности океана. Почему дорады нападают на меня? Что приводит их в такое неистовство? Разве может обычная рыба вести себя столь устрашающим образом?

Мир укрылся одеялом ночной тьмы. Приходит сон и к моим дорадам. Косяк рыб, штук примерно тридцать — сорок, кротко сопровождает мягко покачивающийся плот. Они поблескивают в ночи, как серебро на черном бархате. Иногда они вспыхивают, как луч маяка, с глубины нескольких десятков футов. Они дожидаются рассвета, чтобы учинить на заре новое избиение моего плота, а затем отправиться на дневную охоту за летучими рыбами. Я закрываю глаза и уношусь в края иные.

Трах! Чудовищный удар в спину возвращает меня к действительности. Отрывистые звонкие шлепки дробно пробегают по днищу плота, точно пулеметная очередь, а потом плот под визг выворачиваемой наизнанку резины подпрыгивает в воздух и с оглушительным хлопком плюхается обратно. Это уже акула! Схватив ружье, кидаясь к выходу. По днищу шлепала, конечно, дорада; должно быть, акула там ее и схватила. Но теперь рыба больше ее не интересуется, она вцепляется в один из балластных карманов, прикрепленных под днищем плота, и яростно его дергает, отчего мое судно ходит ходуном. Я не могу разжать рук, не рискуя вылететь за борт. Погоди-ка, этот натиск надо переждать. Слева раздается скрежет от нового удара. Надо еще подождать. Снаружи чертовски темно, я ничего не вижу. Да вот же она! Бью стрелой — есть! Акула резко срывается, разворачивается, нападает снова. Ее удар валит меня с колен. Ах ты, проклятая тварь! Опять выжидаю удобного момента. Она прет поперек днища прямо на меня. Ну, получай же! Попал! Еще раз, взметнув фонтан воды, акула таранит плот, еще раз вскипает под ним водоворот, я лечу на пол, сбитый с ног. Дьявольское отродье! С замиранием сердца жду... Но вокруг лишь темнота и спокойствие. Я весь дрожу; тянусь за флягой с водой, делаю несколько больших глотков. В течение следующего часа каждый плеск за бортом или скрип резиновой камеры побуждают меня вскакивать и изготавливаться для отражения новой атаки. Хоть бы это кончилось... Ах, если бы...

Неужели каких-то полдня назад я чувствовал себя так уверенно и убеждал самого себя в том, что реальность — это только малая толика моей жизни, что воображение может послужить мне надежным убежищем. Сейчас для меня не существует ничего, кроме острых как бритва зубов и глубоких, жгучих язв на теле, и нет выхода из этого мрачного узилища, даже во сне. Как ничтожны мои *реальные* шансы! Не лучше ли попросту сложить оружие и опустить руки, чем продолжать эту безнадежную борьбу?

Но я все же стараюсь выбросить из головы безрадостную картину четырнадцати сотен миль мокрой пустыни, отделяющей меня от желанного оазиса. Гоню от себя страх перед новым нападением грозного врага. Превозмогая

Судно прошло мимо.

усталость, подкачиваю воздух в камеры плота и усилием воли пытаюсь заглушить жгучую боль в трещинах и порезах кожи на спине и коленях. Измотанный, я еще на часок забываюсь во сне.

Резвая возня доряд в воде опять прерывает мои дремотные грезы. Схватив ружье, откидываю входной полог. Но на меня никто не нападает. Вокруг все спокойно. И вдруг краешком глаза я улавливаю сверкание огней на черном горизонте. Судно!

Похоже, что наши курсы пересекаются где-то милях в четырех от меня. Нашариваю впотьмах ракетницу и патроны к ней. Вставляю в нее толстый красный цилиндр и, защелкнув крышку, шепчу: «Уж ты постарайся для меня, пожалуйста!» Выпрямляюсь во весь рост, направляю широкий ствол вверх и выпускаю в небо ракету. Оранжевое солнышко с треском уносится вверх, помечая дымом свой след, и мягко высвечивает маленький парашютик, повисающий над морем. Покачиваясь в неторопливом спуске, оно льет свой свет с высоты двухсот футов на сумрачную воду океана, выхватывая яркий кружок на ее поверхности.

Огни судна определенно поднимаются выше над горизонтом. Вопль радости вырывается из моей груди: «Они меня увидели!» Немного выждав, я для верности выпаливаю в небо вторую ракету. Вместе с ее светом во мне растет ликование. Мои слабые ноги пускаются в перепляс. Слежу за приближением судна. Не будет больше акул! Домой! Свежую дораду, королеву морей,— в дар экипажу! Нырять внутрь и забрасываю нож, банки с водой и прочее имущество в мешок. Судно может и не взять с собой мой плот. Но я во что бы то ни стало хочу сохранить свое снаряжение: ведь это все, что у меня осталось. Какое же облегчение — не экономить больше жалкие глотки воды! Выглянув опять из-под тента, я несколько раз основательно прикладываюсь к горлышку фляги.

Тонкая, прозрачная дымка тумана опускается над морем. Приближающееся судно пересекает на юге мой меридиан. Сверкающие иллюминаторы и ярко освещенная рулевая рубка излучают приветливое тепло. Спасен! Четырнадцать дней на плоту, и я спасен! Выстреливаю третью ракету и что есть мочи ору: «Я здесь! Сюда!» Воображение разыгрывает передо мной сцену встречи с моими спасителями...

— *Куда вы направляетесь? — спрашивает меня капитан с аккуратно подстриженной бородкой.*

— *Похоже, что каков бы ни был ваш курс, нам по пути.*

— *Ха! Полагаю, что так оно и есть! Наша следующая остановка — Гибралтар.*

Я преподношу ему нанизанную на бечевке рыбу:

— *Прошу извинить меня за то, что так грубо ее накромсал. Если бы я знал, что к обеду будут гости, я сделал бы ее как следует.*

— Мне надо вернуться сейчас к служебным обязанностям. А вы немного отдохните и, когда наберетесь сил, поднимайтесь на мостик. Там и поговорим.

— Думаю, что я быстро справлюсь. Перед отплытием я был в прекрасной форме.— И после недолгой паузы добавляю: — А ведь правда, мне все-таки чертовски повезло? Правда ведь?

Яркие картины воображения несколько тускнеют, когда я зажигаю фальшфейер. Непосредственно прилегающая ко мне часть мира высвечивается, словно в ясный день. Сквозь воду я отчетливо вижу свой рыбий эскорт. Тела рыб размеренно колышутся, и скорее всего мои спутники совершенно не подозревают о том, что я скоро покину их компанию. При таком спокойствии на море и идеальной видимости вахтенные на судне, проходящем в какой-то миле от моего плота, не могут меня не заметить.

Нос судна продолжает уверенно распахивать море, подвигаясь навстречу занимающейся заре. В лучах света, падающих из бортовых иллюминаторов, мне виден разбегающийся за его кормой кильватерный след. Прямая дорожка взбаламученной воды, рокот двигателей и дымный шлейф позади. Пелена тумана густеет, и, кажется, начинает моросить дождик. Сердце так бьется от волнения, что я не ощущаю холода. Но вот восторг угасает, и меня начинает пробирать озноб. Темные клубы облаков озарены снизу еще пока не поднявшимся из-за горизонта солнцем. Считая, что меня заметили, я поджигаю вторую фальшфейер. Волны от прошедшего судна подбрасывают плот, меня качает, но я продолжаю стоять. Вот сейчас теплоход развернется и подойдет ко мне с наветра. Фальшфейер догорает, и в руке у меня остается длинный тлеющий огарок, похожий на огненный клык дьявола. Бросаю его в океан. Он шипит и дымится, упав на поверхность воды, а потом, окутанный паром, с тяжелым вздохом погружается в пучину.

В воздухе стоит слабый запах дизельного выхлопа. Не упустить бы последний шанс! Может быть, кто-то находится в это время на кормовой палубе. Отправляю в небо четвертую парашютную ракету и валюсь без сил. Судно прошло мимо.

Дурак, дурак набитый! Ты истратил шесть ракет, вот сосчитай-ка, ровно шесть, индюк ты, вот кто! Взгляни на флагу: ведь ты осушил разом целую пинту добытой с таким

трудом пресной воды. Самоуверенный болван, расточительный глупец, ты спутал действительность со своими мечтами!

Я стою под морозящим холодным дождем, не в силах оторвать взгляда от тающей за горизонтом тоненькой струйки дыма. Мне бы вовремя сообразить, что первое встречное судно вовсе не обязательно принесет мне избавление. Семейству Бэйли пришлось дожидаться восьмого. Неразумно делать ставку под банковский чек, который, вероятно, идет к вам по почте. Я смогу считать себя спасенным лишь тогда, когда почувствую под ногами сталь корабельной палубы.

Дугал Робертсон говорит, что не стоит возлагать надежды на встречные суда. «Спасение придет к вам как отрадная неожиданность... в процессе борьбы за выживание». Вот уж воистину типичная британская сдержанность! А мой стиль — это шумное многословие и пылающие страсти. Спустя же несколько минут костер моего ирландского темперамента совершенно угасает, и даже уголья его становятся так же холодны, как останки утонувшего фальшфейера, который, наверное, уже погрузился на целую милю в водную толщу.

*19 февраля,
день пятнадцатый*

ДУМАЮ, ЧТО БЫВАЕТ И ХУЖЕ. МОЖЕТ БЫТЬ, они все же видели меня и вызовут теперь по радио воздушную разведку? Щелкаю тумблером радиомаяка. Хотя я и сомневаюсь в прибытии самолета, но вполне вероятно, что нахожусь ближе к судовой трассе, чем мне представлялось. У меня еще хватает духу, чтобы намешничать, хотя и не хочется улыбаться. Посмеиваясь над собой, я говорю: «Завтрак без чашечки кофе — какая неприятность!»

Подберет ли меня кто-нибудь, прежде чем я подвернусь новому нападению акулы? Надежды, надежды. Но глядя реальности прямо в лицо, предвижу еще не одну схватку с этими хищниками океана. После утраты «Наполеона Соло» я все время стараюсь экономить

энергию, но мысли, что бродят в моем мозгу, доводят меня до полного физического изнеможения. Я и сам понимаю, что со стороны мысли мои должны показаться страшно банальными, это те банальности, которых естественно ожидать от потерпевшего крушение. Тут и клятвы перед лицом Космоса в том, что я буду очень хорошим, если только выберусь живым из этой переделки. Здесь и неотступные мечты о разных напитках и яствах, и щемящее одиночество, и страх. Как бы я хотел оказаться хозяином положения, предаваться на досуге возвышенным размышлениям, геройски побеждать страх, не замечать страданий, сохранять ясность ума! Наверное, подобный героизм встречается только в романах. И если на этом плоту мне и дано было постижение истины, то она сводится лишь к тому, какую власть имеют лишения и страдания над человеческим умом. Нам хочется думать, что мы выше этого, что жизнью нашей правит наш собственный интеллект. Но здесь, где никакие условности цивилизации не затемняют сути вопроса, я начинаю догадываться, что интеллект зависит именно от инстинктов и что вся человеческая культура является результатом грубой животной реакции людей на условия жизни. Меня воспитывали в убеждении, что мне по плечу любые трудности и я могу все преодолеть, всего добиться. Я очень хочу верить, что это так, стараюсь верить.

Утром пятнадцатого дня, когда я поглощаю свой скудный завтрак, сражение с дорадами возобновляется. Своими мощными челюстями они стараются цапнуть меня сквозь днище то за руку, то за ногу. Забираюсь с ногами на пенопластовый матрас, и понемногу они от меня отступают. А когда дневной свет затапливает небосвод; они устремляются прочь на охоту, то и дело возвращаясь, чтобы объединиться в команду, а заодно и боднуть мой плот. В отдалении из воды выскакивают летучие рыбки. Паря над волнами, они могут пролетать около ста ярдов и даже больше, петляя так и этак, накреня на виражах крылышки и трепеща хвостиками, словно маленькими пропеллерами. Летучие рыбы — излюбленное лакомство дорад, и, преследуя свою жертву, они тоже выпрыгивают из воды; но иногда они стремительным и изящным прыжком описывают над волнами высокую дугу просто забавы ради. На закате все они опять сплываются ко

мне, будто мой плот назначен у них местом свидания всей стаи.

То и дело я оказываюсь перед необходимостью принимать трудные решения. Каждый раз, принимаясь за рыбалку, я рискую повредить подводное ружье или плот. Если это случится, то вся надежда, что помощь подоспеет немедленно, иначе я, скорее всего, погибну. Но с другой стороны, я могу погибнуть от голода, если не наловлю достаточно рыбы. Принимаясь за любое дело, я сперва мысленно перебираю все возможные последствия, чтобы сознательно принять самое разумное решение, но только убеждаюсь в том, что всякое решение — палка о двух концах и любое действие может принести как пользу, так и вред. В конечном счете все тут дело случая.

Сражаясь с нападающими дорадами, я загарпунил десять штук. В моей мясной лавке еще висят остатки мяса первой рыбы. Убивать же их без нужды мне совсем не хочется, поэтому надо их как-то проучить, чтобы неподводно было ко мне приставать. Обычно они осаждают меня на заре и в сумерках. Загарпунив двух дорад, я вытаскиваю их. Пока я держу их на вытянутой руке, подальше от резинового борта, наши взгляды встречаются. В отчаянии я ору на них: «Ну что, глупые рыбы, допрыгались?» Рыбы бьются, пока им не удастся освободиться, заплатив за это рваными ранами на спине и спинных плавниках. Однако и это их не отвадило. Вскоре они возвращаются. В одном из балластных карманов прощупывается небольшой разрыв, и я опасаясь, что дорады не отстанут от меня до тех пор, пока не погубят мой плот и меня вместе с ним. Стараюсь убедить себя, что их настойчивость носит более прагматический характер и их интересую не я, а моя колония морских уток.

Своим прозвищем — «гусиная шейка» — эти мелкие животные обвязаны длинной и крепкой ножке, с помощью которой они прикрепляются к днищу корабля и на которой, как бы вниз головой, висит их неуклюжее черное тельце. Взрослые утки носят на себе броню из ярких белых с желтой каемочкой створчатых раковин, на стыках напоминающих складную игру-головомку. Обосновавшиеся на моем плоту детеныши еще не имеют таких раковин, а в длину не превышают трети дюйма. Однажды «Наполеону Соло» довелось идти одним и тем же галсом и с постоянным креном в течение двух недель кряду.

И хотя все эти дни яхта мчалась с хорошим ветром, на ее гладком борту выше защитного слоя необрастающей краски укоренилась целая ферма морских уточек.

Любой плавающий в море предмет — это остров. Все, что погружено в воду, обрастает водорослями. Среди водорослей находят приют и пищу мельчайшие животные и растения, которые привлекают мелких рыбешек, а те в свою очередь — более крупных, в том числе и акул, и птиц. После того как мы с Крисом покинули Азорские острова, нам встретился плавающий в море пенополистироловый куб со стороной в восемь дюймов, под которым уютно устроилась 14-дюймовая рыба. Мы подняли ее дом, и она в полной растерянности засновала в воде беспокойными кругами. Нам попадались среди океана обрывки лесок и поплавки, упущенные кем-то несколько месяцев назад; на каждом дюйме их поверхности сидела добрая гроздь морских уточек длиной примерно два дюйма, а вокруг кишели крабы, рыбы, черви и креветки. Однажды мне попался влекомый струями Гольфстрима пук водорослей, в котором приютилась целая компания рифовых рыбок, удалившихся вместе с ним более чем на тысячу миль от привычных мест своего обитания. По сравнению с ним мой плот — это уже большой остров.

Наблюдения за развитием местных экосистем действуют на меня весьма ободряюще. Мясо, особенно ломтики подсушенной дорады, исключительно богато протеином, но почти все витамины содержатся только в фотосинтезирующих организмах. Поэтому, употребляя в пищу растения и питающихся ими животных, таких, как морские уточки и спинороги, можно получить больше витаминов, чем из мяса плотоядной дорады. Внутренности животных относительно богаче витаминами, чем мясо, потому что там происходит переработка питательных веществ, угодивших в их желудок. Как показали эксперименты, при полном отсутствии витамина С у человека цинга не развивается в течение сорока дней, но недостаток других витаминов чреват массой всяческих заболеваний и органических нарушений. Я надеюсь, что уточки, спинороги и внутренности рыб обеспечат мне достаточное количество витаминов. Линь, с помощью которого привязана у меня за кормой сигнальная вешка, сплетен из крученых прядей, отчего по всей своей длине он покрыт спиральными канавками — для морских уточек это пре-

Любой плавающий в море предмет — это остров. Спинороги поедают уточек, облепивших плавающие обломки, и исследуют клочки саргассовых водорослей.

красный насест. Но за все хорошее приходится расплачиваться. Разрастающаяся колония этих рачков снабжает меня пищей, но замедляет мой ход, а на конце тянущейся от нее пищевой цепи обязательно рано или поздно появится и акула.

Кроме экосистемы, сложившейся вокруг моего плота, меня окружают и другие интересные вещи. Гуттаперчевые доряды исполняют на нижней сцене балет пушистых белых облаков. А вверху сами облака мягко скользят в небесной лазури и, сгрудившись в клубящийся вал на горизонте, озаряются пожарами огненных закатов, которые медленно гаснут под темным покрывалом ночи. Затем, в тот миг, когда солнце исчезнет, точно провалившись в бездну, в густом ночном мраке вспыхивают мириады блистающих галактик. Нигде не увидишь такого огромного небосвода, как над морем. Но мне некогда любоваться этой неопишуемой красотой. Она только дразнит меня своей недоступностью. Я не могу спокойно наслаждаться этим зрелищем, зная, что в любую минуту ее могут у меня отнять — достаточно нападения доряд или акулы либо дырки в моем плоту. Красоту заслоняет от меня мерзкая завеса страха. Записываю в бортжурнале, что, сидя в преисподней, я наблюдаю райское зрелище.

Настроение мое следует за солнцем. Свет каждого нового восхода укрепляет мой оптимизм, и я начинаю верить, что смогу продержаться еще дней сорок, не меньше, но приходящая по вечерам тьма заставляет острее осознавать, что, если хоть что-нибудь у меня не сладится, я ни за что не выживу. Быстрая смена настроений приводит меня к полной душевной сумятице. Дневник помогает мне трезво оценивать положение, но жаль, что у меня нет спутника, так как со стороны виднее, в здравом ли я рассудке или нет. Ведь если я помешаюсь, то могу растратить попусту все свои ракеты или натворить дел и похуже.

Мысли у меня часто путаются, и в памяти вдруг всплывают позабытые слова как будто из какой-то другой жизни. Обрывки прошлого с филигранной точностью складываются друг с другом в единое целое, открывая мне глубинный смысл там, где я раньше видел только чудачество. Как-то мы с матерью разговаривали об опасностях одиночного мореплавания. «Нет, я надеваю страховочный пояс только в скверную погоду, когда нельзя уже

полагаться на собственную цепкость,— сказал я ей.— Эта штука ужасно мешает передвигаться, в ней постоянно путаешься или спотыкаешься об нее. Так недолго и за борт свалиться».— «Тогда тебе следует по крайней мере надевать спасательный жилет»,— проворчала мать. «Ну, если я действительно окажусь за бортом и судно уже без меня поплывет дальше на запад,— возразил я,— то мне совсем не улыбается возможность несколько дней продержаться на поверхности, покада рыбки не обглодают мои кости. Не хочу быть для них чем-то вроде живой кормушки». Но шутка моя ее вовсе не насмешила, потому что она неодобрительно проворчала: «Я много труда положила, чтобы дать тебе жизнь, так уж и ты, будь любезен, потрудись от нее так легко не отказываться». Эти-то ее слова и вспомнились мне сейчас. «Ты должен пообещать мне, что в любом случае будешь держаться до последнего». Обещания я не давал, но тем не менее я его выполняю.

Незадолго перед тем, как навсегда расстаться с «Наполеоном Соло», я прочел роман Роберта Руарка «Покончить с бедностью». Его герой слышит в детстве от своего деда совет, который звучит приблизительно так: «Я знаю, что мне скоро помирать. Не будем из-за этого разводить сантиментов. Это неважно. Но взгляни на своего отца. За всю жизнь он никогда ни разу не рисковал. Ну и до чего он докатился. Ты так не поступай. Не бойся жизни, дай ей хорошего пинка. Пускай она у тебя попляшет!» Куда уж мне пинаться, когда меня и так ноги еле держат. Вот я попробовал рискнуть, и вот куда меня это привело! Нахального бродягу спихнули под откос. Тем не менее надо изо всех сил держаться выбранного курса, пока не доберешься до тихой пристани. Однажды, когда мне было шестнадцать лет, у меня началось заражение крови и я чуть было не потерял ногу. Но вместо того, чтобы ее оплакивать, я сказал себе, что ведь у меня как-никак имеются еще ясная голова, крепкие руки и одна здоровая нога.

Вокруг меня разложено то, что осталось от «Соло». Все мое снаряжение находится в надлежащем порядке, системы, необходимые для обеспечения жизни, функционируют, четко установлены приоритеты, и здесь недопустимы никакие нарушения. Каким-то образом мне удастся подняться над смятением, болью и страхом. На этом крошечном суденышке, идущем через коварные воды, я

твердо стою на капитанском мостике. Я справился с неразберихой, возникшей после потери яхты, и добыл в конечном счете себе пищу и питьевую воду. Я победил смерть. Сейчас у меня есть выбор: вести свой корабль к новой жизни или отказаться от борьбы и спокойно ждать конца. Выбираю из двух возможностей первую: лучше барахтаться из последних сил, чем сдаться без сопротивления.

Дневной зной в самом разгаре. Палящее солнце над головою поджаривает мою пересохшую кожу. Выжимаю на себя морскую воду из губки и жду, пока маленькие лужицы во впадинах моего тела не высохнут. Я отдыхаю, лежа на боку, чтобы заживали ссадины на спине и на груди, и воображаю себе, что валяюсь на антигуанском пляже. Через мгновение я поднимусь на ноги и схожу за стаканом холодного ромового пунша — торопиться мне некуда, а я и не спешу.

Сверху на тенте сушатся разложенные под жаркими лучами рыбные ломтики. Они так и блестят на солнце, до того жирные. Сверху они уже приобрели золотистый оттенок. Их пряный и солоноватый вкус напоминает колбасу самого лучшего сорта.

21 февраля,
день семнадцатый

КАЖЕТСЯ, ДЕЛА ПОШЛИ НА ПОПРАВКУ. ВОТ уже два с половиной дня не было ни одного акульего набега. Утренние и вечерние штурмы, которые регулярно продолжают предпринимать доряды, стали не такими свирепыми — либо это действительно так, либо я меньше стал обращать внимания. После вчерашней жары хлынул ливень. Я подставлял под струи дождя широко раскрытый рот, как делал это в детстве, когда шел снег. Дождь смочил лицо, а в моем универсальном ящике собралось шесть унций пресной воды. Запас воды у меня опять пополнился. Заметив издалека приближающийся шквал, я вытащил из воды волочащийся за кормою лить и подставил его под дождь, чтобы отмыть прицепившихся к нему рачков. Отскоблив ножом три-четыре унции

этого морского деликатеса, я залил их дождевой водой все в том же пластмассовом ящике: получилась похрустывающая на зубах похлебка. В моем воображении навязчиво маячит конкурент макдональдовского гамбургера — четвертьфунтовый бутерброд с мясом морских уток. В пластиковый пакет с остатками изюма попала морская вода. Отсыревшее содержимое теперь мало чем напоминало обычный изюм, однако я съел его на десерт; этим закончился сегодняшний банкет, на котором были прикончены последние остатки припасенных на суше продуктов.

Сейчас я уже не испытываю злого острого голода, он перешел в хроническую тлеющую форму. Тело прекрасно знает, что ему нужно. Мысленно у меня все время текут слюнки от видений сладкого мороженого, пышного свежеепеченного хлеба, сочных фруктов и овощей, хотя во рту у меня при этом остается сухо — мой организм давно отказался от напрасных попыток и слюноотделение не происходит. Ни дня не проходит без гастрономических мечтаний.

Иногда я бываю уверен в себе и мечтаю тогда о будущем. Мои друзья строят новый дом. Мы перетаскиваем длинные деревянные брусья и устанавливаем на нужное место. Затем мы прерываем работу, чтобы подкрепиться, и усаживаемся за стол, который ломится от хлеба и фруктов. Иногда я мечтаю, что открою ресторанчик в штате Мэн, а там будут подавать вкусную пищу — валованы с крабами под хересом, шоколадные коврижки, холодное пиво. Мы едим неторопливо, спокойно созерцая безмятежные сияющие яркой синевой воды залива Француза, где океанские волны, подкатывая к берегу, встречают на своем пути неприступную стену суровых гор.

Все свои силы я отдаю заботам о снаряжении. Прикрепляю к сигнальной вешке зеркала и маленькую импульсную лампочку; плотно завязываю протекающий смотровой лючок в навесе тента. Мои навигационные расчеты показывают, что пройдена пятая часть пути до Малых Антильских островов. Это очень отрезвляющий факт. Выдержу ли я на плоту еще шестьдесят суток? Только сейчас я начинаю понимать, какие страдания перенесла семья Бэйли. Уму непостижимо, как можно было вынести свыше ста дней такого испытания. Но что же тогда говорить о тех людях, которые всю жизнь живут впроголодь?

Я прекрасно понимаю, что мой собственный конец может наступить в любую минуту — для этого достаточно одного укуса острых рыбьих зубов, но почему-то чувствую, что мне суждено выжить. Все, чем я владел, утрачено вместе с «Соло», но очень уж увлекательно поразмыслить над тем, как я начну все заново, не имея ломаного гроша за душой и зная, что все мое земное достояние заключается в этом опыте.

В спокойную погоду я могу, не опасаясь опрокинуться, пересечь с наветренного борта куда-нибудь в иное место. Тогда я усаживаюсь в своей мясной лавке под веревками, на которых развешена рыба. Это единственный пятячок на плоту, где я могу сидеть почти вертикально. Отсюда удобно каждые полчаса проверять опреснитель, наблюдать известный сектор горизонта, писать и вести навигационную прокладку. Снова и снова я высчитываю свое местонахождение в океане. Шестьдесят дней... Это кажется невозможным, но ведь мало ли бывало на свете самого невероятного.

В штате Мэн у меня есть один приятель по имени Джордж Брэйси. Один из местных старожилов, в юности он занимался ловлей омаров и сбором моллюсков. Кое-кто из жителей нашего края зовет его Старикашкой. Подобно большинству связанных с морем людей, Джордж может без конца травить самые невероятные байки. Есть у него рассказ о том, как он спустился вниз с горы Кадиллак на роликовых коньках, причем в те времена, когда технический прогресс в этом виде спортивного инвентаря сводился к элементарным стальным колесикам. Или еще он рассказывает, будто видел одного человека, благополучно спрыгнувшего с высоты 1000 футов без парашюта на подстеленный вниз матрас, причем вся его экипировка состояла из специального костюма со вшитыми между руками и ногами матерчатыми перепонками для планирования. Когда я познакомился с Джорджем, он мучился артритом. «Двенадцать лет прожил я с парализованными ногами,— сообщил он.— Доктора говорили, что это навсегда. Но однажды я сидел на бревне, лущил щепу для печки и ненароком скувыркнулся. И вот, гляди-ка, с тех пор опять хожу».

Когда слушаешь чужие воспоминания, трудно отличить правду от выдумки. Но Старикашка частенько ставил скептиков в тупик. Бывало, что он вдруг возьмет и

покажет вам вырезку из старой газеты, озаглавленную «Местный ловец омаров Дж. Бэйси спускается на роликах с горы Кадиллак». Или вдруг вы сами неожиданно наткнетесь где-нибудь на старую фотографию, изображающую облаченного в мешковатое трико бродячего акробата, снабженное подписью «Называет себя Бэтменом».* Как тут судить, где правда, а где вымысел и что возможно на этом свете?

Ого, судно! Внезапно у меня перед глазами возникает статный, с изящной линией форштевня и белой продольной полосой, красный корпус сухогруза, направляющегося прямо ко мне. Непонятно, почему же я не увидел его раньше? Должно быть, они заметили в море мой плот и теперь идут сюда, чтобы рассмотреть его как следует. Чтобы удовлетворить их любопытство, заряжаю ракетницу и стреляю вверх. Ракета с треском уносится в небо. Теплоход приближается ко мне, не снижая 12—14-узловой скорости. Конечно, свет ракеты сейчас не столь ярок, как ночью, но все же ее огонь и повисший в воздухе дымный след нельзя не заметить. Если только кто-нибудь смотрит сейчас в мою сторону, он просто не может меня не видеть. Плот не проваливается в ложбины между волнами, и все судно постоянно находится в поле зрения. Зажигаю оранжевую дымовую шашку, и заключенный в ней рыжеватый джинн с шипением вырывается на волю, стелясь по ветру вдоль поверхности воды. Взгляд мой обшаривает мостик и палубу в поисках признаков жизни. Теплоход уже подошел так близко, что мелькни сейчас у фальшборта матрос, я смогу рассмотреть даже, во что он одет. Но единственный движущийся передо мной предмет — само судно. Подтягиваю к себе сигнальную вешку и, повыше выставив ее над головой, принимаюсь неистово размахивать. Я громко ору, чтобы перекричать тихий шелест скользящего по спокойному морю плота, шум волн, рассекаемых сухогрузом, и стук его двигателя. «Эй! Сюда! Сюда! Черт возьми, ослепли вы, что ли?» Я орал изо всей мочи, пока не осип. Я понимаю, что крик мой тонет в шуме двигателей, но легче слушать свой голос, чем мертвую тишину. Теплоход спокойно плывет своей дорогой. Хорошенькое судно...

* Бэтмен — буквально: человек-летучая мышь, герой популярных комиксов.— *Прим. пер.*

Досадно, но что поделаешь! Через двадцать минут оно уже скрывается за горизонтом.

Сколько их еще пройдет так близко от меня? Скорее всего, ни одного. Сколько других я даже не замечу? А сколько будет таких, которые не заметят меня? В наш век на борту судна некому смотреть по сторонам. Добросовестное наблюдение обычно ведется только в зонах интенсивного судоходства, где недосмотр грозит столкновением. Как правило, достаточно внимательно следят за обстановкой на военных кораблях с многочисленным экипажем. Но из рулевой рубки идущего открытым океаном торгового судна нередко лишь один-единственный вахтенный штурман время от времени бегло озирает горизонт. *Случается*, конечно, что кто-то более или менее внимательно поглядывает на экран локатора. *А может случиться* и так, что судно механически молотит винтом воду под управлением авторулевого, и только включенное на шестнадцатом канале УКВ радио обеспечивает в эту минуту его связь с внешним миром. Но даже если вахтенный не дремлет, то, в очередной раз убедившись, что поблизости не видно других судов, он чаще всего сидит, уткнувшись носом в книжку или журнал с фотографиями полуголых красоток, или же выходит на крыло мостика, чтобы покурить в тенечке. А мой плот не так-то легко заметить, даже если знать о его существовании заранее. Красный 250-футовый сухогруз не попался мне на глаза до тех пор, пока мы не столкнулись почти что нос к носу. Одним словом, много ли надежды, что такую мелочь, как мой илот, кто-нибудь заметит? Наверное, мне следовало бы не спать по ночам, когда вспышка ракеты хорошо заметна. Но днем тоже спать нельзя, потому что надо следить за опреснителем. А значит, ночные бдения чреваты перебоями в производстве драгоценной пресной воды. Стараясь утешиться, я твержу себе: «Ты и так делаешь все, на что способен. А сделать больше, чем то, на что способен, ты не в силах». Мне ясно одно. Нельзя рассчитывать на чью-то помощь. Я должен спасти себя сам.

Свобода океана манит человека, но свобода никогда не дается даром. За нее тоже приходится платить отказом от безопасности сухопутной жизни. Когда надвигается шторм, моряк не может запарковать свое судно в надежном месте и преспокойно отправиться восвояси. Он не может укрыться за каменными стенами, чтобы пере-

ждать непогоду. Нельзя освободиться от природы, ее власти покорны даже мертвые. Моряку приходится сталкиваться с прекрасными и безобразными сторонами природы гораздо ближе, чем большинству сухопутных жителей. Я выбрал жизнь мореплавателя, чтобы быть свободным от уз, налагаемых обществом, и вместе с тем отказался от защиты, которую оно дарует своим членам. Я выбрал свободу и заплатил за нее положенную цену.

На горизонте тает дымок, оставшийся от исчезнувшего теплохода. Никакие рассуждения не спасают меня от чувства горького разочарования. Я не сержусь на судьбу, но сейчас, кажется, готов смириться с рабством сухопутной жизни. В памяти всплывают слова из повести Хемингуэя «Старик и море»: «Если бы мальчик был здесь... если бы он был здесь». Мне нужен отдых, нужна лишняя пара глаз, хочется слышать человеческий голос. Но и присутствие спутника мне бы не помогло. На двоих нам не хватило бы питьевой воды.

Наверное, мой плот станет заметнее, если над ним будет реять в небесах воздушный змей. Выкраиваю из космического одеяла кусок соответствующего размера и, связав крестообразную рамку из пары лат, вынутых из распоротого в ночь крушения грота, делаю себе серебристую птичку ромбовидной формы. Правда, она оказывается тяжеловатой, а ведь ей требуется еще и хвост. Все попытки запустить змея кончаются неудачей, но, может быть, к тому времени, когда я доберусь до судоходной трассы, я его как-нибудь усовершенствую. Зато эта штука прекрасно послужит мне в качестве зонтика. Водружаю ее на задней стенке тента, где она отражает большую часть брызг, залетающих в смотровое окно. А вообще, хороший воздушный змей был бы ценным компонентом аварийной экипировки, этакий яркий маячок, реющий над океаном на высоте в несколько сот футов. Мой змей помогает сохранять мое жилище сухим, что способствует заживлению болячек.

Снова садится солнце, и рыбы больно долбят меня снизу. Подкачиваю медленно спускающие резиновые камеры, подкрепляюсь рыбными «палочками». Теперь бы немножко покоя, но покоя нет и во сне. А ночью новая встреча с акулой. Промчавшись на страшной скорости, она так поддает по днищу, что я тут же пробуждаюсь от приятных грез. Когда ее спина во второй раз шаркнула

по днищу, я, напряженно всматриваясь в глубину, попытался различить ее силуэт, но ничего не увидел. Акула появилась и пропала, а для меня потянулась еще одна безветренная ночь. Мой плот колыхнется на воде в ожидании последней атаки.

До сих пор я называл свой плот просто плотом. И вот я решил, что ему надо дать имя. В прошлом я был владельцем двух надувных лодочек, которые шутливо именовались «Резиновая уточка-I» и «Резиновая уточка-II». Единственно разумным решением было бы продолжить эту традицию. Стало быть, нарекаю тебя «Резиновая уточка-III».

Поутру я предпринимаю круговой обход вдоль наружного борта «Резиновой уточки» и обшариваю ладонями поверхность резины, стараясь нащупать какие-нибудь признаки износа. На днище все в порядке, во всяком случае — там, куда я могу дотянуться, но на нижней камере рядом с газовым баллончиком обнаруживаю несколько забоин. Возможно, они были там всегда, а возможно, что эта акула немного пожевала мой плот. Болтающийся под днищем баллончик по-прежнему беспокоит меня, но я никак не могу придумать, что бы такое с ним сделать.

В надводной части бортов поверхность камер под действием жгучих лучей тропического солнца начинает покрываться сетью трещин, напоминающих карту автомобильных дорог. Наружный леер местами так туго натянут, что сильно трется о резину. Должно быть, когда плот лежал еще принайтовленный к палубе «Соло», он ерзал от качки и при этом передергивал леер сквозь крепежные ушки. Напрягаясь изо всех сил, пытаюсь выдернуть его обратно и равномерно распределить натяг по его длине, но мои усилия остаются бесплодными.

Окрашенное оранжевым пигментом водостойкое покрытие навеса выцвело, начало крошиться и понемногу размываться. Оно пропускает воду, и потоки дождя интенсивно отрывают от него маленькие оранжевые частицы. Пить насыщенную этими частичками воду — все равно что глотать блевотину. Будь у меня возможность более эффективно собирать уже пролившиеся за это время надо мною дожди, я имел бы в запасе лишних шесть пинт. Проклинаю злосчастный оранжевый слой. Робертсон говорит, что человеческий организм способен абсорбировать до пинты непригодной для питья воды, если ввести

ее в задний проход с помощью клизмы, но я не могу провести здесь эту процедуру.

Поднимается солнце, и вновь наступает пекло. Прощая жизнь продолжает разворачиваться перед моим мысленным взором. Над будущим я не волен. Не приходит ни смерть, ни спасение. Я в чистилище.

В царстве моего воображения между зеленью высоких деревьев петляет прохладный ручей. Я смотрю, как он, журча, струится по каменистому руслу. Запах свежих сухариков, которые поджариваются над костром, щекочет мне ноздри. На самом деле это всего лишь запах вяленой рыбы.

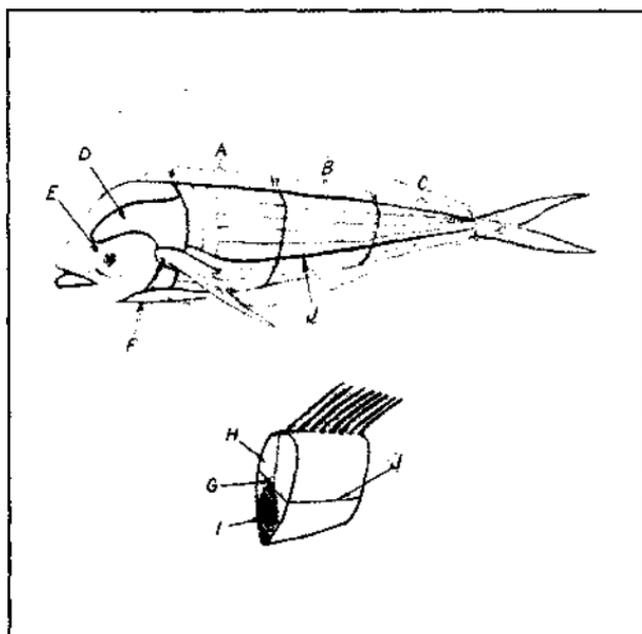
Передо мной зримо встает величественная гавань, забитая яхтами. Среди них есть и мой «Соло». Я вижу круто вздымающиеся зубчатые вулканические пики Мадейры. В давно минувшую геологическую эпоху они поднялись с морского дна и показались над поверхностью океана. Мы с Катариной трясемся в дребезжащем автобусе, который катит вдоль зияющих пропастей по мощеной булыжником дороге, серпантином выходящей вдоль отвесных склонов. От деревни до Деревни здесь час езды, хотя по прямой между ними было бы всего две или три мили. Случайно задетый камешек падает вниз на тысячи футов. Чтобы проехать 30 миль, нам требуется восемь часов. По склонам гор уступами расположены террасы с зелеными полями. Местные крестьяне выращивают здесь виноград для знаменитой мадеры, а также бананы и великое множество разнообразных фруктов, некоторые из которых не произрастают нигде, кроме этого загадочного острова. Мы обследуем деревеньку, угнездившуюся высоко в горах. Мелодии Катариной флейты сплетаются с северным бризом, доносящим сюда, наверх, музыку рокошущих в океане волн. Стройные вершины, плодородные долины, безмятежно спокойные люди — мы словно попали в волшебную сказку.

Воскресенье. Электричества нет. Нет ни футбольного матча по телевидению, ни видеоигр. Все деревенские жители высыпали на улицу, чтобы посудачить с соседями или просто поглазеть на неспешно шествующую жизнь. Природное богатство острова служит залогом их безмятежного спокойствия. Повсюду бьют источники. Мне захотелось пива. «*Aberto, senhor?*» Бар сейчас закрыт, но ради нас хозяин делает исключение. Заведение поме-

щается в подвале старинного дома. От сырых каменных стен веет прохладой. Прямо из стены торчит кран. В глубине виднеется тускло освещенная большая деревянная бочка. В углу булькает на плите кастрюля, в которой варится нежное мясо в томатном соусе. Хозяин подает нам пиво и наливает из бочки молодого домашнего вина из собственного виноградника. Мне он вручает также сэндвич с остро приправленным мясом. Он ухаживает за нами с таким радушием, словно мы его старые друзья, но нам некогда задерживаться. Мне пора в путь, меня ждут Канары.

Мы думали, что это плавание займет у нас две недели, но нас задержали слабые ветры. Таким образом, мы с Катариной провели вдвоем целый месяц. Из нее получился неплохой матрос, она все схватывает на лету, но ей этого мало, и она недовольна. Катарина считает, что все мужчины обязательно должны в нее влюбляться. Словом, получалась довольно странная вариация на тему обычной женской жалобы: «Все, что нужно моему капитану,— это побыстрее затащить меня в постель». Но я храню холодное молчание. «Жесткий ты человек»,— постоянно твердит Катарина.

Наверное, она права. Большинство женщин, с которыми я был близок в своей жизни, принадлежали к очень эмансипированному типу. Я считался с их принципами, но и сам в свой черед требовал, чтобы они соблюдали мои условия. Я решительно не желал терпеть никаких проявлений женского шовинизма и не позволял им сваливать на меня целиком всю так называемую мужскую работу. Поэтому, когда на вахте Катаринины стаксель выходил у нее из повиновения или приключалось что-нибудь еще и она начинала взывать ко мне о помощи, я обычно рявкал в ответ: «Твоя вахта, сама с этим и разбирайся!» Но я знаю, что не только в этом бываю жесток. Моя резкость и раздражительность имеют глубокие корни. Позади у меня были семь лет супружества, завершившегося разводом, потом нелегкие отношения с другой женщиной — словом, я обжегся, душевная усталость принесла с собой боязнь новой душевной травмы и я зарекся от женской любви. Может быть, это говорит во мне затаенный страх. Возможно, я подменил свою жажду любви стремлением закончить то, что однажды наметил совершить. Так это или нет, я и сам не знаю, но,

Процесс разделки дорады со временем был доведен до совершенства. После извлечения внутренностей из брюшной полости (I) я разрезаю тушку на три части (A, B, C), отделяя голову и хвост. Каждая часть распускается ломтиками, которые вывешиваются для сушки. Мышечные волокна расположены вдоль тела и ближе к хвосту становятся более жилистыми. Самые лакомые и нежные кусочки располагаются на спине, выше латеральной линии (Y), в непосредственной близости от головы. Парочку рыбных бифштексов, предназначенных для немедленного потребления, можно вырезать из головной части (A) поперек мускулатуры. Все остальные ломтики надо резать вдоль, чтобы они не разваливались при нанизывании на веревку. Брюшная полость (I) заканчивается примерно посередине тушки (B). Дальше по направлению к хвосту ломти можно вырезать как выше, так и ниже латеральной линии (J). На поперечном сечении видно, что спинной хребет (G) и кости, поддерживающие плавник, разделяют тушку на мясистые части, которые отделяются от скелета перед разделкой на ломтики. На брюхе и на участках вблизи брюшного и грудных плавников (F) имеется немного жира; я называю эти части *жареной курятиной*. Еще один кусок (D) можно отрезать сбоку от головы. Наполненные маслянистой жидкостью глаза с прилегающей мускулатурой (E) снабжают меня влагой. Первая трапеzia обычно включает глаза, маленькие кусочки мяса, ободранного с головы, внутренние органы и парочку свежих бифштексов. Позвоночник, ребра и плавники я вместе с нарезанными рыбными ломтиками приберегаю на потом.

может быть, здесь сыграло роль мое нежелание делиться своими сокровенными тайнами с Катариной, несмотря на ее певучую французскую речь и обаятельную улыбку. Единственное, чего я хочу,— это идти через море под парусом, писать и рисовать. Чем дольше длится наше совместное путешествие, тем больше она старается смягчить меня и тем больше я упорствую. Я хочу, чтобы моя яхта вновь всецело стала моей. И словно опасаясь действия волшебных чар безмятежного покоя, царящего на острове, я не выдерживаю и уже через три дня поднимаю паруса и снимаюсь со стоянки. Неужели я ошибся? Безопасная гавань... вот о чем я теперь мечтаю! Зачем я поторопился? Почему не позволил себе расслабиться?

Почему-то я уверен, что мне предопределено еще раз почувствовать вкус поджаренных на костре сухариков и ощутить прохладу лесного ручья. А потом я еще раз построю себе новый корабль и еще раз рискну испытать жар человеческой страсти. Я даже в мыслях не допускаю сказать: «Если я вернусь домой...», я думаю только: «Когда я вернусь домой...»

Я сделал глупость, отпустив пойманных дорад. Мясная лавка опустела окончательно. У меня живот подвело от голода, пустой желудок ворчит. Целые дни напролет я подстерегаю моих неизменных спутников. Многих я уже знаю «в лицо». У одной рыбины с губы все ещё свисает обрывок рыболовной лесы, у другой—рванный плавник, у третьей — на спине незажившая рана. Они немного разнятся по размерам, есть небольшие отличия и в расцветке. Самки весьма заметно отличаются от самцов. Они меньше и стройнее, у них маленькие округлые головки. Я часто вижу двух очень приметных ярко-зеленых рыб, которые никогда не приближаются к моему плоту. Самка имеет в длину свыше четырех футов, а самец и того больше. Известно, что встречались дорады до шести футов длиной, весящие фунтов шестьдесят. Матерые изумрудные рыбины, как и я, все время настороже. Молодняк игнорирует их предостережения и подплывает довольно близко, однако и он ведет себя все же осторожно. Эти рыбы знают, где их может настичь моя стрела, и избегают этих участков или проплывают их, когда я смотрю в другую сторону. Они медленно подплывают к границам опасной зоны, а затем резко бросаются в сторону.

Дорады совсем не глупы и могут развивать скорость до 50 узлов, то есть этот вид самый быстрый из всех ныне живущих на планете. В прыжке мои изумрудные великаны пролетают по нескольку ярдов и падают в воду с оглушительным шлепком. Я бы нисколько не удивился, если бы они вдруг полетели по воздуху. Своей игрой они будто призывают меня: «Узри, человече, великолепие, которого может достичь наше племя!» Но эта парочка — скромные созданыя. Они ничего не говорят и все так же молча уплывают прочь.

Наконец мне удастся загарпунить спинорога. Крошечная порция дает мне слабое подкрепление, но рыба оказывается полна превкусной икры. После еды мое тело, кажется, тотчас же оживает. Далеко на горизонте появляется третье судно. Пускаю ракету. Судно проходит мимо. У меня осталось теперь всего четыре ракеты, из них две парашютные, и две дымовушки. Все виденные мною суда направлялись на восток и появились с интервалом в три-четыре дня. По-видимому, я уже где-то рядом с трассой. Может быть, на четвертый раз мне повезет.

26 февраля,
день двадцать второй

26 ФЕВРАЛЯ, ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ДЕНЬ ДРЕЙФА. Особенно жаловаться мне сегодня пока не на что, так как утро выдалось сравнительно неплохое. Плот идет ходко, солнца не видно. Передо мною лежит сраженная моей рукой вторая дорада. Я разделяваю рыбу гораздо тщательнее, стараясь, чтобы ничего не пропало. Я съедаю сердце и печень, высасываю жидкое содержимое глазных яблок, разламываю позвоночник и извлекаю студенистые комочки, расположенные между позвонками. Норму потребления питьевой воды я установил себе в полпинты на день, так что про запас у меня теперь накоплено уже шесть с половиной пинт. Голова у меня ясная, плот не разваливается. Чувствую я себя прекрасно, хотя столь же прекрасно сознаю, что подъемы и спады настроения чередуются, сменяя друг друга, как зыбкие волны.

А через несколько часов послеполуденное солнце фокусирует на мне свои лучи, словно сквозь увеличительное стекло. Кажется, что они прожгут дырку в моей груди. Превозмогая себя, поднимаюсь на колени, чтобы проверить опреснитель и оглядеть горизонт. Внезапный приступ головокружения едва не валит меня с ног, поле зрения по краям темнеет и суживается. Все подергивается голубоватой туманной дымкой. Нахожу на ощупь кофейную банку, лью воду себе на макушку и в изнеможении падаю. Мутным взглядом я еле различаю бегущие по океану волны, чей напор подталкивает нас вперед, к месту назначения.

Вдруг стенка наветренного борта, оглушительно хлопнув, прыгает на меня, наполовину прогибается внутрь и плот зарывается носом в воду. Лавина воды вторгается под навес. «Вот и перевернулся», — бесстрастно думаю я, но тут корма выгибается обратно и принимает прежнюю форму. Вокруг меня хлопает галлонов двадцать соленой воды, и в ней плавают мой спальник, мешок, кое-что из записей, диванный матрас и прочее имущество. Впереди в отдалении тает тень бродячей волны, этого вестника грядущих испытаний — еще более тяжелых.

Этот потоп вывел меня из оцепенения. Я принимаюсь за изнурительный труд и как заведенный вычерпываю и отжимаю воду. По крайней мере три дня вся моя экипировка будет холодной и мокрой. Спальник давно уже превратился в какой-то узловатый комок; просыхая, он покрывается коркой соли. Приходится изрядно потрудиться, чтобы отжать из него лишнюю воду и довести его хотя бы просто до стадии сырости. В предстоящие вечера моей единственной защитой от холода будет только мягкое, точно пожеванное, липкое космическое одеяло. Недавно затянувшиеся корочкой раны на моем теле снова открылись. Внезапные атаки моря и его обитателей не знают пощады.

Встаю и поворачиваюсь лицом к усиливающемуся ветру и разгулявшимся волнам, а чтобы внезапно не подкопсился мой ватные ноги, руками опираюсь на тент. Волны подбрасывают мою шаткую платформу и с журчанием перекачиваются под босыми ступнями. Небо заволакивают перистые облака, будто устилая его сыплющейся откуда-то с горных высей спутанной белой собачьей шерстью. Хмуро и неприятно становится все вокруг.

Стараюсь найти положительные моменты в своем существовании. Самое насущное — пища, вода, убежище — осталось в целостности и сохранности. Порою разум отказывается мне служить и мысли блуждают. Тогда в мою жизнь вторгаются прошлое и будущее. Я — былое. Я воплощаю в себе былые чувства и мысли других людей обо мне. Я воплощаю в себе свои былые дела. Все это — моя посмертная жизнь. Этого не отнимешь, не уничтожишь. И пусть все эти мысли служат мне лишь очень слабой поддержкой, но они дают мне достаточный стимул для того, чтобы регулярно вскакивать с матраса и, подставляя тело холодному ветру, обозревать горизонт. Я не могу позволить себе упустить проходящее неподалеку судно.

Во втором опреснителе отыскивается маленькая дырочка. Залепляю ее клейкой лентой и временно запускаю его тоже в работу, чтобы побыстрее увеличить запас пресной воды. Как бы я ни старался сохранять позитивный взгляд, близящийся шквал нагоняет на меня страх. Я боюсь, что разразится новый затяжной шторм.

27 февраля,
день двадцать третий

К УТРУ ВЕТЕР УЖЕ СВИЩЕТ ВОВСЮ. В ДЫБЯщемся море вспухают десятифутовые волны, которые закручиваются пенистыми гребнями, опрокидываются и с грохотом разбиваются. Упакованный в просоленный спальный мешок, я опять сижу, уцепившись за леер наветренного борта. Во время быстрых вылазок на подветренную сторону проверяю солнечный опреснитель и бросаю взгляд наружу. Только в насмешку можно сказать, что я наблюдаю за горизонтом. До видимого горизонта сейчас буквально рукой подать. Стараясь удерживать равновесие, я стоя балансирую на резиновом полу, взлетающем и опадающем вместе с волнами. Когда плот поднимается на гребень, я приседаю, чтобы скомпенсировать инерцию, вышвыривающую меня вверх. На мгновение мы замираем на вершине, и в течение этой короткой паузы я пробегаю глазами небольшую часть гори-

зонта. Из-за непрерывной скачки мне требуется несколько минут для того, чтобы оглядеть горизонт. Несколько раз мне кажется, будто в северном секторе что-то мелькает. Но массивные громады перекатывающихся рядом со мной водяных гор и их белопенные шапки ничего не дают мне разглядеть. И вот, наконец, мы возносимся на вершину огромного морского вала. Есть! Вот оно! Судно держит курс на север. К несчастью, нет никакой надежды на то, что оно меня подберет. Слишком уж далеко оно находится, чтобы заметить мою ракету, и вдобавок уже удаляется от меня. Воодушевляет меня только направление его движения — из Южной Африки в Нью-Йорк. То, что представлялось несбыточной мечтой двадцать четыре отчаянных дня тому назад, я претворил в реальность. Я достиг трассы активного судоходства и все еще жив.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

*ЧЕРЕЗ ДВА ЧАСА
«УТОЧКУ» СНОВА ОПРОКИДЫВАЕТ.*

НА ОЩУПЬ МЕТАЛЛ ХОЛОДЕН И ТВЕРД. Я СТОЮ уже целый час, облокотившись на фальшборт, и локти ноют от холода. Выпрямляюсь и засовываю руки поглубже в рукава шерстяного пальто, которое мне дал капитан. Лукаво улыбаясь, он говорит: *«Держу пари, что вы уже не надеялись когда-нибудь снова увидеть этот город»*. Я оглядываю горизонт. Его обычно пустынная прямизна сломлена громадами небоскребов, размыта серыми клубами смога. Городской шум не заглушается даже ревом отработывающих на реверс судовых машин. Сильные матросские руки, покрытые татуировкой, выметывают за борт канаты толщиной в человеческую ногу и кольцами закладывают их на шпилях. Судно медленно втягивается в док. Все новые и новые концы протягиваются от него к берегу. Вокруг бурлит вода. Но вот выбранные втугую канаты превращаются в струны, и громада океанского корабля замирает недвижимо. Да, я действительно не думал, что когда-нибудь еще увижу Нью-Йорк.

И вдруг — крошечная тьма и хаос. Кто-то бьет меня по голове дубиной, холодной, мокрой и тяжелой, а затем с воем и ревом уносится в глубину ночи. Я нахожусь на ночной половине земного шара, и одна четверть его поверхности пролегла между мной и Нью-Йорком. Ветер разгулялся, разгулялись и волны. Моя «Резиновая утка», кренясь и сгибаясь, мчитя, как обезумевший скакун. Из моей груди вырывается стон: «Я все еще здесь».

Каждую ночь кожу мне ласкают мягкие ткани, я впииваю ароматы различной снеди, меня окружает тепло человеческого общества. Порою, находясь во власти сна, я слышу предостерегающий голос своего сознания: «Спеши насладиться этими благами, покуда они доступны тебе, ведь скоро ты проснешься!» Я давно привык к этой двойной жизни. В дни моих одиноких морских скитаний, даже когда я сонный раскачивался в койке, а в мозгу проплывали грезы о далеких странах, я ни на миг не переставал слышать трепетание парусов и шум волн, чувствовать размеренные колебания яхты. И стоило ритму движений хоть чуть-чуть измениться или какому-то незнакомому звуку долететь до моего уха, я тут же просыпался. Но сновидения прошлой ночи были слишком похожи на явь. Моя жизнь превратилась в смешение

различных реальностей — ночных снов, дневных грез и суровой борьбы за существование, которой не видно конца.

Я по-прежнему стараюсь верить в равноценность всех этих реальностей. Возможно, в каком-то высшем смысле так оно и есть; тем не менее я все яснее вижу, что в суровой действительности, в которой я веду борьбу за выживание, главенствуют мое физическое «я» и инстинкты, подчиняя все остальное. Мои сновидения и мечты наполнены вожделенными для тела образами, и мне неизменно снится спасение из этого ада. С тех пор как я наладил работу опреснителя и научился более или менее успешно рыбачить, мне остается только беречь силы, мечтать и ждать. Однако я все больше ощущаю на себе изнурительное действие голода и отчаяния, а мое снаряжение постепенно приходит в негодность.

С каждым днем мне стоит все большего труда создавать себе мир, пригодный для обитания, все трещит по швам и расползается, как ветхая ткань. В этой пьесе речь идет о выживании, и я стараюсь сохранить за собой главную роль. Предусмотренные сценарием действия внешне очень просты: ждать, экономно расходовать пищу и воду, ловить рыбу, заботиться об исправности опреснителя. Эта роль требует от исполнителя величайшей осмотрительности. Если я слишком увлекусь наблюдением за горизонтом, то быстро устану и не смогу как следует охотиться, следить за работой опреснителя и выполнять другие не менее важные для спасения жизни дела. Но в любой момент, когда я не веду наблюдения, в море может показаться судно, которое пройдет мимо, не заметив среди волн крошечную «Уточку». Если сейчас использовать одновременно оба опреснителя, то можно будет утолить жажду и улучшить самочувствие, что позволит мне успешнее справляться с работой и наблюдать за морем, но если оба опреснителя выйдут из строя, то это уже будет означать верную смерть. Мои действия на сцене вызывают противоречивую реакцию публики: когда сознание награждает меня аплодисментами, тело возмущается и наоборот. Лишь ценой постоянной внутренней борьбы удается мне сохранять самодисциплину и придерживаться выбранной стратегии поведения, потому что меня непрерывно одолевают сомнения в правильности этой стратегии. Оптимален ли мой выбор? Всегда ли идут

на пользу конечной цели — выживанию — действия, дающие на первый взгляд положительные результаты? На эти вопросы я чаще всего могу ответить только одно: я делаю все, что в моих силах.

Мне нужно больше рыбы, а постоянные толчки снизу в днище плота свидетельствуют о том, что вокруг меня резвится достаточно дорад, чтобы признать охоту на них разумной тратой энергии. После нескольких промахов мне удастся наконец загарпунить одну из этих рыбин вблизи хвоста, но это не очень-то умеряет ее резвость. Дорада отчаянно дергает плот, пока я, упираясь изо всех сил, пытаюсь ее удержать. Как жаль, что нельзя использовать эту мощную тягу для буксировки «Резиновой уточки» в нужном направлении! Дорада срывается с гарпуна, мне так и не удалось вытащить ее из воды. Что ж, попробую еще раз. Начинаю перезаряжать ружье и вдруг обнаруживаю, что на нем больше нет упругой тетивы, с помощью которой выбрасывается гарпун — она сейчас медленно опускается сквозь трехмиллиметровую толщу вод Атлантики! Да, это, пожалуй, настоящая беда...

Таких серьезных неприятностей с моим снаряжением пока еще не случилось. Тем не менее я в своей практике не раз сталкивался с различными поломками снаряжения, так что наверняка и теперь смогу найти какой-нибудь выход. Отремонтировать в море вышедшую из строя жизненно важную систему и наладить ее работу с помощью подручных средств — задача, всегда волнующая и увлекательная. Иногда я спрашиваю себя: а не является ли одним из мотивов, побуждающих человека принимать участие в океанских гонках и плаваниях, желание оказаться за предельной чертой, где все против тебя, а ты все равно находишь выход из положения? Очень часто успешное преодоление этих неожиданных трудностей доставляет больше морального удовлетворения, чем удачное плавание в благоприятных условиях и даже чем победа в гонке. Недаром ведь в бесчисленных книгах о морских приключениях красной нитью проходит рассказ о преодолении различных трудностей. Мне доводилось чинить сломанные мачты и рули, заделывать пробоины в корпусе и справляться со множеством более мелких неполадок. Вот и сейчас я думаю, что, несмотря на скудный запас подручных

средств, починить ружье — не такая уж сложная задача.

Сейчас очень важно сохранять спокойствие. Успех или неудача ремонтной операции будет зависеть от всяких мелочей. Как и во всем остальном, здесь меня устраивает только успешное решение. Поэтому никакой спешки, все нужно делать правильно и надежно. А порыбачить можно и завтра. Стрела и ружье никаких повреждений не имеют. Не хватает только источника метательной энергии. Устанавливаю стрелу на цевье ружья обычным образом, но при этом выдвигаю ее из пластмассовой обоймы на конце ружья вперед насколько возможно, чтобы увеличить длину своего оружия. Потом приматываю стрелу к цевью двумя длинными бензелями, причем использую для этой цели толстую льняную бечевку, потому что она обладает важным преимуществом по сравнению с синтетической — при намокании и высыхании она дает усадку, вследствие чего обтягивается и вся обвязка. Но гладкая стрела все еще вращается вокруг своей оси, и поэтому я добавляю к ней третий бензель. Каждый из них обтянут несколькими поперечными шлагами бечевки. Это не даст бензелю случайно ослабнуть и распутаться. На хвосте стрелы есть специальные выемки, предназначенные для сцепления ее со спусковым механизмом в корпусе ружья. С помощью нескольких петель бечевы, закрепленных на этих выемках, соединяю стрелу с рукояткой ружья, чтобы пойманная рыба не могла ее выдернуть.

Я сознаю, конечно, что эта хлипкая острога едва ли годится для охоты на такую крупную рыбу, как дорада. Обычно при подтягивании загарпуненной рыбы на стрелу действует только растягивающая сила. А мне придется поражать добычу ударом собственной руки, причем ружье в основном будет испытывать нагрузку не на растяжение, а на сжатие. При подъеме тяжелой рыбы на борт на конец этого импровизированного копья будет действовать также значительная изгибающая сила. Тем не менее мой новый гарпун выглядит достаточно крепким, и я готов немедленно приступить к его испытанию. Секрет успеха теперь заключается для меня в терпении. Если раньше стрела из ружья выбрасывалась упругой тетивой, то сейчас я должен буду пронзить толстенную дораду копьем, полагаясь на свое проворство и действуя только за счет мускульной силы.

Левым локтем я опираюсь на верхнюю бортовую камеру моего надувного плота и слегка придерживаю пальцами стрелу. Правой рукой я держу рукоятку нового оружия на уровне щеки и, весь напрягшись, замираю в ожидании. Линией прицела мне служит цевье, а небольшое покачивание взад-вперед обеспечивает определенный сектор ведения огня. На поверхности воды я провожу воображаемый круг диаметром около фута, в пределах которого я могу нанести удар, не отрывая опорного левого локтя. Без опоры я вряд ли попаду в цель. Радиус поражающего действия такого копья составляет три-четыре фута вместо прежних шести. Мне необходимо дожидаться, пока какая-нибудь рыба не окажется прямо под нацеленным копьём. Тогда поверхностное преломление, из-за которого ты видишь рыбу там, где ее на самом деле нет, окажется минимальным. В удар надо вложить одновременно как можно больше силы и ловкости: резкий выброс руки, выпад всем телом, точное попадание в цель. Удар надо наносить мгновенно, потому что дорада — очень проворная рыба; но этому тоже можно научиться. Хотя стоит оторвать левую руку от опоры, и никакой надежды на успех практически не останется. Я вижу, как повсюду вокруг шныряют дорады, но жду, когда одна из них войдет в мой сектор «обстрела». Когда стоишь неподвижно, минуты кажутся часами. Чувствую, как постепенно превращаюсь в античную бронзовую статую лучника с утраченным луком.

Тычки снизу теперь служат мне предупреждающим сигналом. Я поглубже вдавливаю колени в мягкое дно, подманивая любопытных дорад поближе. Толчок — бум! — и из-под плота выскальзывает большая рыба: слишком далеко вправо. Бум! — на этот раз слишком уж слева. Бум! — и прямо по центру показывается рыба голова. Давай! Всплеск, удар! Копье рвется из рук, вспененная вода, расплывающееся облако крови. И вот дорада уже в воздухе. Какая громадина! Кровь брызжет фонтаном. Ох! Меня словно веслом огрели, когда рыба соскальзывает ко мне по копыю. Не дай ей уйти, затаскивай на плот, да живее! Она яростно бьется, во все стороны брызжет кровь. Осторожно с наконечником, последи за острием, дурак! А теперь бросай ее на пол, навались сверху! Огромное тело с квадратной головой на мгновение замирает под моим коленом, когда я придавливаю его всей

Чувствую, как постепенно превращаюсь в античную бронзовую статую лучника с утраченным луком.

своей массой. Рыбьи жабры вздымаются в такт моему тяжелому дыханию, я ухитряюсь ухватиться за копьё по обе стороны ее тела и получаю секундную передышку. Рыбина лежит, распластавшись поперек всего плота, и в

боку у нее зияет дыра размером с мой кулак. В углублении, образовавшемся в днище под вторым коленом, плавают сгустки крови.

Хлоп, хлоп, хлоп! Лечу навзничь, сбитый с ног оглушительными шлепками вырвавшегося на свободу хвоста. Рыбина начинает судорожно метаться, пытаюсь выскочить. Острие! Прежде всего — где острие? Вдруг резкая боль вспыхивает в кисти, потом — в лице. Сейчас она вырвется! На ощупь нахожу наконечник пляшущего вокруг меня копыя. Наконец мне удастся опять совладать с рыбой, бросив ее на подстилку из спальника и экипировочного мешка, и зарыть опасное острие в глубину толстой ткани. Мы оба задыхаемся. Мне никак не дотянуться до ножа. Взгляд рыбы беспокойно перебегает с одного предмета на другой — ей осталось мало времени, и она это знает. Хлоп, хлоп, хлоп! Она опять вырывается. Не зевай! Левую руку ожгло словно огнем. Дави ее, дави! Хвост сокрушительно хлещет по чему попало, будто пастушеский бич. Мы опять сплетаемся в объятии на мешке. Навалившись сверху, что есть мочи прижимаю ее ногами. Жабры тяжело ходят вверх-вниз. И вот в моей руке нож. Вонзаю его в рыбу, он натывается на что-то твердое. Это позвоночник. Нажимаю сильнее, и позвоночник переламывается. Жду. Рыба все еще дышит. Потом дыхание замедляется, исчезает... Все... В другой раз мне этого уже не сделать.

Не верится, что во время схватки плот не был продырявлен. Тщательно осматриваю копые, стрела лишь чуть-чуть погнулась, а бензели держатся. Напряженно прислушиваюсь, но шипения выходящего воздуха не слышно нигде. Надувные камеры по-прежнему тверды. Повсюду валяются развороченные внутренности, все залито кровью и наверняка не только рыбой. Впредь постараюсь выбирать самок, они помельче. А еще перед началом охоты буду соответствующим образом подготавливать свое снаряжение. Сначала накрою как можно большую площадь днища парусиной, потом положу на нее разделочную доску, у правого борта помещу экипировочный мешок, поверх него положу спальник, чтобы прикрыть надувные камеры. С тех пор как я наладил солнечный опреснитель, это первая серьезная авария снаряжения, которую я с успехом ликвидировал.

Несколько часов уходит на разделку рыбы. Сначала я разрезаю ее на четыре больших куска, плюс хвост и голова. Потом режу кусок на четыре продолговатых ломтя, по два с каждого бока, которые нарезаю, наконец, тонкими ломтиками, и нанизываю все это богатство на веревку. Записываю в своем бортжурнале, что в тюрьме, где я сейчас томлюсь, странные порядки: меня здесь морят голодом, но порой подбрасывают фунтов двадцать изысканного филе.

Первые недели моего незапланированного вояжа на плоту минули благополучно, настолько благополучно, насколько можно было ожидать. Я благополучно покинул борт тонущего «Соло», адаптировался к новой жизни, и к тому же у меня сейчас большой запас пищи и воды, чем имелось сначала.

Так что положительные моменты налицо. Все отрицательные еще более очевидны. Нехватка углеводов, Сахаров и витаминов иссушила мое тело. Я сильно потерял в весе. Вместо упитанного зада теперь торчат одни кости. Я стараюсь проводить как можно больше времени стоя, но ослабевшие ноги мои исхудали и болтаются, точно веревки с двумя узлами вместо коленей. Раньше я не мог обхватить свое бедро обеими ладонями, а сейчас делаю это запросто. Руки и грудь тоже похудели, но благодаря постоянному физическому труду остались сравнительно сильными. Каким образом в моем организме происходит перераспределение тепла и энергии, почему они в первую очередь поступают в жизненно более важные системы, как вообще тело умудряется сохранять свою активность за счет беспощадного самосожжения плоти — все это выше моего понимания; изобретательность природы изумляет и даже развлекает меня. Записываю в бортжурнале: «На этом гусенке больше нет ни капли жира!»

Порезы на коленях никак не заживают, на месте остаточных образовались толстые рубцы. Похоже, что никогда не затянутся и десятки мелких царапин на руках от ножа и рыбьих костей. Рубцовая ткань нарастает вокруг ран в виде маленьких вулканов, внутри которых зияют несохнувшие кратеры. Я постоянно протираю свою «Уточку» губкой и все равно сижу в сырости. От длительного воздействия соленой воды на теле у меня появляются мелкие нарывы, они постепенно разрастаются, прорыва-

ются и оставляют после себя глубокие язвы. Язвы растут вширь и вглубь, как будто бы в них по капле вводят кислоту. Однако нельзя не признать и определенных успехов в моей неустанной борьбе с сыростью: пока что на мне всего десятка два таких открытых язв диаметром около четверти дюйма, расположенных на бедрах и на лодыжках. Подушка и спальный мешок, просохнув, покрылись коркой соли, которая разъедает мои раны.

*3 марта,
день двадцать седьмой*

СВЕТАЕТ. НАЧИНАЕТСЯ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ день плавания «Резиновой уточки-III». Сворачиваю в трубочку входной полог тента и подвязываю его, чтобы меня не хлестала по спине мокрая тряпка. Высунув голову наружу, оборачиваюсь в сторону кормы и смотрю, как восходит солнце, охваченный благоговением ребенка, который впервые наблюдает это явление. Замечаю положение светила относительно плота.

Складки на обмякших за ночь надувных камерах шевелятся и чавкают, точно беззубые рты, пережевывающие полоски клеевых швов и сделанные мелом отметки инспекторов, осматривавших плот. Порой меня занимает вопрос: кто были эти люди и что они поделывают сейчас? Надеюсь, у них все в порядке. Они хорошо выполнили свою работу, и я им очень признателен. Вставляю шланг воздушной помпы в твердые белые соски и начинаю качать—занятие столь же нескончаемое и неблагоприятное, что и мытье посуды, и изнурительное, как марафонский пробег. На пальцах у меня огромные мозоли, натертые о кольцевые ребра помпы. При каждом сдавливании она издает короткий тонкий звук, похожий на плач говорящей куклы. Уух, уух, уух, уух, раз, два, три, четыре... уух, уух, уух, пятьдесят восемь, пятьдесят девять, шестьдесят. Тяжело пыхтя, на миг прерываю работу и пробую камеру на ощупь—нет, она еще не достигла твердости арбуза, надо продолжать. Потом наступает очередь нижней камеры. Этим упражнением я занимаюсь четыре

раза в сутки: в полдень, на закате, в полночь и на рассвете. В первое время достаточно было шестидесяти качаний ежедневно; теперь же мне приходится сдавливать эту проклятую машинку больше трехсот раз.

Опреснитель обмяк. Каждое утро я надуваю его, выливаю накопившийся дистиллят и заменяю остаток морской воды свежей. Затем встаю на ноги и оглядываюсь вокруг. Это весьма сложное дело. Если на прочной палубе большого судна стоять можно совершенно свободно, то здесь мои ноги взлетают и проваливаются на каждом прокатывающемся подо мной гребне. Крошечные пузырьки воздуха булькают на днище плота и щекочут мне подошвы. За прошедшие недели кожа на них стала мягкой и нежной. Я осторожно опираюсь на тент, опасаясь, что от сильного или резкого движения он, спружинив, выбросит меня за борт. Стояние на моем плоту чем-то напоминает пешую прогулку по воде.

В этот час рядом нет ни одного живого существа, кроме качурки и изящного буревестника. Похоже, что качурка, как и я, чувствует себя здесь явно не в своей тарелке — птица суетливо и неуклюже порхает вокруг с таким видом, словно крылья едва держат ее в воздухе и она вот-вот плюхнет в воду. В действительности же у нее нет причин для беспокойства. Мне приходилось видеть качурок во время такого шторма, который, казалось бы, должен был смести этих почти невесомых пичуг с лица Земли; они же деловито сновали в провалах между водяными горами. В крошечной качурке и даже в гораздо более крупном буревестнике мяса совсем немного, но я все равно стараюсь изловить этих птиц, если только, конечно, они осмелятся приблизиться. Обе птицы относятся ко мне с опаской и не выказывают желания поближе познакомиться. Иногда они пролетают совсем близко и так и зыркают черными бусинками глаз, рассматривая мой плот. А я могу следить за полетом буревестника часами. Эти птицы редко машут крыльями, даже если на море стоит штиль. Скользя по прямой над самой водой, они умело используют эффект экранирующей поверхности. Описывая огромную дугу под самыми облаками, они обрушиваются с высоты и мчатся так низко, что порой почти касаются воды кончиками крыльев. По-моему, буревестники божественны в своем изяществе. Вид этой птицы заставляет меня почувствовать собствен-

ную неуклюжесть и напоминает, сколь слабо приспособлено мое существо к миру океана.

В книге Робертсона есть таблицы солнечного склонения, с помощью которых я определяю свой курс в момент восхода солнца. То же самое можно делать и на закате. Ночью я произвожу определение сразу по двум ориентирам: Полярной звезде и созвездию Южного Креста. Этим непогрешимым, вечным, стопроцентно надежным компасом меня снабдило само провидение. Скорость своего движения я оцениваю, засекая время прохождения клочка водоросли от «Резиновой уточки» до прикрепленного на лине за кормой буйка с вешкой. Раньше я уже вычислил, что это расстояние составляет около 70 футов, или же $\frac{1}{90}$ морской мили. Таким образом, если водоросль или другой какой-либо плавучий предмет достигает буйка за одну минуту, то это значит, что я двигаюсь со скоростью $\frac{2}{3}$ миль в час, или $\frac{2}{3}$ узла, преодолевая за сутки 16 миль океанского пути. Я рассчитал таблицу величины дневного перехода для различных значений времени — от 25 до 100 секунд, что соответствует суточному переходу от 9,6 до 38,4 миль. Но ни разу мне не случилось проплыть за день 38 миль.

У меня с собой только генеральная карта Атлантики, выполненная на одном листе. Вряд ли имеет смысл ежедневно отмечать на ней этапы моего черепашого хода, но зато каждые два дня я добавляю к линии проделанного пути сразу от одной восьмой до четверти дюйма, утешая себя при этом мыслью, что мне всего-то и остаются сушие пустыки — каких-то шесть дюймов по карте!

Я совершенно убежден, что мы, то есть я и «Уточка», добрались уже до трассы активного судоходства и скоро нас здесь кто-нибудь заметит, хотя, конечно, вполне может статься и так, что мы разминемся со всеми судами. Запускать аварийный радиомаяк я считаю бессмысленным, так как его батареи наверняка уже основательно подсели. Лучше дожидаться появления каких-либо признаков суши или самолетной трассы и только тогда предпринимать новую попытку. Но едва мы достигаем предполагаемой границы зоны судоходства, ветер тут же усиливается. Видимо, зефир вознамерился побыстрее проташить через нее мой плот, чтобы нас никто не успел обнаружить. Я не слишком огорчаюсь — напротив, меня скорее даже радует быстрое и целенаправленное движение.

Акулы не появляются. Не очень-то много встречается и судов: за шесть дней я заметил всего только один теплоход, движение на океанской дороге довольно редкое.

Ну что ж, погода стоит для моей посудины благоприятная. Ветер достаточно силен для того, чтобы мы уверенно продвигались к Америке, но не настолько силен, чтобы развести опасную волну. Если только на нас не набежит какой-нибудь шаловливый барашек из морского стада, то «Уточка» не опрокинется. Она резво скатывается с волновых склонов, скользит по ним мягко и умиротворенно. В моем воображении возникает фантастическое видение: чудесный космический корабль, величественно и плавно скользящий сквозь бесконечное пространство... Очарованный этими грезами, рисую в борт-журнале мою «Резиновую уточку» в виде летающей тарелки, по периметру которой проходит широкий пояс, усеянный множеством огоньков. Она летит в космическом пространстве, наполненном звездами, планетами и рыбами.

Подходит время завтрака. Я усаживаюсь на свой матрас и приваливаюсь спиной к экипировочному мешку. В ожидании дневного тепла набрасываю на ноги спальный коврик. Развешенные на шнурах рыбные ломтики за два дня уже наполовину высохли и их можно жевать. Дорады выходят на дневное дежурство в море и на прощание несколько раз пинают «Уточку» снизу.

Восемь добытых нелегкой ценой пинт воды я бережно храню в трех банках, в двух пластиковых мешках и в расходной емкости. Моя мясная лавка доверху набита рыбными палочками. Для переваривания сырого рыбного белка организму требуется меньшее количество воды, чем для усвоения жареного или сушеного, поэтому я стараюсь побыстрее съесть как можно большую часть своего улова. С течением времени рыба все более засыхает, в связи с чем я перехожу на режим строжайшей экономии и затеваю очередную рыбалку.

Определенное беспокойство вызывает у меня состояние кишечника. Дугал Робертсон описывает случай отсутствия всяких проявлений кишечной деятельности у одного пережившего крушение человека в течение тридцати дней. В принципе, это можно объяснить незначительным объемом принимаемой пищи, вследствие чего в кишечник просто очень мало что попадает. Я не чувствую никаких

позывов, но меня беспокоит геморрой. Ведь если кишечник внезапно заработает, то передо мной вплотную встанет угроза серьезного кровотечения, которое очень трудно будет остановить и залечить. Я делаю упражнения, позаимствовав кое-что из гимнастики йогов: наклоны, повороты, изгибы, потягивания, и постепенно учусь согласовывать свои движения с наклонами, изгибами и колебаниями моей подвижной водной опоры. На тридцать первый день геморрой уменьшается, а небольшой понос отменяет мрачные опасения.

Заниматься гимнастикой я могу заставить себя только ранним утром, в сумерках или ночью. Около полудня температура подскакивает выше 30 °С, хотя вполне возможно, что она поднимается и до 300 °С. Я не потею, потому что в моем организме слишком мало влаги. Воздух под тентом плота застаивается и перенасыщается сыростью. В такие часы моя главная задача — поддерживать себя в сознании и присматривать за опреснителем. Голова предательски клонится. Нужно встать, выглянуть наружу. Медленно, потихоньку поднимаюсь на колени, всматриваюсь в играющую бликами голубую воду. Становится лучше, но надо подождать еще несколько минут. Стараюсь сфокусировать взгляд, но глаза не слушаются и то и дело закрываются. Хватаю пустую банку и с всплеском погружаю ее в океан. Лишь бы только не утопить ее, ведь однажды такое уже случилось. Наполнив банку, поднимаю ее над собой и опрокидываю на свои спутанные волосы. Струя прохладной воды массирует шею и приносит облегчение. Еще и еще раз зачерпываю из Атлантического океана, воображая себе, что я зарываюсь в высокую влажную траву где-нибудь в тени развесистой ивы.

Теперь можно потихонечку поднять голову. Поглядеть вправо. Поглядеть влево. Так, хорошо. Приподняться на одной ноге, разогнуть другую. Встать. «Ты отличный парень!» — громко хвалю сам себя, раскачиваясь в полубессознательном состоянии из стороны в сторону. Надеюсь, что таким способом я смогу немного охладиться и проветрить голову. Ветер мгновенно высушивает капли воды, сбегаящие по телу и отбирающие лишнее тепло. Иногда этот ритуал помогает. Тогда я выпрямляюсь и в течение нескольких минут сохраняю вертикальное положение. Но бывает и так, что невыносимая тяжесть наваливается на голову, перед глазами мелькают голубые

туманные вспышки, и я валюсь с ног, сосредоточив весь остаток сил только на том, чтобы не выпасть при этом из плота. И все же я сейчас нахожусь в лучшей форме, чем предполагал раньше, размышляя о будущем, которое теперь уже настало, хотя в полуденное время я действительно «не способен к координированным действиям», как сухо квалифицирует это состояние Робертсон. Если только мне удастся не потерять контроль над собой, то я непременно доберусь до Антильских островов. Но как долго я смогу еще продержаться в этом аду?

Прикидываю свое местоположение. По моим оценкам выходит, что я нахожусь в 1000 милях к востоку от Гваделупы. В среднем за сутки я покрываю 25 миль. Значит, общая продолжительность моего плавания составит семьдесят дней. Если, конечно, мне посчастливится не проскочить мимо этого острова. Я могу немного регулировать направление дрейфа по ветру с помощью тента, а натянутый за кормой линь расположен под небольшим углом, значит «Уточка» направляет свой неспешный бег на запад с небольшим отклонением к югу.

В письмах, отправленных родителям и друзьям с Канарских островов, я писал: «Ждите меня на Антигуа около 24 февраля». Назначенный срок миновал неделю назад. Правда, в тех же письмах я предупреждал, что пассат в это время года дует еще не в полную силу и я могу задержаться с прибытием до 10 марта. Эта дата наступит еще через неделю, и если тогда начнутся поиски, то вряд ли они увенчаются успехом: ведь я буду все еще слишком далеко в открытом море. По-прежнему вся надежда на то, что меня подберет встречное судно; дома еще не скоро начнут обо мне беспокоиться.

В сотне футов перед «Резиновой уточкой» быстрыми рывками чертит зигзаги акулий плавник. Он невелик, но я все-таки рад, что его обладательница не выказывает к нам интереса. Акула огибает плот и держит путь против ветра на восток в поисках пищи, которую несет Северное Экваториальное течение.

Как и большинство хищников, акулы остерегаются серьезных схваток; покалеченная и ослабевшая акула не может охотиться и рискует вдобавок стать жертвой своих же сородичей. По этой причине акулы начинают нападение с пробного толчка. Если жертва не защищается, акула ее хватает. Они глотают все без разбору.

В акульих желудках можно найти все что угодно, даже лицензионные пластинки и якоря. Узнать бы, как они относятся к резиновым плотам! Я очень рассчитываю, что проверочные толчки позволят мне отвадить от себя непрошенных визитеров. Но с другой стороны, мне вспоминается фильм «Челюсти». Я слышал, что после его выхода на экран были выловлены по крайней мере две большие белые акулы, не уступающие по размерам механическому чудовищу, сыгравшему главную роль в этом фильме: длины оно было футов двадцать пять, а весило около четырех тонн. Поведение большой белой непредсказуемо. Это настолько огромные, свирепые и сильные хищники, что у них нет естественных врагов, и поэтому они никогда не утруждают себя предварительной проверкой. Их атака внезапна, а мощь такова, что они вдребезги разносят небольшие суда и нападают даже на китов.

Кроме того, существуют еще и косатки, или киты-убийцы. Известны случаи, когда под их ударами гибли сравнительно крупные яхты. Я смотрю на свое копьё из алюминия и пластика, которое весит не больше двух фунтов. Укол таким оружием для небольшой акулы будет, наверное, точно укус москита. А в полуденные часы я вообще вряд ли сумею оказать ей хоть сколько-нибудь заметное сопротивление. Хорошо бы поскорее выбраться из этих мест.

Ночами я дрожу от холода, днем изнываю от жары, и только рассветы и сумерки дарят мне непродолжительный отдых. Едва солнце скрывается за горизонтом, как все вокруг тут же начинает охлаждаться. Я устраиваюсь в той же позе, что и по утрам, накрываю ноги спальным мешком, подкачиваю обмякшее тело моей «Уточкой» и люблюсь небесной феерией. Ослепительно белый диск времени от времени пронзает своим лучом громоздящиеся у горизонта кучевые облака. На Антигуа время только перевалило за полдень. Если бы мой плот шел хотя бы со средней скоростью три узла, я бы давно уже был бы в тихой гавани. Ничего, как-нибудь доберусь, если только найду в себе такие силы, о которых даже и не подозревал в прежней жизни.

Клубящиеся облака уплывают за горизонт, и я принимаюсь за обед. Следя за тем, чтобы разнообразить свой стол, я выбираю различные куски: длинные мясистые кусочки заменяют мне сосиски, к ним я добавляю немного

жирной тешки, да еще коричневого хрустящего балыка. Разломав хребтину, выжимаю на доску желеобразную жидкость из позвонков. Из хребта я вытягиваю длинную макаронину и кидаю ее в собранную жидкость—и у меня готов бульон с лапшой. Невидимая нянюшка приговаривает надо мной: «Кушай, голубчик, кушай, бедненький! Вот поешь бульончику и поправишься». После бульона на столе появляется роскошная вырезка из мясистых спинных ломтиков. Самые сухенькие я отбираю отдельно. Это сухарики. Самое вкусное — внутренности. Правда, жевать рыбы потроха — все равно что грызть автопокрышку фирмы «Унирояль», поэтому я и не пытаюсь этого сделать, но все остальное поглощаю с наслаждением, особенно печенку, икру, молоку, сердце и глаза. Глазные яблоки с жидким содержимым имеют около дюйма в диаметре и на вкус просто восхитительны. Их тонкая жесткая оболочка напоминает целлулоидные шарики для пинг-понга. Я прокусываю ее, и в рот мне брызжет сильная струя жидкости, которую я закусываю вязкими росинками хрусталиков и тонкими листиками зеленой роговицы.

Все больше времени я провожу в мечтах о пище. Перед моим мысленным взором во всех подробностях предстает тот самый ресторанный зал в моей гостинице. Вокруг стола гостеприимно расставлены стулья, я сажусь и просматриваю меню. Маленькие слоеные валанчики, начиненные крабами под хересом уложены поверх рисового плова с жареным миндалем. На круглом подносе лежат сдобные булочки, только что вынутые из печки. Масло так и тает на кусочке теплого хлеба. Воздух напоен ароматами пекущихся пирогов и шоколадной глазури. Соблазнительные горки прохладного мороженого упорно повторяются в моих видениях. Я стараюсь их отогнать, но они назойливо преследуют меня в бессонные ночные часы. Муки голода донимают меня даже во время еды.

Большую часть воды из своего суточного рациона я приберегаю на десерт. С тех пор как я восстановил свой водный запас, я могу позволить себе выпивать полпинты воды днем, три четверти пинты за обедом, и еще несколько унций у меня остается на ночь. Я не тороплюсь проглатывать воду и держу ее во рту, пока она не всосется. Когда я вернусь в цивилизованный мир, вряд ли даже

мороженое в разгар знойного дня сможет доставить мне такое же удовольствие.

В эти мирные мгновения я, как ни странно, воспринимаю выпавшие мне лишения как некий особый дар. За два часа ежедневной рыбалки я обеспечиваю себя пищей, под прорезиненным тентом нахожу кров. Прежняя жизнь кажется мне сейчас полной ненужных сложностей. Впервые я отчетливо осознал громадную разницу между человеческими потребностями и человеческими желаниями. Дома у меня всегда было все необходимое — пища, кров, одежда, общение, — однако я частенько бывал недоволен, когда не получал всего, чего мне хотелось, когда люди не оправдывали моих ожиданий, когда мне не удавалось добиться поставленной цели или когда мне не хватало каких-нибудь материальных благ. Выпавшие на мою долю испытания одарили меня таким богатством, которое в жизни важнее всего. Я стал ценить каждое мгновение, когда меня не донимают ни боль, ни отчаяние, ни голод, ни жажда, ни одиночество. Ведь даже здесь передо мной открыты бесценные сокровища. Выглядывая наружу, я вижу лик Господен в ровно идущих волнах. Божественная благодать разлита в скользящем движении дорады. Живое дыхание Бога изливается с небес, и я чувствую его на своей щеке. Я вижу, что весь мир сотворен по образу Его и подобию. Но тем не менее, несмотря на постоянное присутствие Бога, мне чего-то не хватает. Это не еда и питье. Мне нужно духовное общение с людьми. Мне мало мгновений покоя, веры и любви. Мне нужен корабль. Да, мне по-прежнему нужен корабль.

Море разгладилось. Полный штиль. В душе моей нарастает восторг: это как симфоническая музыка, что начинается очень тихо, а потом все крепнет и крепнет, пока не захватывает каждого слушателя целиком, заставляя его сердце биться в унисон со всеми. Я поднимаюсь, чтобы обозреть горизонт. За кормой на глазах вырастают могучие кряжи кучево-дождевых облаков. С их темных плоских подошв срывается дождь, а белоснежные пышные вершины высоко вздымаются вверх, рассыпаясь там на мириады легчайших водяных кристаллов. Перед стеной облаков и серой сеткой дождя движется голубая полоска неба. Внезапно под кистью невидимого живописца от края до края горизонта перекинулась разноцветная радуга. Вершина гигантской дуги, скрытая клубящимися об-

лаками, стоит в самом зените, в десятке тысяч футов над моей головой. Прохладный бриз ласково овеивает мое лицо, шуршит потревоженное полотнище тента. По тускло-серой морской глади побежали белоснежные трещины. Вдруг далеко на западе между причудливыми громадами небесных гор вспыхивает солнце и замирает на линии горизонта. Струящееся от него тепло согревает мне спину, а тент загорается оранжевым огнем. От второго мазка незримой кисти под первой радугой загорается вторая. Меж двух разноцветных арок натянут серый шатер облаков, позади них простирается ослепительно яркая синева. Я проплываю, словно под сводами небесной аркады, сияющей невиданными красками и поражающей нечеловеческим величием. Вокруг высоко взлетают над водой доряды, точно стараясь допрыгнуть до самых облаков, и заходящее солнце сверкает на их блестящих спинах. Я удобно стою на своем плоту, спиной к солнцу, и на лицо мне падают первые прохладные струи дождя. Дождь наполняет мою чашу и омывает мое тело. Далеко на юге и на севере концы радуг тонут в море. Я увидел концы двух радуг и, хотя нет под ними золотого клада, знаю, что обрел сокровище, пусть и не того чекана, о котором когда-то мечтал.

Феерический спектакль продолжается. Разливаю по емкостям скопившуюся дождевую воду, натягиваю на себя спальный мешок и закрываю глаза. Все тело мое измучено, но я чувствую удивительное умиротворение — как будто мне удалось ненадолго ускользнуть из адского плена. Это благодатное состояние продолжается три дня. Все переменчиво — иногда жизнь меняется в лучшую, иногда в худшую сторону, и ничто не бывает вечным.

*6 марта,
день тридцатый*

К ВЕЧЕРУ 6 МАРТА ОПЯТЬ РАЗГУЛИВАЕТСЯ ВЕТЕР. Заснуть совершенно не удастся, потому что меня всю ночь швыряет, как в вибробарабане. Огромные волны обрушиваются на «Резиновую уточку», Наутро скорость ветра доходит до 40 узлов. Интересно, а не способен ли

этого ураган поднять нас в воздух и доставить прямехонько на Антигуа? О наблюдении за обстановкой не может быть и речи. Вход туго зашнурован. Невозможно даже проверить опреснитель. Если бы только у меня были окошки, я увидел бы, что творится снаружи, прежде чем почувствовать это на собственной шкуре, и, возможно, высмотрел бы какое-нибудь судно, которое вызволило бы меня из этого бурлящего ада.

Терпеливо дожидаясь, когда уляжется шторм, жую сушеную рыбу. Кожа дорады так груба, что не укусишь, и я обдираю мясо с нее зубами. Вдруг я обнаруживаю у себя во рту какой-то острый твердый предмет, похожий на осколок кости. Выудив его наружу, я вижу, что это обломок пластмассовой коронки, установленной на одном из моих передних зубов. В дни моей молодости эта коронка несколько раз спадала с зуба, и у меня сохранились чрезвычайно живые воспоминания о том, как жуткая боль от обнаженного нерва отдавалась в голове. Сейчас, правда, часть коронки уцелела и еще прикрывает нерв, но она расшаталась и вряд ли долго продержится.

Сквозь тент непрерывно сочится вода. Восьмого марта «Резиновую уточку» с головой накрывает большая волна. Вычерпав из кубрика несколько ведер воды, я приступаю к процедуре выкручивания груды размокших тряпок, в которую превратился мой спальный мешок. Коронка уже окончательно отвалилась, но зуб, как ни странно, не болит. Благодарение небесам за это маленькое чудо! Нерв, должно быть, погиб. Я не спал уже двое суток. Кожа моя побелела и совершенно сморщилась. Со всклоченных волос стекает вода. Я весь облеплен рыбьей чешуей, похожей на блестки лака для ногтей. Щербатый рот довершает картину. Наверное, я такое пугало, что страшно смотреть. Ну что ж, мы, плотовики, не можем постоянно сохранять привлекательную наружность.

Двумя часами позже «Уточку» снова захлестывает. Я сижу посреди плавающего барахла, измученный, убитый, и тут выдержка мне изменяет. Размахивая кулаками, брызгая слюной, как припадочный, я ору: «Ах, ты, сукин сын, дрянь поганая — океан!» И в течение следующих пяти минут я занимаюсь тем, что на все лады кляню ветер и волны. А потом раздражаюсь рыданиями: «За что? За что это мне? Я хочу вернуться домой, вернуться домой — и только! За что мне не дают вернуться домой?»

В глубине души я слышу другой голос, который распекает меня за эту ребяческую выходку, но я не могу совладать с собой и с надрывом обрушиваюсь на доводы рассудка: «Плевать я хотел на всякие увещевания! Я болен, голоден, устал, мне страшно, наконец! Мне хочется плакать!» Что я и делаю.

Откуда мне знать, что в этот самый день, а возможно, и в этот самый момент мой отец набирает телефонный номер береговой охраны США, чтобы уведомить их, что яхта «Наполеон Соло» не прибыла в срок в порт назначения. А незадолго до этого моей матери приснился страшный сон: она увидела, что я тону в темной воде и не могу выплыть на поверхность. Она проснулась в холодном поту, дрожа, словно в ознобе, и с тех пор жила в ужасном напряжении, ожидая известий обо мне. Известий не было.

Спустя несколько минут горячка моя прошла. Я вновь взялся за бесконечное, изнурительное вычерпывание воды и выжимание своих вещей. Может быть, вернувшись домой, мы устроим пикник для друзей и соседей. Да, надо вернуться, чтобы устроить пикник. На берегу пруда, под соснами, по свежеподстриженной траве будут бегать дети, и в воздухе будет звенеть смех. Да, все это когда-нибудь еще будет. Целая туша будет жариться на вертеле, а рядом будут разложены горы салата и мороженого. Люди спросят меня, как все это было. И я отвечу, что это было мерзко, все было мерзко — от начала до конца. Все складки моего плота были покрыты противной вонючей слизью. Сплошная гадость и никакого удовольствия. Делаешь то, что следует, по необходимости, и больше ничего. Я расскажу, как мне опротивело море, которое бабахало у меня под ухом, точно там шла пальба из крупнокалиберной винтовки, обрушивало на меня град ударов, растревляло незаживающие раны на моем теле; расскажу, как я изнемогал в неравной борьбе. Неделями длился наш бесконечный поединок без перерывов между раундами. Мне ненавистно даже снаряжение, которое спасло мне жизнь — примитивный плот, эта жалкая свинская карикатура на судно, гнусный резиновый тент, от которого безнадежно портилась драгоценная пресная вода. Мне было ненавистно собирать льющийся с неба дождь в ту же посуду, которая служила мне отхожим местом. Мне было ненавистно втаскивать на борт пре-

красные морские создания и, подобно дикому зверю, рвать на части их грациозные тела. Мне было ненавистно считать каждую минуту в течение тридцати двух дней. Ненавижу!.. Ненавижу!..

Я и не предполагал раньше, что в человеке одновременно может уживаться такая ненависть и такая тоска. Как бы то ни было, но я еще доберусь до своего дома. Я должен сделать это. Неужели ветер немного ослаб, или мне это только кажется?

*10 марта,
день тридцать четвертый*

НЕТ, НЕ ОСЛАБ. ЕЩЕ ДВА ДНЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ буря, и жизнь моя — сущий ад. Но мне все же удалось поймать еще одного спинорога — это уже третий по счету — и одну дораду — это уже четвертая. Дорада снова погнула мою острогу. Впредь надо ограничить себя в охоте и беречь снаряжение. Кто знает, сколько еще дорад способно выдержать это самодельное оружие, прежде чем окончательно выйдет из строя? И кто знает, сколько времени мне еще придется им пользоваться?

Полчаса тому назад водосборный мешочек солнечного опреснителя был почти полон. Сейчас он обмяк и опустел. Повинен в том крошечный прокол в одной из его стенок, сделанный острым шипом спинорога, будь он неладен. Из-за этого я потерял около шести унций пресной воды. А ведь это полдня жизни, дружище! Как тебе улыбается перспектива умереть за полдня до того, как тебя снимут с плота?

К 11 марта погода снова налаживается, и моя жизнь возобновляет привычное уже размеренное течение. Я нахожусь примерно на полпути к Вест-Индии. Еще раз мне предоставляется возможность сосчитать милости, которыми одарила меня судьба. «Соло» оставался на плаву достаточно долго для того, чтобы я успел прихватить необходимые вещи. Все мое снаряжение действует исправно и к тому же вполне меня удовлетворяет. Занятия альпинизмом, туристские походы, выучка бойскаута; стро-

ительство яхты, парусный спорт, инженерный опыт и та жизнестойкость, которую воспитала во мне семья, дают мне силы и умение приспособиться к условиям обитания на этом крошечном плавучем острове. Несмотря ни на что, я жив и продвигаюсь к цели. Все это похоже на чудо.

*13 марта,
день тридцать седьмой*

ТРИНАДЦАТОГО МАРТА, ОДНАКО, ОСОБОЙ БОДРОСТИ ДУХА я в себе не ощущаю. Из-за плохой погоды последняя дорада у меня так и не высохла: она прогоркла и превратилась в клейкую массу. Я почти ничего не успел съесть — большую часть пришлось выбросить за борт. На гимнастику йогов уходит много сил: если раньше я проделывал все упражнения за полчаса, то сегодня это занимает уже целых полтора. Даже в мирный час вечернего покоя мне кажется, что я уже недолго протяну.

Сейчас уже недостаточно делать самое необходимое и сберегать силы. Надо во что бы то ни стало привести себя в форму. Нужно больше еды. Втаскиваю на борт тянущуюся за кормой на буксире «морскую ферму», и острием ножа отковыриваю обосновавшихся там морских уток. В питьевую воду добавляю немного ржавчины, соскобленной с металлических банок, в надежде несколько пополнить запасы железа в своем организме и таким образом уменьшить анемию.

Я обращаюсь к лентяю и бездельнику, забравшему власть над моим телом, и долго уговариваю его опуститься на колени у входа и подкараулить еще одну дораду. Сначала тело ведет себя очень вяло. Появляется дорада. Неуклюжий удар копыя разбрызгивает воду. Конечно же, промах. Вот еще одна. Снова промах. Но движение разогнало в жилах кровь, и мое физическое «я» пробудилось от спячки. С третьей попытки я глубоко всаживаю свое оружие в спину выплывающей из-под днища рыбины. Она судорожно бьется, стремясь освободиться, и тащит

меня через борт в море. Начинаю водить ее, как будто она сидит на крючке, привязанном к легкой леске, чтобы не сломать и не погнуть острогу. Однако надо поскорее вытягивать ее на плот, пока она не сорвалась. Не обращая внимания на рывки и толчки, я перехватываю ружье поближе к ее телу и тогда вытаскиваю свою добычу, не боясь погнуть драгоценное копьё. Сбрасываю рыбину на расстеленный для защиты «палубы» кусок парусины. Прижав доряду коленями, подсовываю ей под голову, сразу за жабрами, разделочную доску, всаживаю нож в боковую линию рыбины и резким поворотом лезвия ломаю ей позвоночник. Обычно я сначала разделяю рыбу, но сейчас я слишком голоден и поэтому только потрошу ее, а все остальное откладываю на потом.

Я закусываю рыбьими потрохами. И оживаю, словно мне впрыснули свежую кровь. Рыбье брюхо, кажется, чем-то набито. Вспарываю его, и оттуда вываливаются пять полупереваренных летучих рыбок. Поколебавшись, пробую одну из них на вкус, и меня едва не выворачивает. Собираю эту гадость и швыряю обратно в море. Не успели они еще плюхнуться в воду, как меня осенило! Глупец! Надо было их сперва помыть и тогда попробовать еще разок! Ладно, в следующий раз так я и сделаю. Подумать только, сколько добра пропало понапрасну! Подтираю разлившийся по полу желудочный сок доряды и снова принимаюсь за ее разделку. Обливаясь потом от зноя, я, сидя на корточках, тружусь, разрезая на куски тело доряды. Дважды даю себе передышку, чтобы вытянуть ноги и расправить затекшие колени и спину. Разделка рыбы — тяжелая работа, но я тороплюсь, чтобы скорей насладиться отдыхом. В работе я всегда следую этому правилу — постоянно подгоняю сам себя, пока не закончу, и затем предаюсь полному покою.

Я протыкаю в рыбных ломтиках дырки, чтобы нанизать их на веревочку. Вдруг — БАЦ! — и я оказываюсь зажатым между камерами, затем «Уточка», спружинив, восстанавливает свою обычную форму и спокойно плывет себе дальше. Мне достаточно секунды, чтобы оправиться от шока. Средняя высота волн составляет всего около трех футов, но впереди, удаляясь от меня, лениво плывет огромное чудовище. Пожав плечами, я возвращаюсь к прерванной работе. Такого рода неожиданности стали для меня привычными.

Солнечный опреснитель сплюснулся и лежит на носу как блин. Должно быть, ему изрядно досталось на этот раз. Я дую изо всех сил, но воздух в нем не задерживается. В донце опреснителя, сделанном из специальной ткани, которая пропускает избыточную морскую воду, а в мокром состоянии становится воздухонепроницаемой, сейчас красуется дыра. От бесконечного чередования циклов намочения и высыхания и постоянного трения о камеру плота ткань обветшала. Меньше тридцати суток эксплуатации — а этот агрегат уже начал выкидывать фортели. До сих пор мне так и не удалось привести запасной опреснитель в рабочее состояние. Чем дальше на запад, тем чаще я попадаю в полосу дождя, но в лучшем случае мне удастся собрать шесть — восемь унций воды в неделю. Опять я оказался за критической чертой лицом к лицу с грозной опасностью. Впрочем, грозных опасностей мне в последнее время встречалось так много, что, можно сказать, — они стали моими постоянными спутниками.

Делать нечего — я непременно должен наладить работу второго опреснителя, с помощью которого мне надо будет продержаться, возможно, и более тридцати дней. Наполненный воздухом, он напоминает мне раздувшегося клеща. Но где-то под пояском, сквозь который проходит круговая стропка, утекающий через крошечное отверстие воздух свистит на одной ноте до тех пор, пока весь баллон не выпускает дух. Это отверстие, оказывается, расположено в самом углу, на выступающем шве, и заделать его с помощью липкой ленты никак невозможно. Вообще добиться водонепроницаемости не так-то просто даже в условиях оснащенной необходимым оборудованием судостроительной мастерской, но сделать что-либо воздухонепроницаемым — куда сложнее.

Несколько часов я ломаю голову, измышляя способ ликвидировать утечку воздуха из опреснителя. Может быть, попытаться поджечь кусочек пластика из старого опреснителя или из его упаковки и затем накапать немного расплава на отверстие? Но, как выясняется, спички промокли, а в зажигалке нет ни грамма горючего. Тогда я как можно плотнее заталкиваю в отверстие обрезок ленты и каждые полчаса поддуваю опадающий баллон, хотя тот начинает обмякать сразу же после очередной накачки. Тем не менее в водосборном мешке появляется вода — увы! — соленая. От дутья у меня уже сводит че-

лости и пересыхает во рту. Надо найти какое-нибудь радикальное решение. Ах, если бы только у меня был силиконовый клей или что-нибудь в этом роде!

16 марта,
день сороковой

ВОТ Я И ДОЖИЛ ДО СОРОКОВОГО ДНЯ МОЕГО плавания, но запас пресной воды у меня неуклонно уменьшается, а в мясной лавке осталось всего несколько кусочков сушеной рыбы. Меня тревожит еще и то, что сегодня истекает гарантийный срок «Резиновой уточки», составляющий сорок суток. Как быть, если она сдаст именно сегодня, смогу ли я получить свои деньги обратно?

Однако, невзирая на все проблемы, у меня есть веские основания торжественно отметить эту дату. Я продержался дольше, чем надеялся. Я одолел более половины пути к Карибскому морю. Каждый день, каждая новая невзгода, каждая минута страдания все же приближают меня к спасению. Вероятность его, равно как и вероятность какой-нибудь роковой аварии, непрерывно возрастает. Мне представляются два игрока в покер, с каменными лицами поочередно бросающие фишки на кон. Имя одного из них — Спасение, другого же зовут Смерть. Ставки растут. Кучи фишек, громоздящиеся друг против друга, в высоту уже достигают человеческого роста, а в ширину сравнялись с моим плотом. Один из игроков скоро сможет праздновать победу.

Начинается утренний набег дорад. Они сильно толкают плот в днище, иногда закладывают вокруг него виражи, громко шлепая по бортам хвостами. Беру наизготовку свою острогу. Порою мне очень трудно бывает сфокусировать взгляд. Во время последнего шторма один глаз у меня сильно пострадал от удара полипропиленового линя, который я приспособил для крепления опреснителя. Глаз распух и стал гноиться, но спустя пару дней очистился, хотя в поле зрения с тех пор стало мелькать пятно; я часто принимаю его за промелькнув-

ший в небе самолет или за первый признак приближающейся к моему «сектору обстрела» дорады. Эти рыбы настолько проворны, что поразить их можно только решительным, молниеносным ударом. После появления головы на прицеливание остается только одна тысячная секунды, затем — всплеск, удар, рука моя ощущает сильный рывок и все — рыбина уже сорвалась и ушла. В иные дни мне случается сделать два-три метких броска утром и вечером, но чаще всего добыча срывается. Сегодня утром мне везет, и я втаскиваю на плот великолепную упитанную самку. После двух часов разделки, когда я балансирую, сидя на корточках, у меня отчаянно болят костлявые коленки. Наконец эта работа завершена, и рыбные ломтики развешены для сушки. Начинаю убирать кровь и чешую, но оказывается, что от губок остались лишь маленькие бесполезные комочки. По-видимому, на них действовал желудочный сок предыдущей дорады. Зная по опыту, что вода прекрасно впитывается моим спальным мешком, я извлекаю из него кусок ватина и, перевязав кусочками белого линя, использую вместо губки.

Ежедневно я определяю для себя первоочередные задачи, исходя из непрерывного анализа состояния плота, своего организма, наличия пищи и воды. Каждый день по крайней мере один фактор не дотягивает до того уровня, который я могу считать приемлемым. Сегодня самое неотложное дело — это так или иначе обеспечить себя питьевой водой.

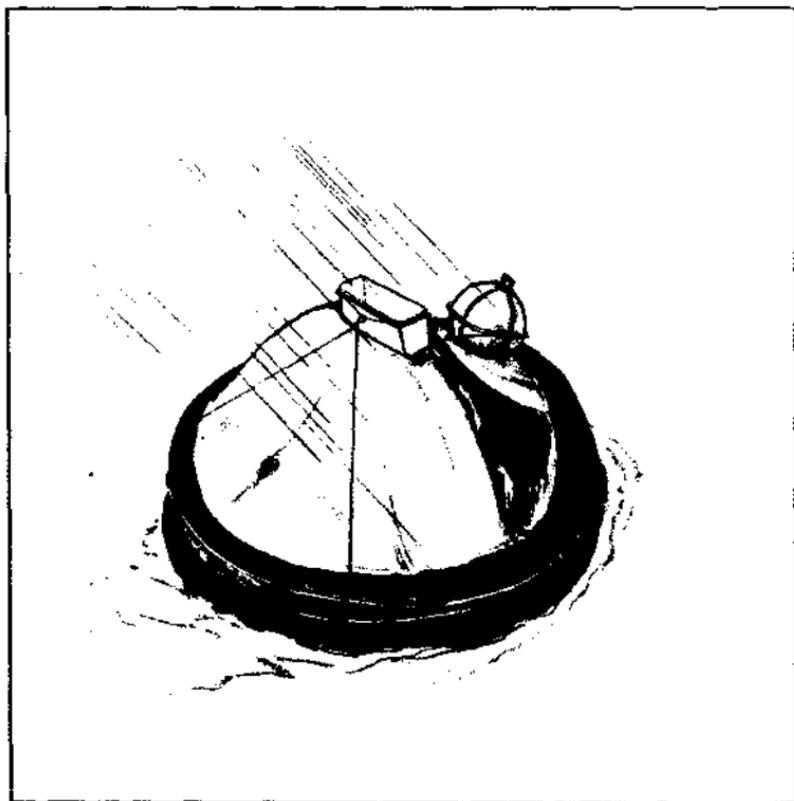
Я беру черный полотняный вкладыш от первого опреснителя, который я изрезал в самом начале плаванья, и прикладываю лоскут к дыре, протершейся в донце второго, так, чтобы баллон своей тяжестью удерживал тряпицу на месте. Теперь у меня работают два опреснителя, на носу и на корме, в единственно доступных для частого обслуживания местах. Целый день я работаю, как живой насос, поддувая то один, то другой агрегат. Между делом я на всякий случай выливаю из водосборников накопившийся дистиллят, чтобы туда не натекло соленой морской воды. К наступлению ночи у меня накапливаются уже две пинты пресной воды. Каждая удача достается мне все более дорогой ценой. От изнурительной работы организм мой теряет много влаги. Не знаю, есть ли польза от этих тру-

дов, которые выжимают влагу из каждой клетки тела. Я уже не витаю в облаках, тут уж не до жиру — быть бы живу, однако перед моим мысленным взором упорно стоят горы фруктов.

На следующий день перестаю ломать себе голову над тем, стоит ли поддерживать работу двух опреснителей. Сомнения разрешились сами собой, потому что у второго окончательно расползлось донце. Весь день я слежу за тем, чтобы работал оставшийся опреснитель, и стараюсь как-нибудь залатать испорченный. Сделав шилом ряд отверстий вокруг дыры, я продеваю в них парусную нить и пришиваю новое донце. Затем я пытаюсь заклеить шов изоляционной лентой, но толку из моей затеи не получается. Опреснитель не действует, несмотря на все мои старания.

К счастью, я постепенно начинаю разбираться в особенностях нового опреснителя. Черный полотняный вкладыш смачивается морской водой, просачивающейся через клапан в верхней части агрегата. Его производительность зависит от того, как быстро намокает вкладыш. При переувлажнении он не успевает нагреваться, и избыток тепловатой соленой воды проникает сквозь его донце. При недостаточной увлажненности испарение уменьшается. Поэтому задача заключается в том, чтобы максимально увеличить скорость испарения, оседания паров на внутренней стенке прозрачного баллона при их конденсации и, наконец, стекания в водосборник. Как мне кажется, скорость проникновения морской воды в опреснитель зависит от давления в баллоне. И наибольшая эффективность работы агрегата достигается при таком давлении, когда он немного провисает, но вкладыш все-таки не касается пластиковой стенки, в этом случае дистиллят не смешивается с соленой водой. Нужно неусыпное внимание, чтобы сохранить давление на необходимом уровне.

Для того чтобы обезопасить донце работающего опреснителя, я прикрепляю к нему мягкую прокладку из куска парусины и ткани от вкладыша из разрезанного опреснителя. Парусину подвязываю снизу стропкой с четырех сторон в надежде, что она ослабит трение и будет способствовать увлажнению донца — так оно скорее останется целым.

Эффективность пластмассового ящика, приспособленного для дождевой воды, повышается вдвое после того, как я пристраиваю его на самой вершине тента, стропку, крепящую его к «уточкой» корме, сбросить можно очень быстро. Она пристегивается к круговой обвязке ящика. Аналогичная же стропка с застежкой проведена в носовой части пюта, на рисунке она не видна, а пока дождя нет, ящик можно использовать для других нужд.

Сооружение для сбора дождевой воды тоже нуждается в усовершенствовании. Обычно при первых признаках дождя я устанавливаю свой многофункциональный ящик на корме вплотную к опреснителю. Креплением ему при этом служат те же стропки, которые удерживают

живают и опреснитель. Подобная нехитрая система позволяет очень быстро устанавливать и снимать ящик; это особенно важно, потому что надо вовремя выливать собравшуюся дождевую воду, пока в нее не попала морская вода и брызги соленой пены. Однако я думаю, что если бы нашел способ устанавливать ящик на самой верхней точке пюта, то получал бы больше дождевой воды. Чтобы надежно закреплять ящик наверху, необходимо сделать какую-нибудь обвязку. Шило в моем складном ноже снабжено небольшим лезвием, с его помощью я высверливаю отверстия по углам загнутой верхней кромки ящика. Сквозь эти отверстия я пропускаю бечевку, которая образует требуемую обвязку. Потом закрепляю в кормовой части пюта двойную стропку и вяжущую в середину металлическую защелку — карабин от рваного опреснителя. С передней стороны привязываю ко входному клапану короткий шнур, тоже снабженный карабином. Теперь, пока дождя нет и я использую ящик для других нужд, карабины скреплены друг с дружкой — таким образом они у меня всегда наготове. Но едва только с неба упадут первые дождевые капли, я смогу мгновенно защелкнуть карабины на обвязке ящика, прочно зафиксировав его на самой вершине тента, подальше от разбивающихся волн. Главное преимущество при этом заключается в том, что теперь тент не загоразивает водосборник. И, действительно, его эффективность возросла вдвое.

В довершение ко всему немалой заботы требуют стальные ножи. Еще когда мне было двенадцать лет, я нашел огромный складной нож и с тех пор с ним неразлучен. Пружина на главном его лезвии всегда была сломана, и поэтому оно немного болтается. Сейчас он весь покрылся слоем ржавчины. Я его постоянно чищу. У меня есть и второй нож. И тот, и другой я часто затачиваю. Для этой цели очень хорошо подходит жесткая рыба шкура, которая содержит жир. При активном трении лезвия о кусок шкуры этот жир выступает наружу, образуя замечательную смазку — начищенное лезвие так и блестит. Я очень дорожу различными имеющимися в моем распоряжении материалами и инструментами — они уже не раз сослужили мне хорошую службу. Из всех изобретений человечества я всегда больше всего ценил бумагу, верев-

ку и нож. И сейчас эти вещи помогают мне выжить и сохранить рассудок.

*18 марта,
день сорок второй*

ДНИ ТЯНУТСЯ ВСЕ ДОЛЬШЕ. СЕГОДНЯ, НА СОРОК второй день моего плавания, море лежит такое же плоское и горячее, как оцинкованная крыша под августовским солнцем где-нибудь на экваторе. В глазах рябит от солнечных зайчиков, прыгающих на воде. Мне остается только переползать с одного места на другое. «Резиновая уточка» сейчас напоминает точку, поставленную в книге с бесконечными пустыми страницами.

Выясняется, что спальный мешок помогает сохранять прохладу не хуже, чем тепло. Я расстилаю его на полу, чтобы немного просушить под солнечными лучами, и просовываю под него ноги. Их тут же обволакивает прохладная сырость. Это не очень-то полезно для моих ран, но они сейчас уже подживают, зато прохлада приносит существенное облегчение. Если бы черный пол плота не был покрыт сейчас мешком, то под таким солнцем он нагрелся бы настолько, что жара под навесом, и без того адская, стала бы вообще непереносимой, точно в пылающей печи.

В этих условиях остается только ждать ветра и попробовать добыть себе что-нибудь на пропитание. Немного свежих рыбьих потрохов здорово подняли бы мне настроение. Целый косяк спиноголов тычется в борта; то скрываясь под днищем, то снова показываясь, они выделывают невероятные пируэты, ныряют, вьются, кружат в удивительном подводном танце вокруг «Резиновой уточки». Но со мной они стали держаться настороже, и поймать их стало труднее, чем дораду. Хотя они плавают медленнее, чем дорады, но одним молниеносным рывком легко ускользают от моего копья. Они словно дразнят меня, не даваясь в руки. Удар! Мимо. Чтобы воткнуть острогу в дораду, мне необходимо вложить в удар силу обеих рук, но, может

быть, со спиногогом я справлюсь и одной рукой? Удар, еще удар! Они и в самом деле дразнят меня, грациозно взмахивая плавниками. Моя рука с силой распрямляется, и копьё внезапно вонзается в брюхо одной рыбки. Внутри нее я нахожу крупные белые мешочки, должно быть, это молока. Очень скоро я стану ценить ее не меньше золотистой икры.

Послушай, «Уточка», не будешь ли ты так любезна прекратить шлепать по воде? Ведь акулы поймут это как приглашение. Пока все спокойно, надо бы, пожалуй, порыбачить.

Солнце в очередной раз сползает к горизонту, и доряды собираются на вечернюю ассамблею. Будто зачарованные мирным спокойствием океана, они неслышно, как привидения, скользят в воде, временами чуть заметно тычась в днище. Изумрудные старейшины рыбьего рода все еще держатся поблизости, присматривая за молодежью. Я различаю отдельных особей уже не только по величине, расцветке или шрамам — каждая стала для меня существом со своим индивидуальным характером — и все больше привязываюсь к ним. Некоторым из них нравится толкать плот в один борт, а иные предпочитают другой. Одни, сердито пнув «Уточку», быстро уплывают прочь, как будто они чем-то недовольны или решили испытать мою силу. Другие, плавно изгибаясь, медленно выскользывают из-под днища... вправо... назад... вперед... огонь! Опоздал! Острога впиалась в доряду около хвоста. Вспенив воду, рыба срывается с нее и уходит. Надо передохнуть.

Солнце в пятнах облаков, словно серебряный диск, захватанный грязными пальцами, опускается к горизонту. Снопы света раскинулись в полнеба. На востоке густая синева уже готова смениться ночным мраком, усеянным мерцающими звездами. Плавное движение округлых волн напоминает мне просторы пшеничных полей. Склоняющиеся под легким бризом, который налетает оттуда, где незримый купол небес смыкается с землей, отяжелевшие налитые колосья словно истомились в ожидании серпа. Для охоты остается мало времени, и я опять становлюсь в боевую позицию.

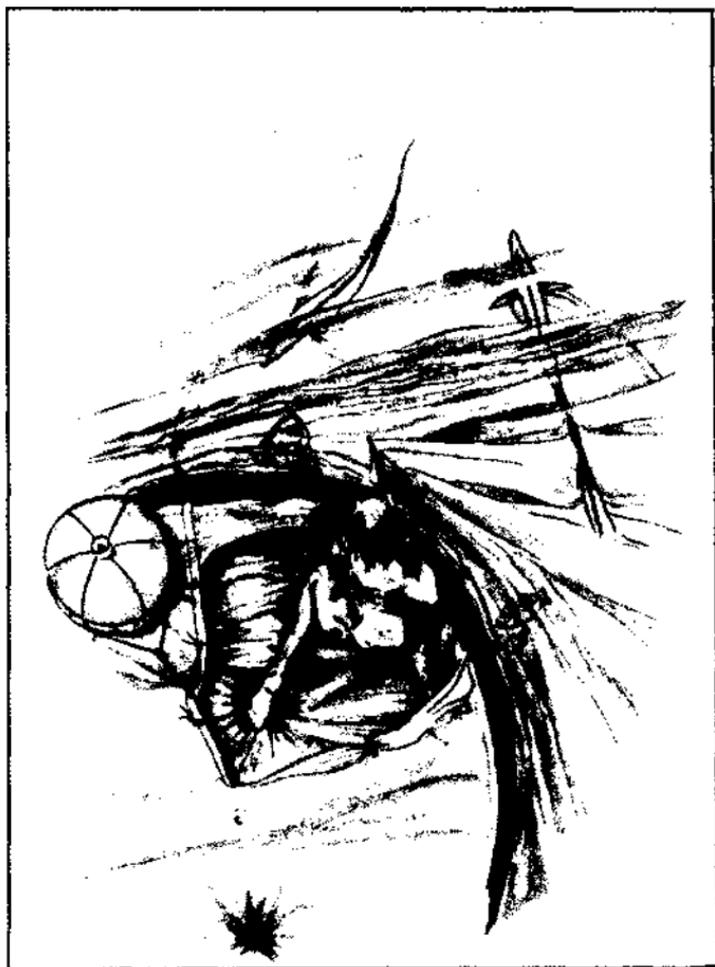
Слева от меня возникает силуэт большой рыбы. У меня сейчас уже выработалась привычка бить только наверняка, но сегодня вряд ли представится другой

случай. Чем черт не шутит! Даже не вспомнив о трудностях борьбы с крупным самцом, я резко откидываюсь в сторону и с силой опускаю острогу в воду. Бац! Точное попадание. Но почему-то все тихо.

Где же его яростное сопротивление? Покрепче перехватываю свое оружие и с замиранием сердца перегибаюсь через борт. Вот сейчас начнется бой... но он все не начинается. Огромная голова уставилась на меня остекленелым глазом. Недвижно замер чуть приоткрытый рот. Не шевелятся одеревеневшие закрытые жабры. Гарпун воткнулся точно в полосу, которая проходит вдоль всего тела и указывает местоположение спинного хребта. На древке можно разглядеть зазубрины, недалеко отстоящие от наконечника, а значит, моя жертва пробита не насквозь. Легонько подтаскиваю рыбину поближе и, взявшись за копые поудобнее, осторожно начинаю ее поднимать. Это упражнение похоже на балансирование мячом на кончике палки. Какое счастье, что опасная схватка на этот раз не состоится. Такой дорады мне хватит на целую неделю. Вот тело поднимается на поверхность, вода вокруг запузырилась! Еще одно последнее усилие... Бултых! Кидаюсь вперед в надежде еще подхватить свою добычу, но поздно. Гладкое тело выскользывает у меня из рук.

Огромная рыбина медленно погружается в пучину, вращаясь, словно сорвавшийся с дерева яркий осенний листок. Она уходит все глубже, и медленно меркнет слепой блеск безжизненных глаз. Остальные дорады наблюдали за происшествием. Они провожают тонущего собрата, их тела, как пальцы, хотят достать его. Глубже, глубже. Рыбы сближаются под водой, как живые лепестки цветка, распутившегося на стебле мертвого тела. Крошечный цветок все вращается, уходя в глубину, вот он становится меньше, меньше и, наконец, исчезает. Солнце зашло. Из черной воды на меня глядит пустота. И долго-долго я всматриваюсь в бездну.

К Р И К И Ш Е П О Т

*ОНИ КАК БУДТО СТАРАЮТСЯ МНЕ ПОМОЧЬ,
КАК БУДТО САМИ ХОТЯТ, ЧТОБЫ ИХ ПЛОТЬ
СМЕШАЛАСЬ С МОЕЙ.*

ДЕВЯТОГО МАРТА НЬЮ-ЙОРКСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ береговой охраны США поручило радиостанциям в Виргинии и Пуэрто-Рико передать в эфир стандартное сообщение о яхте, которая не прибыла в назначенный срок в порт назначения, в программе транслируемых ими «Извещений мореплавателям». Эту передачу обычно слушают все торговые и прогулочные суда, крейсирующие в открытом море. При посредстве лондонского отделения Ллойда береговая охрана проследила мой путь до Канарских островов. А так как мое пребывание на Иерро не было официально зарегистрировано, они отказались поверить, что я отплыл с этого острова в конце января. И только после того, как мои родители предъявили им копию отправленного мною с Иерро письма, охрана им поверила. Недоверчивое отношение к непрофессиональным морякам, которые слишком подвержены эмоциям, сказалось на всех последующих действиях береговой охраны, что привело к бюрократической волоките. В первую очередь береговая охрана предприняла проверку в гаванях Вест-Индии, чтобы выяснить, не прибыл ли «Наполеон Соло» сюда без уведомления.

Оказалось, что никто точно не знает, когда я вышел с Канар, направился ли в Карибское море прямым путем или отклонился к югу, чтобы поймать в свои паруса пассат, а может быть, взял курс мимо островов Зеленого Мыса. Моей семье известно, что мой маршрут не проходил мимо островов Зеленого Мыса, но для охраны эти сведения недостоверны. Безлюдные просторы океана невообразимо обширны. Найти в нем какое-нибудь одинокое судно, даже зная его приближенные координаты,— дело нелегкое: это все равно что отыскать иголку в стоге сена. Даже вычислив мои координаты с точностью до 100 миль, пришлось бы обследовать круг диаметром 200 миль, что составляет свыше 30 тысяч квадратных миль морской поверхности. В переговорах с моими родными береговая охрана умалчивает о том, что если я запаздываю с прибытием более чем на неделю, то это скорее всего означает, что меня уже нет в живых. Такое случается сплошь и рядом. С 1972 по 1977 год в водах США в одних только происшествиях с судами, занятыми ком-

мерческим рыболовством, погибли триста семьдесят четыре моряка. А фонды береговой охраны урезаны, штаты не укомплектованы, снаряжения не хватает. Но даже если они бы и выслали поисковую партию, она, скорее всего, не нашла бы меня. Удаленность моего нынешнего местоположения от берегов не позволяет организовать эффективный поиск. А на вопрос моей семьи, нельзя ли послать на розыск «Наполеона Соло», самолет, береговая охрана заявляет, что об этом не может быть и речи.

А я, между тем, продолжаю у себя на плоту пристально всматриваться в небо, несмотря на мучительное сознание, что самолета я скорее всего не увижу.

На сорок второй день моего плавания, 18 марта, береговая охрана завершает проверку в гаванях Французской и Британской Вест-Индий. Естественно, никто моей яхты там не видал.

Каждую ночь мне удастся поспать без перерыва часа полтора, пока «Уточка» не начнет дергать меня за волосы, захватив их своей резиновой щепотью, или пока ноги не онемеют настолько, что возникнет необходимость пошевелиться. Тогда я встаю, оглядываюсь по сторонам и укладываюсь вновь в одной из двух других имеющихся в моем распоряжении поз, обеспечивающих относительный полукомфорт. В бесконечной череде подобных ночей луна сперва уменьшалась, пока совсем не исчезла, потом снова пополнила и округлилась, а сейчас у нее откушена краюшка. Вопреки всем моим опасениям, особенно по поводу того, что акула или иная какая-нибудь тварь непоправимо изорвет мой плот, у меня на борту все в порядке, и я чувствую себя вполне прилично отдохнувшим. Утром 19 марта я пробуждаюсь как обычно с обновленной надеждой на то, что нынешний день подарит мне заветный ключик, который отомкнет мою темницу.

*19 марта,
день сорок третий*

В СЕРДЦЕ МОЕМ НЕ УТИХАЕТ СКОРЬБЬ ПО БОЛЬШОЙ дораде, напрасно умерщвленной накануне вечером.

Пытаюсь убедить себя, что депрессия моя вызвана голодом, но терзающая меня горечь утраты имеет под собой другую, не только прагматическую почву. Неудача на рыболовном поприще для меня не новость, на них я давно не обращаю внимания. Случившееся было убийственно в эмоциональном отношении. Дорады перестали быть для меня просто пищей. Я привязался к ним сильнее, чем к домашним животным. Я вижу в них существа, равные мне, а кое в чем и превосходящие. Они дают мне телесную и духовную пищу. В нападении и защите они достойные соперники, а потому — достойные друзья. Я благодарен им за пищу телесную и духовную и почти-тельно отношусь к их силе. Интересно, не связано ли мое глубокое к ним уважение с тем почтением, которое мои индейские предки питали ко всем силам природы? Странно, но порой убийство животных вдохновляет нас на обожествление своих жертв. Я могу, конечно, оправдать убийство дорад необходимостью спасения собственной жизни, но делать это мне становится все труднее и труднее. Последняя смертельная схватка никому не принесла пользы. Я лишил рыбу жизни, а себя — поддержки ее духа. Мне кажется, что я совершил тяжкий грех, что все происшедшее таит в себе очень дурное предзнаменование. Такое расточительство... До чего ж я ненавижу расточительство! Тем не менее я понимаю, что если хочу выстоять до конца, то должен продолжать охотиться на дорад. И сегодня надо быть готовым совершить новое убийство.

На кончике алюминиевого трубчатого цевья приклепана большая пластмассовая обойма. Раньше, когда ружье еще способно было стрелять, сквозь эту обойму пролетала выпускаемая стрела; теперь же она к ней плотно пришнурована. И вот в корпусе этой обоймы я обнаруживаю трещину. Скоро уже это приспособление отслужит свое. Если обойма расколется, то тонкая серебряная стрела быстро расшатается в обвязке и выскочит из ружья. А если я ее потеряю, то ловить рыбу мне будет нечем. Чтобы обезопасить себя перед лицом грозящей катастрофы, закладываю несколько дополнительных витков, притягивающих металлический стержень стрелы к пластмассовой обойме, а саму обойму — к алюминиевому цевью. С виду все кажется таким надежным, что дальше некуда, но я-то знаю, насколько хлипка эта

конструкция на самом деле. Любопытно, сколько еще дорада можно будет ею поддеть?

Рыбий кортеж начинает свой утренний парад. Прямо под острием моего копья появляется голова. Точный отвесный удар чисто прошивает дораду насквозь, она начинает кувыркаться, как безумная, и так и рвется у меня из рук. Но я держу цепко. Нет! Не вышло! Пластмассовая обойма на кончике цевья словно взрывается, обвязка разлетается в стороны и спутывается в клубок, а гарпун перекашивается. Пытаясь его ухватить, я быстро наклоняюсь, и в этот момент раздается жуткий звук: будто кто-то резким рывком раздирает гигантскую жесткую «молнию». Это загарпуненная дорада вонзает наконечник стрелы в нижнюю камеру плота. С шипением и бульканьем, напоминая гнусавое бормотание, оттуда вырывается воздух.

Рыбина вырывается на волю. Каким-то чудом мне удается удержать в руках и ружье, и гарпун. Забрасываю их внутрь и хватаюсь за пробоину. О, Боже! Внизу зияет огромная дырища шириной в четыре дюйма. Я пытаюсь стянуть края страшной пасти, но «Уточка» продолжает погружаться. Через разрыв пробиваются громадные пузыри, потом выскальзывают пузырьки поменьше, просачивающиеся уже не так быстро. И, наконец, нижняя камера безжизненно опадает плоским пустым мешком.

Все кончено, «Резиновая уточка» осела настолько, что теперь ее плавучесть обеспечивается только верхней камерой. Высота надводного борта составляет всего три дюйма. Волны свободно переплескивают через него. Днище плота вспучилось у меня под ногами. Давление воды под днищем так сильно, что нижняя камера вырывается у меня из рук, ее затягивает под плот, и днище вспучивается еще сильнее. Проваливаясь при каждом движении, как в трясику, я стараюсь нашарить свое снаряжение.

Если я не сумею как-то заделать этот разрыв, мне крышка. От сырости тогда не будет спасения, и соленая вода разъест мне кожу до костей. Ноги мои торчат внизу под водой, и рыскающие в окрестностях акулы, конечно, предпочтут попробовать на зуб их, а не балластные карманы. Рыбы из моего почетного эскорта, например, уже колотят и покусывают мои конечности сквозь

резину. Я не смогу спать. Ноги мои так глубоко увязли в просевшем днище, что тычущиеся в них дорады становятся совершенно недосыгаемы для остроги. Но даже если я изловчусь все же поймать рыбу, мне нигде будет ее высушить и очень скоро она превратится в несъедобную дрянь. «Уточка» виляет на ходу сильнее обычного, а значит усилится и трение опреснителя. Что-то непременно надо предпринять, причем как можно быстрее, пока не испортилась погода.

Конические пробки из ремнабора слишком малы для того, чтобы заткнуть такую дыру. Но может быть, мне сгодится кусок пенопласта из маленькой подушки, спасенной в ночь бегства с гибнущего «Соло». К счастью, это пенопласт с закрытыми ячейками, его структуру составляют миллионы крохотных застывших пузырьков, и поэтому он намного лучше того, что состоит из таких же пузырьков, но с прорванными стенками. Благодаря закрытым ячейкам, этот пенопласт не впитывает воду и не пропускает воздух. Не обращая внимания на побои, которыми осыпают меня дорады, я извлекаю свои инструменты и лихорадочно начинаю работать. Вырезаю брусок соответствующего размера, беру несколько коротких шнурков, перегибаюсь через борт и, помогая весом своего тела и экипировочного мешка, подтягиваю нижнюю камеру к себе. Пробоина находится достаточно близко для того, чтобы до нее дотянуться, но разглядеть ее все же трудно. Заталкиваю в дыру пенопластовую пробку, захватываю верхний и нижний края разрыва, накидываю шнур петлей и плотно обматываю ее конец вокруг импровизированной пробки. Первые витки не захватили края этой кошмарной пасти, поэтому я накладываю дополнительные. Теперь я стянул разверстую пасть, и она выпятила губы куриной гузкой. Моя заплатка сильно смахивает на рот камбалы со свисающим маленьким пенопластовым язычком. Что ж, пора опробовать результаты своего труда. Визгливо похрюкивает помпа. Камера понемногу надувается, натягивая подо мною пол. По мере того как «Уточка» всплывает, из-под воды все сильнее булькает, а потом над поверхностью появляется выпяченный рот и шипит на меня, точно морская змея. Через пятнадцать минут камера обмякла и тело мое снова проваливается в резиновую трясиину.

Заглядываю через борт. Оказывается, воздух просачивается сквозь многочисленные мелкие морщинки, разбегающиеся от перевязанного места разрыва наподобие корней, расходящихся от древесного ствола. Пробую законопатить их набивкой спальника, но сколько ни заталкиваю ее во все дыры, воздух все равно находит себе щелочку. Может быть, помогут мои старые обтрепанные губки? Пять часов я бьюсь над тем, чтобы наглухо запечатать все зазоры вокруг затычки, но всякий раз, как я берусь за помпу, на поверхность выскакивают пузырьки. Принимаюсь затыкать щели, но от этого пузырьки только увеличиваются и их становится все больше. Чтобы поддерживать в камере приемлемое давление, требуется каждые полчаса делать по пятьдесят качаний. Л всего для обеспечения жизнеспособности «Резиновой уточки-III» ежедневно нужны будут три тысячи качаний. Два с лишним часа изматывающих упражнений; думаю, это примерно вдвое выше нынешнего предела моих возможностей. А когда на море разыграется шторм, то усилия придется, наверное, еще удвоить; разумеется, при условии, что моя заплатка вообще устоит на месте. Это невозможно.

Отсюда до ближайшей суши еще около 600 миль, в лучшем случае тридцать четыре дня пути. Спущенная нижняя камера действует как плавучий якорь, замедляя дрейф «Уточка». После тяжелой работы под жарким солнцем, наглотавшись соли с ножа и веревок, которые мне приходится все это время держать в зубах, я испытываю чудовищную тяжесть. Все мышцы уже отказывают. Мне ни за что не выстоять еще тридцать четыре дня.

Лежа на спине, чувствую, как в очередной раз спускает камера. Пытаюсь немного отдохнуть и успокоиться. Может быть, между Бразилией и южным побережьем Соединенных Штатов тоже существует рекомендованная судовая трасса, где-нибудь милях в трехстах впереди. Но это все равно очень далеко. Если раньше вокруг был ад, то сейчас меня кинули в самое пекло.

Перебираю в уме различные инструменты и приспособления, которые сейчас бы мне здоровогодились: иглы, парусную нить и какой-нибудь хороший клей; огромный клещевой зажим типа того, что применяется для остановки кровотечений; неплохо бы иметь что-

то наподобие надувного баллона, который можно было бы вставить внутрь камеры и там надуть — но между мной и этими богатствами 120 лиг пути. А здесь мне приходит в голову лишь одно-единственное решение: заткнуть прорванную дыру пробкой и крепко ее обвязать. Как не хватает мне сейчас дружеского совета и слов ободрения, как оскудела моя изобретательность! Как нужна мне рука помощи, как жаждет милосердия моя измученная душа!

С юга на север проплывает гряда облаков. Я должен опередить непогоду. Вечером на угольно-черном небосклоне загорается бледным огнем лунная долька, похожая на дремлющий глаз, приоткрытый ровно настолько, чтобы бдительно следить за уснувшим морем. Укрепляю у себя на макушке фонарик, соорудив что-то вроде шахтерской каски. Все мое снаряжение привязано у наветренной стороны, чтобы не скатывалось под ноги. Заранее заготовленные куски шнура развешены по сушильным веревкам, откуда их можно легко снять одним движением руки. Склонившись носом над самой водой, я едва могу рассмотреть поврежденный участок. Мне очень не хочется совать руки в темную воду. Постепенно я распутываю и убираю клубок из шнура, напоминающий крысиное гнездо, и вытаскиваю пробку. Луч моего фонарика пронизывает тихую воду, на свет ко мне сплывает стайка рыбешек. Интересно, с какой глубины виден этот маленький маячок? Будет ли он привлекать сюда крупную рыбу? Приступаю к повторной установке пробки. Внезапно световой столб перекрывает огромная серая тень, она проскальзывает в нескольких дюймах от моих пальцев. Я как ошпаренный выдергиваю руки из воды. Акула, футов около десяти. Средняя. Она лениво описывает круг возле плота, на мгновение показывается над поверхностью и затем уходит вглубь. Несколько раз колю ее стрелой — с таким же успехом можно зубочисткой толкать гору. Она только лениво помахивает хвостом, словно вовсе и не почувствовав укола. Некоторое время ее не видно. Поднимаясь выше, лунное око будто просыпается и разгорается все ярче. Я возвращаюсь к прерванной работе. Загоняю пробку глубоко в пробоину, тщательно прижимаю ее шнуром, завожу виток, сильно обтягиваю, завожу следующий. Острые зубы! Руки мои катапультируются из воды. Должно быть, адреналин го-

тов брызнуть изо всех пор моего трясущегося тела. Щелкаю кнопкой фонарика. Вокруг заплаты шустро крутится спинорог. Мои часы! Ну конечно же, все дело в их светящихся стрелках и циферблате. Спинорог, наверное, вообразил, что это какая-то съедобная штука. Отгоняю его прочь и снова опускаю руки в океан.

Из нижней камеры приходится выдавить все остатки воздуха, и только после этого мне удастся присобрать вокруг пробки достаточное количество материала, чтобы охватить обвязкой внешние уголки ухмыляющейся пасти. Надежно установленная пробка укоротит внешнюю окружность плота не менее чем на четыре дюйма. Поэтому, когда щеки надутые, рот будет растягиваться, стремясь принять прежнюю форму. Моя заплата должна будет противостоять давлению два с половиной фунта на квадратный дюйм. Используя в качестве рычага собственное предплечье, а в качестве точки опоры — верхнюю камеру, я обтягиваю витки обвязки настолько туго, что шнур врезается мне в ладони, а мой «ручной» рычаг до мяса стирается о резину.

Но этого еще мало. Заплата травит воздух так быстро, что я не успеваю качать. Я настолько измотан, что мгновенно проваливаюсь в сон и сплю, погрузившись в зыбкое лоно своего судна.

20 марта,

день сорок четвертый

ПРОСЫПАЮСЬ Я НА ЗАРЕ, ГОТОВЫЙ ЕЩЕ РАЗ попытать счастья. Как я и ожидал, едва залатанная камера наполнилась воздухом, края пробоины растянулись и выползли из-под шнура. И тут же из дырки весело побежали пузырьки. Затыкаю эти сквозящие щели кусочками пенопласта и липкими шариками полупереваренной губки, а затем еще раз обвязываю шнуром всю пробку. В этот миг подо мною бесшумно скользнула серая туша с белыми отметинами на кончиках плавников. Гнусный океанский стервятник так и рыщет вокруг, подкарауливая добычу, выжидает своего часа.

Я заново перевязал свою острогу, с особым тщанием обтянув каждый виток, чтобы нельзя было ни вытащить стрелу из ружья, ни расшатать обвязку. В результате у меня получается великолепное прочное орудие. По возможности стараюсь поддеть им акулу, но она уклоняется в сторону или уходит в глубину, все время огибая мой плот и оставаясь за пределами досягаемости. Иногда я попадаю в нее, но она даже не замечает таких комариных укусов. Я продолжаю работать. Надеваю на пробку хомут из пенопласта и опять накачиваю камеру. С каждой складочки сложенного в беззубую гримасу рта срываются воздушные пузыри, сливаясь в сплошной поток. Каждые полчаса шестьдесят качаний, или мои ноги будут болтаться в воде, как сосиски,— ешь кому не лень! Меня это злит все больше и больше. Но вот зверюга приближается к самому борту. Поджидаю ее с искаженным ненавистью лицом. Приподнявшись как можно выше, обрушиваюсь на нее всем своим весом, целя острогой в горизонтальную линию, проходящую по ее боку и голове. Чувствительность этого места так велика, что акула способна воспринимать колебания воды, вызванные бьющейся раненой рыбой, на расстоянии свыше четверти мили. В мгновение ока со скоростью космического корабля из «Звездных войн», совершающего прыжок в гиперпространство, чудовище исчезает из вида.

Пропускаю поверх заплаты кусок лinya, который провожу между петельным ушком, предназначенным для крепления веревочного трапа, и леером. Натянув этот лить, можно приложить к заплате достаточно большое давление извне, благодаря чему утечка воздуха существенно ослабевает. Добавляю туда же еще пару жгутов. В результате этих усилий «Уточке» требуется уже всего сорок качаний каждые два часа, но сердитое шипение разыскивающих лазейку змей не смолкает ни на минуту.

Физический труд сжигает последнюю энергию, еще оставшуюся в ноющих мышцах, но ничего не поделаешь, приходится работать не покладая рук. Надо опять запустить опреснитель и подкрепить свои иссякающие силы. Сушеной рыбы больше совсем не осталось. Когда в перерывах между своими охотничьими вылазками ко мне подваливают дорады, я поджидаю их в полной боевой

Гнусный океанский стервятник так и рыщет вокруг, кружит, подкарауливая добычу, выжидает своего часа.

готовности. Дважды, проверив обвязки на остроге, занимаю боевую позицию. Однако моей энергии едва хватает на охотничью стойку, охота же совсем не ладится. Мои неуклюжие и неточные выпады только баламутят воду и распугивают дорад. Но вот, наконец, одна из них подходит достаточно близко. Громко ухнув, я колю копьём

и попадаю рыбе в спину, но насквозь ее не пробиваю. Рыба с невероятной скоростью начинает вращаться вокруг кончика стрелы и в какое-то мгновение, столь краткое, что я не успеваю даже перехватить обеими руками свое оружие, исчезает, а моему изумленному взору предстает винтовая нарезка на тупом конце гарпуна. Менее чем за две секунды рыбина начисто отвернула привинченный там наконечник и ушла вместе с ним. Кажется, дорады дождались своего часа, чтобы устроить мне испытание. И вот они уничтожили мое судно, потом лишили меня оружия и теперь издевательски надо мной смеются. Ах, если бы я был морским существом! Рыбам не надо применять интеллект или искусственные орудия. Они просто плавают, размножаются и умирают. Я испытываю благоговейное восхищение перед сложностью и совершенством окружающего меня мира, но слишком утомлен, чтобы оценить его по достоинству. Я ничего не чувствую кроме бессилия и подавленности. От слабости мне трудно шевельнуть рукой, однако надо. Работы предстоит больше, чем когда-либо раньше.

Роюсь в мешке со снаряжением, выискиваю что-нибудь подходящее для нового наконечника. В одном из карманов мне попадается бойскаутский походный набор — нож, вилка и ложка из нержавеющей стали. Все эти годы он валялся у меня без дела, пока я не засунул его на всякий случай в аварийный мешок. Пожалуй, вилка или ножик сгодятся для наконечника. Прочнее всего вилка, ею вполне можно проткнуть спинорога. Но сначала я решил испробовать нож. Привязываю его к стержню стрелы за рукоятку, по возможности туго укладывая витки все того же белого шнура. В ноже есть два отверстия; через заднее я пропускаю один конец шнура и прикрепляю его к обвязке, держащей стрелу, а другой привязываю к рукоятке ружья. Теперь я его не потеряю, даже если он сорвется со стержня. Узкое лезвие, длиной в несколько дюймов, торчит на стреле вместо наконечника. Оно легко пружинит и гнется у меня в руках, и я сильно сомневаюсь, чтобы оно сослужило хорошую службу в охоте на дорад! Лучше я испытаю его для начала на спинорогах, хотя скорее всего слабенький кончик согнется, наткнувшись на их жесткую кожу. Но спинороги держат-

ся от меня подальше, словно зная, что я снова во всеоружии.

Наверное, настала пора пустить в ход лесу с крючком. Из морских уточек получится неплохая наживка, а их у меня развелось достаточно. Подтягиваю буксирный конец, волокущий за моим плотом сигнальную вешку, соскабливаю с него несколько рачков пожирнее, насаживаю одного на форелевый крючок и выметываю эту рыболовную снасть за корму. Не проходит и часа, как начинается клев. Замечательно! Может быть, я прокормлюсь спинорогами. Но когда я подвожу свою добычу к борту, она внезапно раздувается, как воздушный шар, и угрожающе топорщит множество колючек. Да это же печально известная ядовитая рыба-еж, а ее колючки таят в себе новую опасность для бедной «Резиновой уточки». Стряхиваю ее с крючка и предпринимаю еще одну попытку. Но на крючке опять оказывается все тот же колючий пузырь. Кроме него, никто не позарился на мою приманку. К дьяволу эту затею.

Начали появляться непривычные представители животного мира. Откуда-то из-под плота доносится пронзительный писк и вслед за тем, держась на почтительном от меня расстоянии, выныривают из воды седлистые морские свиньи. Темные пятна, расположенные у них на спине и на боках, по форме напоминают седло со стремянами. Поиграв в чехарду, они удаляются, но еще долго над волнами витает призрачный дух этих веселых, улыбающихся созданий. А потом мимо меня прошмыгивает какая-то рыбина, она длиннее и тоньше дорады, и раскраска ее не такая яркая. Она так быстро промелькнула вдалеке, что я не смог ее распознать.

Все чаще мне встречаются странствующие клочья саргассовых водорослей. Можно отметить, что они далеко не так свежи, как те, что попадались в восточных водах. По пути они успели обрасти собственными экосистемами. Их плети усеяны стекловидными бусинками икринок, большей частью мертвых; все вместе похоже на седоватую бороду, покрытую капельками росы. Пока я роюсь в водорослях, выбирая икринки, оттуда выскочила и пустилась наутек парочка крабиков примерно в полдюйма величиной, украшенных нарядными белыми разводами. Один из них продирается сквозь саргассовые заросли, сваливается в воду и уплывает, точ-

но водяной клоп. Другого я успел схватить и засунуть в рот. Он хрустит на зубах. Какое удовольствие после однообразного рыбного меню ощутить во рту вкус крабового мяса!

«Уточка» дрейфует по полям прозрачных шариков фитопланктона размером от одной восьмой до четверти дюйма в поперечнике. Они встречались и раньше в начале плавания, но по мере нашего продвижения к западу все чаще попадаются густые скопления, их можно видеть со всех сторон. Если бы я догадался захватить с собой пару нейлоновых чулок, то мог бы соорудить сачок для сбора планктона и выставлять его по ночам, когда наверх всплывает более крупный зоопланктон, мерцающий фосфорическим светом. Но у меня нет ничего подходящего, поэтому приходится довольствоваться только скудными крохами, которые я вылавливаю в волнах или собираю с водорослей; прокормиться ими невозможно.

Я лежу на спине и смотрю на небо; кроме неба у меня ничего нет общего с людьми, живущими на суше, только оно и связывает меня с ними. Какая-то белоснежная птица в черной маске с двумя длинными перьями в хвосте, шумно хлопая крыльями, с хриплыми криками носится вокруг моего плота. Не раз я наблюдал, как тропические птицы часами пытались сесть на клотик раскачивающейся мачты. В глубине души я надеюсь, что эта окажется достаточно глупой и приземлится прямо на «Резиновую уточку-III». Но она, ненадолго задержавшись возле меня, торопливо улетает куда-то в северном направлении, продолжая свой дерзкий полет над безбрежной Атлантикой.

Всякое изменение во флоре или фауне океана служит для меня оповещающим знаком. Они указывают на перемены в характере течений и подтверждают мое перемещение на запад. Неужели я нахожусь ближе к континентальному шельфу, чем предполагал раньше? Нет. Все это одни только благостные мечтания. Ясно тебе, олух? Качая помпу, я постанываю в такт движениям, я выбиваюсь из сил, чтобы «Уточка» не испустила дух. Буду бороться до последнего. А потом я в последний раз включу радиомаяк в надежде, что меня услышат пилоты авиалиний западного полушария; только бы батареи не подвели.

Книга Дугала Робертсона содержит несколько полезных карт. На одной из них обозначены маршруты миграций птиц, на другой показан ожидаемый уровень осадков (не слишком высокий для моего региона) и еще на одной — важнейшие судоходные пути. Судовые трассы, а также течения, ветры и некоторые другие данные обозначены и на имеющейся у меня большой карте. Перевожу туда же контуры континентального шельфа с одной из карт Робертсона, хотя она вряд ли может претендовать на высокую точность. На картах нигде не отмечены судоходные пути между Северной и Южной Америкой, но я думаю, что между островами Карибского бассейна наверняка курсирует много судов, а также должно существовать какое-то сообщение между Бразилией и Антильскими островами и другими более северными точками. Рисую для себя схему предполагаемых судовых трасс и возможных путей движения самолетов на авиалиниях, чтобы решить, когда лучше всего запускать маяк. Я постоянно рассчитываю вероятную погрешность своей навигации, учитывая все «за» и «против», и записываю на карте максимальное и минимальное число дней, остающихся до той или иной трассы, до шельфа, до островов. Но и самые оптимистические мои прогнозы выглядят довольно уныло, а разрыв между максимальной и минимальной цифрами увеличивается с каждым днем, что, с одной стороны, невероятно обнадеживает, а с другой — невероятно угнетает. При моей нынешней скорости, которая составляет восемь миль в сутки, до ближайшей трассы остается плыть еще довольно-таки долго.

Вечером мне удастся поймать врасплох и загарпунить сонного спинорога — ценою погнутого ножа. Чуть не час я чищу этого толстокожего малютку. У меня ничего не пропадает зря. Вокруг глаз есть тоненькие колечки мускулатуры, несколько мясных волоконце лежит вдоль рыбьего рыльца. Из глазниц можно наковырять Немного студенистой жидкости. Я даже срезаю кончик языка и проглатываю его, представив себе, что это хрустящий водяной орех. Лакомство, которое мне досталось, сильно смахивает на белую сыромятную кожу, но на костистых плавниках, расходящихся от тела веером, мне удается наскрести небольшой кусочек красного гамбургера. Несколько косточек я приберегаю на случай, если вдруг понадобится сделать шило.

Ночь приносит мне глубокий сон, иногда нарушаемый судорогами, и еще одна акула зачем-то теревит мою «Уточку» за задницу. Я лениво отмахиваюсь, и она уплывает.

22 марта,
день сорок шестой

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ МАРТА, МОЙ СОРОК ШЕСТОЙ день. Нью-Йоркская береговая охрана отменяет сообщение в эфире об исчезновении «Наполеона Соло». Они уведомляют лондонское отделение Ллойда, власти Канарских островов и свои станции на Майами и в Пуэрто-Рико о том, что «активные поиски приостановлены». Однако мою семью об этом не оповещают, решив подождать до первого апреля.

По-прежнему я веду наблюдения, стараясь отдавать им как можно больше времени. Ежедневно час за часом вглядываюсь в пустынный горизонт, впиваюсь взором в каждую облачную полосу, подозревая в ней инверсионный след реактивного самолета, напрягаю слух, пытаюсь уловить отдаленный рокот пропеллеров. Я понимаю, что нахожусь так далеко, что эффективные поиски вряд ли возможны — все сроки моего возвращения давно прошли, так что никто уже и не верит, что я еще жив. Официально я, конечно, числюсь «пропавшим без вести». Тем не менее я упорно продолжаю нести свои вахты.

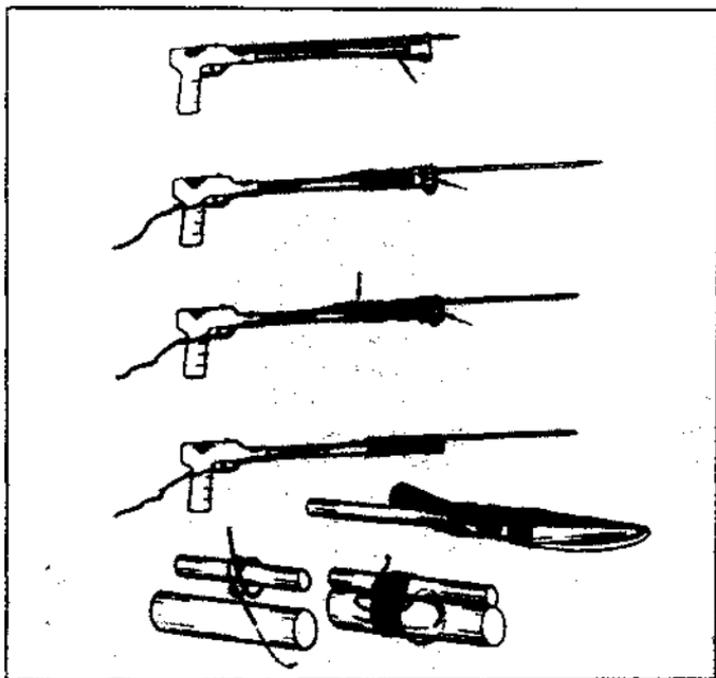
Вчера утечка воздуха усилилась. Я попытался увеличить внешнее давление на заплату, наложив на нее сверху еще один жгут, но в результате пробка немного сдвинулась и из-под нее сразу же высунулся серебряный змеиный язычок из маленьких пузырьков. Провозившись несколько часов, я кое-как загнал его обратно в клетку, но злобное шипение воздуха так и не прекращается.

В эти дни на плоту часто плещется вода. Днище проваливается при каждом шаге, и ноги, словно обутые в резиновые сапоги, находятся по колено в воде. Я передвигаюсь по плоту следующим образом: сначала рывком выдергиваю одну ногу, задираю ее как можно выше,

чтобы освободиться от вздувающегося следом днища, затем, сделав шаг, снова проваливаюсь, как в трясину, стараясь удерживать равновесие на другой ноге. Если же я вдруг теряю равновесие, то попадаю в цепкие объятия черной бесформенной амебы и тогда вступаю с ней в настоящий бой, чтобы она не задушила меня в своих объятиях. Хуже всего, естественно, в центре плота, поэтому я стараюсь держаться поближе к бортам. Но и там прилипчивая резина сдирает едва поджившую корочку с фурункулов, усеявших спину и ноги. Несколько болячек, вызванных раздражением от соленой воды, угнездились у меня в паху, еще несколько выскочило на груди. Я заживо гнию.

Стараясь не замечать боли, я занимаюсь рыбной ловлей. Сквозь лихорадочный туман, застилающий взор, я поймал и умудрился поднять на борт двух спинорогов. Два раза мне удалось поразить гарпуном дораду, но оба раза тонкий ножик, выполняющий роль наконечника, не выдерживал и гнулся. Даже при сильном ударе, когда лезвие глубоко вонзается в рыбу, большая дорада с него соскальзывает. Я опасаясь, что оно в любую минуту может сломаться.

Отыскиваю в мешке сапожный нож, которым я полтора месяца тому назад рассек узы, соединявшие «Уточку» с палубой «Соло». Сбиваю с него деревянную рукоятку и затачиваю на брусочке стальное лезвие. Привязав столовый нож с одной стороны древка стрелы, а сапожный — с другой, я соединяю оба острия, так что получается V-образный наконечник. Затем я скрепляю ножи, продев шнур сквозь отверстия в их ручках. Если мне достанет сил, моя острога теперь прошьет дораду, как метеор, оставив на входе зияющий кратер. Для увеличения держащей силы нового наконечника немного отгибаю ручку столового ножа от стержня, чтобы она работала как зубрина. Эти два лезвия — мои последние металлические предметы, пригодные для оснащения гарпуна. Их потеря может стоить мне жизни. Протянутый от столового ножа к рукоятке подводного ружья предохранительный шнур — единственная страховка, от которой зависит моя жизнь. На всякий случай привязываю ружье к плоту и кладу его на брызгоотбойную юбку, уложенную поперек моего порога, где оно всегда будет наготове. На острие своего оружия я натя-

ЭВОЛЮЦИЯ КОПЬЯ

На первом рисунке стрелкой показана упругая тетива, выбрасывавшая гарпун, пока она не сорвалась и не утонула. Второй рисунок: я максимально вытягиваю гарпун вперед, чтобы увеличить радиус действия своего оружия, и плотно привязываю его к цевью ружья. Остаток шнура провожу от гарпуна к предохранительной скобе спускового крючка, застраховав таким образом стрелу от движения из-под обвязки вперед. При этом древко гарпуна проходит сквозь пластмассовую обойму на кончике цевья. В битвах с дорадами стрела и все ружье подвергаются сильным боковым нагрузкам. Из-за этого в пластмассовой обойме вскоре появляется трещина, показанная на рисунке стрелкой. Третий рисунок: я пытаюсь уменьшить боковой люфт, сместив гарпун назад, поближе к рукоятке ружья. Одновременно я усиливаю обойму дополнительными обвязками. Однако в схватке со следующей же дорадой она разрывается, гарпун загибается и переламывается в месте, указанном стрелкой. В результате загарпуненная рыба втыкает острие в стенку нижней камеры. На нижнем рисунке гарпун пришнурован уже непосредственно к цевью ружья. Страховочный линь теперь проходит к предохранительной скобе от самой передней обвязки, чтобы ее нельзя было стащить с кончика цевья.

ИМПРОВИЗИРОВАННЫЙ НАКОНЕЧНИК: В конце концов одна дорада отвинчивает зазубренный наконечник моего гарпуна и скрывается вместе с ним в пучине. Тогда с одной стороны древка я уста-

навливаю столовый нож из нержавеющей стали, а с другой — лезвие сапожного ножа. В рукоятках обоих ножей имеется по отверстию, через которые шнуром я плотно стягиваю их между собой на гарпуне. Рукоятку столового ножа я чуть отгибаю в сторону, чтобы она работала как зубрина, и закрепляю еще один страховочный шнур. Теперь даже если ножи и соскользнут с кончика металлического стержня, они останутся соединены с плотом. Лезвия я тоже слегка подгибаю, пока их кончики не соприкасаются, образовав единое V-образное острие.

На самом нижнем рисунке показана последовательность наложения обвязки — бензеля, — знать которую очень полезно всем яхтсменам. *Слева:* завяжите вокруг одного стержня выбленочный узел или удавку. *Справа:* аккуратно и плотно наложите витки шнура, сильно их обтягивая. Ходовой конец пропускается несколько раз между стержнями, охватывая стяжку поперечными шлагами-витками. Последние шлагги — их три-четыре — очень туго обожмут бензель. Заканчивается работа вязкой еще одного узла с противоположной стороны. Показанный на рисунке узел из двух шлагов, но можно завести и дополнительные.

гиваю нечто вроде защитных ножен, чтобы обезопасить надувные камеры «Уточки», если океан чего доброго вздумает с ним поупражняться.

Но прежде чем мне удалось опробовать в действии новый наконечник, пробка в нижней камере начинает дрожать и перед носом моего плота один за другим взлетают маленькие гейзеры. Завожу вокруг заплаты еще один новый жгут и крепко-накрепко его закручиваю. А когда я эту операцию заканчиваю, пробоина извергает целый вулкан хорошо откормленных пузырей. Заплату опять сорвало.

Значительно сильнее травит теперь и опреснитель, который опять прохудился. Занятый починкой камеры, я не могу оторваться, чтобы поддуть опреснитель, и он успевает тем временем съежиться. Соленая вода смешалась с драгоценным дистиллятом. Трудно сказать, сколько ее туда попало. Я прихожу к выводу, что собравшаяся в приемнике вода не слишком солоня и пригодна для питья. По мере накопления соли в моем организме мне все труднее распознавать ее на вкус. Меня очень пугает, что соленая вода стала мне казаться пресной.

Заплата в нижней камере сдает в сумерках, и я всю ночь напролет лежу без сна, тесно прижавшись к борту «Уточки», чтобы не слишком глубоко проваливаться. Мокрый и продрогший, я чувствую себя так, словно покачиваюсь в накренившейся подвесной койке,

в которую налита вода. Сбоку меня толкает что-то большое и шершавое. Опять акула. Хватаю ружье и пытаюсь полочее развернуться для удара. Резиновое днище скрипит и засасывает мои ноги, кожу в нескольких местах больно защемило в складках. Акулу во тьме не рассмотреть, поэтому я почитаю за благо повыше поднять свои заманчиво торчащие под днищем конечности, усевшись сверху на накачанной камере и прижавшись головой к навесу тента. Дрожа в ознобе, ожидаю рассвета.

Терзаю свою голову, стараясь откопать среди хлама ненужных мыслей единственную, которая подскажет мне верный способ, чтобы раз и навсегда починить прохудившуюся камеру. Тонкий шнур, который я до сих пор использовал для обвязки, легко сползает с обмотки, пока не высвобождаются кончики морщинистых губ, сложенных трубочкой вокруг пробки. Может быть, если взять более толстый шнур, он не будет скатываться на край. Сначала я прихвачу только самые краешки губ, а потом буду равномерно наворачивать на них виток за витком, так что шнур по спирали навьется на пробку, как проволока на барабан, постепенно все сильнее и сильнее вытягивая губы, и, наконец, крепко заткнет непослушную пасть.

С первыми проблесками зари я реализую эту идею, пустив в дело четвертьдюймовый линь от плавучего якоря. Благодарение Господу, мое новое изобретение оказалось удачным!

Спустя три часа все опять разваливается.

Передельваю все заново, наложив несколько жгутов из тонкого шнура между камерой и обвязкой, и опять подсоединяю помпу. Накачиваю камеру ровно настолько, чтобы она лишь приобрела надлежащую форму.

Снизу ощущаются какие-то равномерные толчки. Выползаю на крышу, сминая своим весом тент почти до основания, и выглядываю за корму. На ощупь выясняю, что ржавый газовый баллончик, газом из которого был первоначально надут мой плот, вывалился из своей сумки. Мало того что это приманка для акул — свободно болтающийся шероховатый металлический цилиндр может быстренько протереть в моем судне еще одну дыру. Поднялся ветер, и меня захлестывают подбегающие с востока волны, а моя «Уточка» так и ходит вверх-вниз. Про-

бую потянуть за шланг, соединяющий баллон с нижней камерой плота. Баллончик оказывается увесистым, наверное, он полон воды и, как я ни изошряюсь, отказывается встать на место. Шланг пропущен сквозь отверстие в стенке кармана, а слабины в нем никак не достаточно для того, чтобы вытащить баллон из воды в противоположном направлении. В общем ни туда, ни сюда, а оставлять все как есть тоже решительно недопустимо. Проклятье! Нашупываю под днищем чертов карман и принимаюсь вспарывать его финкой, сосредоточив все внимание на том, чтобы не выронить нож и не проткнуть камеру. Дважды руку мою пронзает острая боль. Ничего! Невелика важность порезаться. Наконец дело сделано, я втаскиваю баллончик на борт и привязываю его к верхней камере.

Руки мои налиты свинцом, все тело ломит, а голова словно набита опилками. В последние дни мне удавалось поспать не больше чем час-другой. И все это время я непрерывно мокнул в соленой воде. Фурункулы лопнули. Язвы разрастаются. То место на левом предплечье, где я стер кожу, трудясь над заплатой, воспалилось и стало гноиться. Я прихожу в отчаяние, пытаюсь урвать время для всех необходимых дел — рыбалки, навигации, присмотра за опреснителем и ведения наблюдений, — ведь мне одинаково необходимы — пища, вода и отдых; я работаю, пока не валюсь без сил. Добыв еще одного спинорога, я накинулся на эту никудышную рыбешку, словно это по меньшей мере жареная утка. Необходимость снова и снова подкачивать плот лишает меня ночного сна. Больше не существует четкой грани между добром и злом, прекрасным и безобразным. Жизнь превратилась в череду сиюминутных дел, и я все глубже погружаюсь в омут страданий и изнурения. Все связанное с борьбой за существование действия я выполняю теперь рефлекторно, не задумываясь. Идет дождь, и я вскакиваю, чтобы собрать полдюжины унций воды, посматривая с тупым раздражением на целые ручьи, вливающиеся в пасть навеса, в русле которых чистая вода тут же превращается в ядовитую желчь.

С тех пор как я продырявил нижнюю камеру, погода стоит относительно спокойная. С одной стороны, это большая удача, потому что за это время я смог все-таки

довести до ума заплату. Если бы при спущенной нижней камере разыгрался еще и шторм, я бы скорее всего утонул, а уж мое снаряжение, наверняка, было бы смыто и унесено волнами. Как известно, всякая удача всегда имеет обратную сторону: во время затишья плавание страшно замедляется. Но недавно снова задул бриз — сейчас он достиг уже 20 узлов, — море неспокойно, хотя это еще и не шторм. Я рад свежему ветру. По крайней мере мы больше не стоим на месте.

Я так ослабел, что уже неделю тому назад забросил йогу. Пока не случилась последняя авария, я полагал, что процесс истощения стабилизировался, но сейчас мое тело исхудало еще больше и с каждым днем продолжает худеть. Ничего, я выдержу. Другим приходилось и того хуже. Помни, что ты вступил на финишную прямую: никаких послаблений, прибавить шагу! Ты должен двигаться, даже если протрутятся новые дыры в твоей шкуре, нельзя сейчас сходить с дистанции. В этой гонке не присуждают второго места, здесь можно только победить или проиграть. И тут не раздают ни лент, ни призов. Надо терпеть и держаться до последнего.

Неужели море снова сорвет мою заплату? Ну-ка, без паники. БЕЗ ПАНИКИ! Как-то я умудряюсь заснуть. И снится мне, будто вся моя семья, все друзья и все те, кого я в своей жизни любил, собрались на пикник. Они рассаживаются в ряд на низкой каменной стенке, а я хочу сделать их групповой снимок, но все вместе они никак не помещаются в кадр. «Тебе придется отойти подальше» — кричат они мне. — «Дальше, дальше, не останавливайся, еще дальше!» И я все пячусь назад, пытаюсь втиснуть всю толпу в рамку видеоискателя. Вот уже тысячи мелких пятнышек кричат: «Давай дальше!» Они все мельчают и мельчают, но в поле зрения моего аппарата вторгаются все новые и новые люди, пока каждый из них не расплывается в зыбком тумане и не исчезает совсем.

Проваливающийся пол подо мною проделывает такие выкрутасы, что нарочно не придумаешь. Я не могу даже мысленно вообразить себе, как стал бы что-то чинить в таких условиях. Заткнутая кляпом глотка клокочет и плюется, но заплата держит.

Для того чтобы копы не проткнуло нечаянно надутую камеру, а любопытные рыбы не растрепали бы в ней

затычку, я накидываю на днище кусок парусины, конец которой перевешивается через передний борт и волочится в воде, прикрывая подводную часть плота. Это новшество делает «Резиновую уточку» похожей на морское чудище с широкой пастью, из которой свешивается длинный плоский язык, причем сам я торчу у нее в зеве, как большая распухшая миндалина. Я привязываю язык к плоту, чтобы он не полоскался в воде и не мешал мне целиться во время охоты.

Чем дальше мы продвигаемся на запад, тем сильнее чувствуется влияние теплых и влажных пассатов. По небу разбросаны пухлые кучевые облака, они разрастаются, как рассада цветной капусты на хорошо унавоженных грядках. То здесь, то там возникают дымчатые полосы проливных дождей. Убираю воздушного змея, которого изготовил в качестве сигнального устройства и который в конце концов пригодился, чтобы отводить с его помощью воду, подтекающую через смотровой люк. На его место я укрепляю пластиковый мешок; пользы от него меньше, но в качестве временной замены годится и это. В дождь я водружаю змея на крышу как щит, наклонив его вытянутым концом над водосборным ящиком. Увеличенная поверхность водосбора позволяет мне добыть сразу почти пинту небесного эликсира.

Вот уже которые сутки на складе моей мясной лавки нет ни грамма свежей провизии. Осталось лишь несколько засохших рыбных палочек. Выглядят они отлично, даром что провисели там целый месяц. Но чтобы разжевать эти окаменелости, отливающие янтарной желтизной, приходится сначала полчаса продержать их во рту, чтобы они немного размокли.

В последнее время у меня в голове все время крутятся две песенки из репертуара «Битлз», и я никак не могу от них отвязаться. Как поется -в одной из них «I'm so tired», я действительно *так устал*, что определенно плохо соображаю. О'кей, почему бы тогда не встать и не приготовить себе чего-нибудь выпить? Выпить... выпить... Гм. И словно в ответ на это обескураживающее, прямо скажем, предложение, взрывается вторая песенка «*Everybody needs somebody, somehow*». Помогите мне! Да, конечно, мне нужен *кто-то* рядом, я бы согласился сейчас на *кого угодно*. Я без колебаний принял бы любую протянутую мне руку. О, люди

добрые, слышите ли вы меня здесь? Помогите! Само собой, никто не приходит, и выпить тоже нечего, но песенки не умолкают.

Грезы о еде, которые меня одолевают, стали еще более яркими, чем прежде. Иногда я ощущаю запах пищи, однажды я даже ощутил вкус воображаемого блюда, но пища эта все же не материализуется. Реальное ощущение голода не покидает меня даже после еды.

Затеваю еще одну попытку загарпунить дораду. Удар необходимо нанести сейчас сверхискусно. Моими ножами невозможно проткнуть рыбу под углом, нельзя также метить в спину — эта мускулистая часть слишком тверда для моего гарпуна. Надо как-то изловчиться, чтобы попасть рыбе в брюхо. Мои подводные мишени развивают скорость более 30 миль в час, а я должен поразить цель, попав точно в самое яблочко, площадь которого равняется нескольким дюймам. По-видимому, для меня это непосильная задача. Но дело в том, что дорады все время пинают «Резиновую уточку» по-разному, каждая на свой лад. Некоторые просто с силой бьют в днище носом или колотят по борту хвостом, а иные трутся боком об мои колени и также боком выскакивают передо мной из-под плота. Они скользят так близко, что я могу разглядеть во всех подробностях их глаза, мелкие шрамы и крошечные точки ноздрей.

Лезвия ножей вспыхивают под солнечными лучами. «Уточка» испускает резиновый стон, словно в испуге. Расстилаю парусину, спальник и пенопластовый матрас, чтобы как можно лучше защитить плот, особенно надувные камеры. Моя острога изящно вонзается под самый спинной хребет дорады и пробивает в ней огромную дыру. Подхватываю оружие левой рукой и достаю бьющуюся рыбину из воды, подняв копьё острием вверх. В яростной борьбе стараюсь пригвоздить ее к спальному мешку. Когда мой нож сокрушает наконец ее позвоночник, вокруг все забрызгано икрой и кровью. Ну и что? Зато у меня снова есть пища! Я неуклюже прыгаю от радости, вопя: «Пища! Пища!»

Самодельное копьё будет служить. Я снова могу подкрепить свои силы. «Уточка» плывет хорошо, заплатка держит. Запас пищи пополнился, его хватит на неделю, а то и на две. Силы мои уже были на исходе, но в эти минуты ко мне пришло второе дыхание... А может быть.

уже восьмое или девятое? Полтора месяца назад я думал, что у меня есть один шанс на миллион, вчера полагал — чуть меньше одного на десять. Сейчас их пятьдесят на пятьдесят.

Уроки, извлеченные при разделке спинорогов, не прошли даром: я нахожу новые мясистые участки в голове дорады. Но еще важнее для меня новые источники влаги — от жирных студенистых глазниц до слизистых покровов, расположенных глубоко в полости жабр. За борт я выбрасываю лишь дочиستا обглоданный череп. Желудок рыбы набит до отказа. Я вырезаю его, аккуратно сливаю в море желудочный сок, вспарываю желудочную стенку и обнаруживаю там проглоченную дорадой крупную рыбу. Она занимала весь пищевод и желудок дорады, а мордой утыкалась прямо в кишечник. Просто не верится, чтобы дорада смогла проглотить добычу такого размера. Скорее уж можно подумать, что ей насильно затолкали в горло эту рыбу шомполом. Промываю в океанской воде незадачливую жертву. Дорада успела переварить только ее кожу. Темное мясо обладает чуть острым привкусом и почти неотличимо от мяса скумбрии. Воображаю себе, что ем рыбу под маринадом. Дополнительный фунт рыбки — какой сюрприз! И два полных комплекта внутренностей, включая икру. Первый раз за целый месяц я чувствую себя сытым. Удача пришла в критический момент. Мне очень нужно было немножко везения. Воспринимаю эту рыбу как добрый знак, точно так же, как убив, но потеряв большую дораду, я чувствовал, что то было дурным знаком. Тогда мои предчувствия оправдались. Надеюсь, что и на этот раз они меня не подведут и в моей жизни наступит светлая полоса.

В *Уточковой слободке*, где я теперь живу, между ее обитателями установились самые добрососедские отношения. Рыбы стали моими добрыми знакомыми, я уже знаю их в лицо и люблю с ними поболтать, посплетничать, обсудить разные слухи. Толчок дорады, легкий клевок спинорога или скребущий звук, с которым трется о днище акула, я различаю не хуже, чем вы, услышав стук, догадываетесь, кто к вам пришел в гости; нередко я даже угадываю, которая из рыб шлепнула по плоту хвостом или боднула его головой. Я чувствую присутствие рыб, даже когда они не трогают мой плот.

Я люблю своих маленьких друзей, и мне нравится этот народец. Здесь нет одержимых политикой, амбициями или враждой, здесь царит простая, бесхитростная, мирная жизнь.

Тем не менее и в этом городке есть своя тайна. Я не смог поймать дораду на крючок, но они подплывали так близко, что я мог их загарпунить. Потом я потерял тетиву, и они стали недосыгаемы, но тут же стали подплывать ко мне еще ближе. Сейчас, когда радиус действия моего копья уменьшился еще больше и силы мои поубавились, рыбы стали ложиться набок, подставляя себя под удар. Они как будто стараются мне помочь, как будто сами хотят, чтобы их плоть смешалась с моею.

Высоко в небе раскинулись два длинных тонких крыла с грациозным изгибом, позади реет раздвоенный хвост. Обычно фрегаты не рискуют залетать так далеко от суши, потому что не спят на воде и не охотятся на рыб - по крайней мере так говорится в книгах. Однако внешний вид этой птицы — характерное положение остроконечных крыльев, очертание стройного тела, форма хвоста — все бесспорно совпадает с книжным описанием. Отсюда до берега 600 миль, но птица, похоже, высматривает здесь тех же самых летучих рыбок, на которых охотятся дорады.

Приходит ночь, и погода заметно портится. Нос плота попеременно то зарывается в волны, то взлетает на гребни, и слышно, как бурлит и булькает вода возле заплаты. Качать теперь приходится гораздо чаще, каждые полчаса; очевидно, что я недолго выдержу при такой физической нагрузке.

Высокие волны с пенными гребнями время от времени обрушиваются на тент, и всякий раз через лючок над моей головой на меня проливается несколько кварт морской воды. Плот кидает вверх-вниз, и я вишу на леере, не отрывая рук, чтобы удержаться, когда «Уточка» нырнет вниз. Спать в этих условиях все равно невозможно, и я терпеливо дожидаясь солнечного тепла. Внезапно прямо возле моего уха раздаются какие-то громкие хлопки по навесу. Выпрыгиваю наружу и успеваю схватить летучую рыбу прежде, чем ей удастся скатиться обратно в море. Когда под полог «Резиновой уточки» заглядывает солнце, берусь за чистку своей ночной добычи. Голова этой красивой рыбки имеет форму пере-

вернутого треугольника. Огромные глазищи смотрят вниз и в стороны, чтобы во время парения над водой держать в поле зрения преследующих ее хищников. Обдираю крупные круглые чешуйки с плоской спинки цвета индиго и подтянутого белого брюшка, а потом срезаю длинные полупрозрачные крылышки. Раздвоенный хвостовой плавник образует букву V, причем нижняя часть почти вдвое длиннее верхней. Летучие рыбы способны пролетать более сотни ярдов, а меняя положение этого маленького руля, они могут изменить направление полета или увеличить его дальность на несколько ярдов. Слепые полеты в ночной темноте иногда заканчиваются тем, что целая стая натывается на проходящую яхту; тогда слышится звук, как будто борт яхты прошла пулеметная очередь. Не раз поздно вечером или рано утром сон мой обрывался от болезненного толчка в грудь или в лицо. У этих летунов нежное розовато-белое мясо.

На рассвете я снова вижу над собой фрегата. Можно ли после этого верить, что они никогда не проводят ночь в море? Фрегат висит в небе почти без движения, будто нарисованный.

Тепла я так и не дождался. Солнце прячется за тучами, вокруг бушуют черные волны. Мне неохота вылезать из спального мешка, но тут шальная волна бьет «Уточку» по носу, и даже сквозь чудовищный грохот разбушевавшегося моря я слышу резкий шипящий звук. Нижняя камера становится дряблой, пол пузырем вздувается вверх, и мы опять глубоко оседаем в воду. Вычерпывать бесполезно. Высота надводного борта теперь не более нескольких дюймов. Волны гуляют по плоту как им заблагорассудится.

Пенопластовая пробка целиком выскочила из пробоины. Ну что же, значит, ее надо будет пришить и еще раз понизить в камере давление, которое растягивает собранные в узел края разрыва. Так как кратчайшее расстояние между двумя точками есть прямая, решаю задать своему плоту некоторую деформацию, чтобы при взгляде сверху он был похож на пончик с надкушенным с одной стороны краешком. Продергиваю лить от одного резинового ушка, держащего наружный леер, до другого поперек носа несколько раз и скручиваю стяжку до тех пор, пока мой плот не превращается в деформированный бублик. Затем провожу лить с носа на корму и наби-

ваю его так, что плот складывается пополам. Благодаря этому нос приподнимается над водой и разрыв в борту предстает перед моими глазами во всей своей красе. Шилом протыкаю маленькие дырочки по краям отверстия и в пробке, пропихиваю сквозь них тонкий шнурок и привязываю пробку на место. Как я уже неоднократно проделывал раньше, снова захлестываю ее петлей из толстого линя, делаю обвязку и все прочее, что необходимо. Но когда «Уточка» снова оказывается на плаву, по резиновым камерам немолчным эхом продолжает разноситься тонкий посвист утекающего сквозь заплату воздуха.

Еще одна мучительная ночь. На море стоит зыбь высотой от шести до десяти футов. С навеса на меня стекают струйки едкой морской воды. К пронзительной, жгучей боли от фурункулов добавились еще приступы пульсирующей боли в перетруженных мышцах.

27 марта,
день пятьдесят первый

В ДЕВЯТЬ ЧАСОВ УТРА МОЯ ЗАТЫЧКА ОПЯТЬ НАЧИНАЕТ ПРОПУСКАТЬ ВОЗДУХ. Разделанные кусочки дорлады упали на мокрый пол, теперь они неминуемо и очень быстро прогоркнут. Меня терзает боль от сотен незаживающих язв. Многие из них гноятся. На прошедшей неделе мне доводилось спать не больше четырех часов в сутки, пищи мне доставалось меньше чем по два фунта на день, а работал я почти без перерывов. Я начинаю впадать в панику.

Но это надо прекратить! Я должен запечатать проклятую дыру! Не могу. Перетруженные руки не слушаются. Замолчи! Раз надо — значит надо. Выбора у тебя нет. Давайте, руки, ну пошевелитесь же! Я всеми силами стараюсь принудить свое избитое и измученное тело взяться за работу. Подползаю к борту, перевязываю заплату. Спускает. Перевязываю все сначала еще раз. Спускает! Раз за разом море с силой швыряет плот в пучину, волны окатывают меня водой, которая яростными потоками переливается через плот. Колющие спазмы,

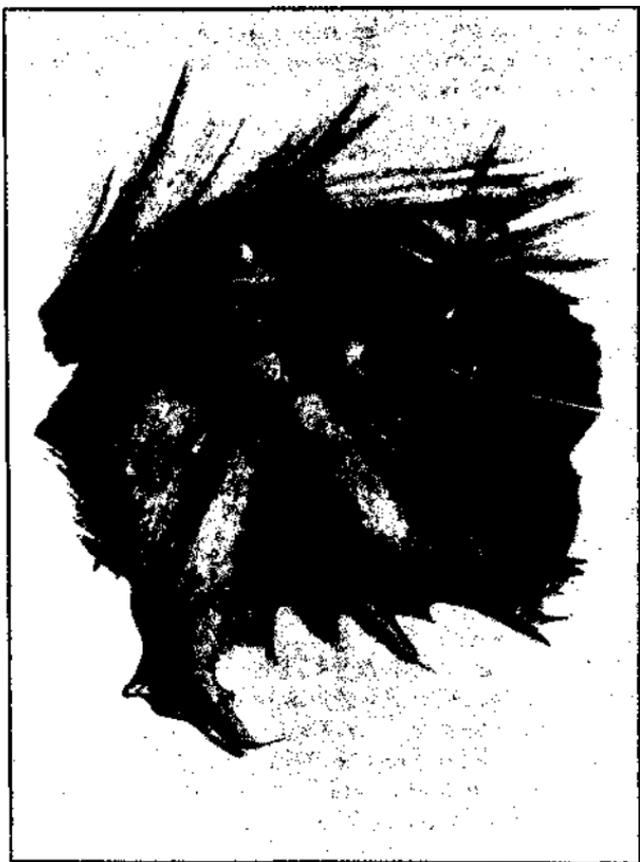
мучительные приступы боли, трепет и конвульсивные подергивания мышц, резкие прострелы... Я больше не могу! Я не справлюсь! Прекратить ныть! *Туже*, ты *должен* затянуть эти веревки! Отступить нельзя. Все плывет перед глазами. Слова отдаются гулким эхом. Забытые воспоминания. Руки трясутся, кожа лопается. Тяни сильнее, *сильнее!* Дыхание вырывается со стоном. Сжимаю помпу: пых! Сколько раз? Не знаю, не могу сосчитать. Наверное, триста. Теперь еще верхнюю камеру, эту девяносто раз. Руки мои выворачиваются из суставов, с меня будто заживо сдирают кожу. Сверху обрушивается очередная волна. Все скачет и трясется перед глазами. Спускает. Обвяжи ее снова, потуже. Стяни резину вокруг затычки. На носу безжизненно болтается опреснитель. Надо накачать камеру. Нажал, отпустил, нажал. Двести восемьдесят. Чутко передохни. Отдохнул — качай. Двести восемьдесят один... Спускает!

Валюсь с ног не в состоянии пошевелинуться. Левая рука у меня совсем онемела. Беру ее правой и кладу на грудь. Надо мной сгущается ночь. Очень холодно, но я даже не дрожу. Жизнь уходит из моего мертвеющего тела, мне остается только безвольно, как мокрой тряпиче, носиться по морской поверхности. Двигаться сам я больше не способен. Онемение охватывает все члены. Это конец.

Мое тяжелое, прерывистое дыхание пресекается. Должно быть, пора. Восемь суток я бьюсь над тем, чтобы заткнуть дыру. Хватит, больше не могу. Океанские волны куда-то несут меня, заливают водой, колотят, но я не сопротивляюсь, я даже почти ничего не чувствую. Господи, как я устал. Райские кущи, нирвана, мокса — где они? Не вижу я их, не ощущаю. Одна сплошная тьма. Иллюзия это или реальность? Ах, это все лишь словесные игры религии и философии. Все слова нереальны. А время? Время — да. Минут пятьдесят один день, и еще у меня есть несколько часов. Сначала я споткнулся, потом упал и вот — погиб. Отчего это так, отчего? Вечность? Океан катит волну за волной. И я плыву по волнам, уплываю. Но нет. Я — другое дело. Углерод, вода, энергия, любовь. Это — продолжается. Они — плоть и кровь бытия, самого Бога; они — в вечном напряжении, в движении. А я погиб — пропал без следа.

Мне страшно, очень страшно. Из глаз заструились слезы, и я отпрянул от разверзнувшейся передо мной пустоты. Я всхлипываю от злости, от жалости к самому себе. Судорожно цепляюсь за кручу, силясь выползти обратно, но пальцы срываются, я теряю опору и скольжу все ниже, ниже, ниже. Истерические рыдания, вопли, прощание с надеждой. Скребу ногтями, пытаюсь ухватиться хотя бы за что-нибудь, но не нахожу даже самой малой зацепки. Темнота сгущается, замыкает меня в свой круг. Сколько других глаз, подобно моим, взирали в эту бездну? Я физически чувствую их присутствие. Миллионы лиц встают со всех сторон вокруг меня, заполняя собою пространство, и шелестящим шепотом взывают ко мне: «Иди к нам, твой час настал».

**ДВАЖДЫ В АД
И ОБРАТНО**

*ГОЛОВА РАБОТАЕТ ПЛОХО...
ВРЕМЕНАМИ МЫСЛИ ТЕКУТ ЛОГИЧНО
И ВДРУГ, СПОТКНУВШИСЬ ОБО ЧТО-ТО,
ПУТАЮТСЯ И ЗАПЛЕТАЮТСЯ,
КАК НОГИ У ПЬЯНИЦЫ.*

ПРИЗРАКИ ПРОТЯГИВАЮТ ИЗ ТЕМНОТЫ СВОИ мертвые руки и тащат меня вниз. Я падаю. Мой час пробил.

28 марта,
день пятьдесят второй

«НЕТ!— КРИЧУ Я ИСТОШНЫМ ГОЛОСОМ.— НЕ МОГУ! Не хочу! Не пойду!» Что-то меня здесь держит. По лицу ручьем льются слезы и смешиваются с соленой водой океана, уже омывающим мое безжизненное тело. Умрешь, скоро умрешь... Нужно что-то ответить им. Я хочу... да! Вот оно — я хочу жить! Вопреки всем кошмарам и ужасам. Вопреки всему, что бы ни поджидало меня впереди. Я содрогаюсь в рыданиях: «Я хочу ЖИТЬ, ЖИТЬ, ЖИТЬ!»

Не могу.

Должен! Черт возьми, да открой же глаза! Отяжелевшие от утомления веки не слушаются, моргают. Пытаюсь сфокусировать взгляд.

Получается не очень-то хорошо.

Кончай скулить! Ну, кому сказано! Эй, вы, руки, держать! НАВАЛИСЬ! Еще раз — НАВАЛИСЬ! Хорошо. Уже стало повыше. Вот теперь ты уже не утонешь. Как тяжело дышать. Ничего! Держись, парень!

Голова идет кругом, в глазах мутный туман. Под навес вкатывает волна. Холодная. Пускай. Тебе полезно немного остыть. Прекратить ныть! Натяни на себя вот этот мешок. Пошевеливайся! Вот так, порядок. Теперь отдыхай. Сейчас все происходящее тебя не касается. У тебя снова все хорошо. Ты меня слышишь?

Да.

Прекрасно.

Что будет дальше? В следующий раз будет еще труднее.

Заткнись! Надо будет что-то придумать. Что? Сначала надо согреться, отдохнуть, собраться с мыслями. Может быть, один шанс еще и есть. Может быть, нет и его. Что бы ни было, это должно сработать с первой попытки.

Если не сработает, ты УМРЕШЬ! Умрешь, умрешь, умрешь... Да. Этот единственный шанс я должен использовать с толком.

А теперь обдумай все с самого начала. Точно определи проблему. Воспользуйся всем своим опытом.

Голова работает плохо... Временами мысли текут логично и вдруг, споткнувшись обо что-то, путаются и заплетаются, как ноги у пьяницы. Умереть, исчезнуть бесследно... О, смерть — великая загадка... К черту, оставь сейчас это. Сконцентрируйся на своей задаче! Отлично. Старая проблема: пробка вылетает из пробоины. Разрешена вшиванием ее между краями разрыва. Проблема текущая: обвязка не держится и сползает. Необходимо ее удержать на месте. Каким оборудованием я располагаю? Космическое одеяло, ракетница, бесполезная зажигалка, пластиковый пакет. Нельзя ли подтянуть днище, скатав его вокруг нижней камеры и прикрепив как-нибудь к верхней? Нет, такое решение немногим лучше прежнего, к тому же это чересчур сложно. Для этого придется проколоть отверстия в нижней камере, а значит, я не оставлю себе пути к отступлению. Нет, тут нужно более простое решение. Что еще у меня есть? Аптечка, бинты, ножницы, суровая нить, льня. И все те материалы, которые я уже применял раньше, — ложка, вилка, радиолокационный отра... Вилка! Ну, конечно же! О чем же ты, дурак, думал раньше! Решено — нужна вилка!

По венам моим толчками расходится адреналин. Словно по волшебству, у меня появляется достаточно сил, чтобы плотно завернуться в спальник и начать по крупницам возвращать тепло окоченевшему телу. Я съедаю всю рыбу, какая только подворачивается мне под руку, жду и обдумываю новую идею. Всю ночь я, не смыкая глаз, составляю план завтрашних действий. Прикидываю каждую деталь, просчитываю каждую возможность и предполагаемые последствия. Не знаю, переживу ли я эту ночь, однако надо постараться. Сворачиваюсь калачиком и стараюсь не прислоняться к холодным участкам плота, еще не согретым теплом моего тела. Наконец забрезжил серый рассвет, а потом на небе проступили оранжевые тона.

Сбрасываю все свои покровы и чувствую на коже прохладное дыхание утреннего бриза. Острием финского ножа аккуратно прорезаю в губе тонкую щель от верхнего края разрыва через пенопластовый язык до нижнего края. Обламываю у вилки зубцы и просовываю ручку в прорезь, так что концы ее торчат с двух сторон, как кость, продетая в носу дикаря-каннибала. В ручке есть два отверстия, одно пришлось над верхним, другое — над нижним краем пробоины. Накладываю знакомую обвязку, пропустив ходовой конец через эти отверстия и обеспечив тем самым стабильное положение ручки в прорези. Теперь витки шнура удерживаются вилкой и не будут сползать, если только она не сломается. Вначале я с помощью тонкого шнура прихватываю середину губ и плотно обжимаю их вокруг языка. Потом обвиваю заплату более толстым линем, пока он не собирает губы складкой и не упрячивает под собой внешние уголки рта. Назначение толстого линя лежать ровными витками и стягивать губы в гримасу. Окончательно я запечатываю заплату жгутом, заведенным позади обвязки из линя и туго обтянутым. Более толстая веревка не позволит жгуту сползать, когда камера наполнится воздухом.

После каждого этапа этой операции я даю себе передышку, поэтому на нее уходит полдня. Но вот все готово, и я принимаюсь накачивать камеру. То, что я раньше успевал сделать за пять минут, теперь растягивается у меня на полчаса. А спустя полтора часа нижняя камера опять заметно обмякла. Это повергает меня в уныние, но куда у меня есть какие-то силы, я должен снова и снова повторять свои попытки совладать с чертовой дырой. У меня просто нет выбора.

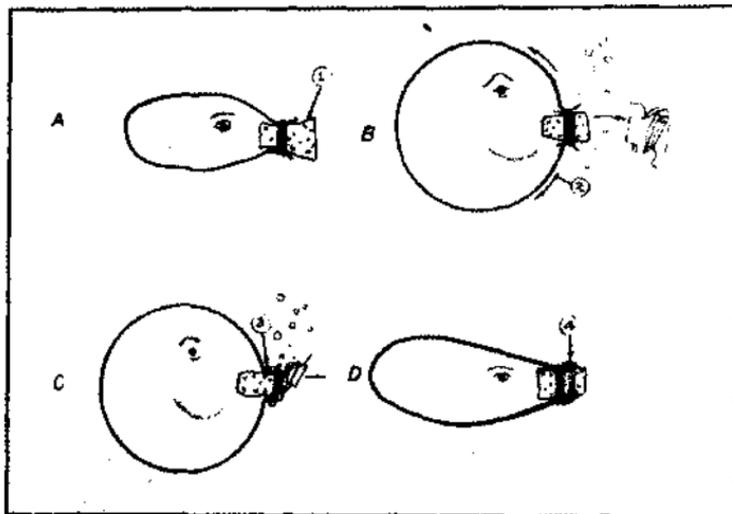
Вилка моя благополучно удерживает обвязку на губах, но по обе стороны в уголках рта резина вздулась и оттуда незаметно утекает воздух. Расправляю обвязку в этих местах и фиксирую ее там, используя все, что только можно — и деформирующие плот стяжки, и резиновые леерные скобы на верхней камере, и все прочее. Заворачиваю жгут еще на несколько оборотов и накладываю поверх него еще один. Пора качать. На этот раз я пыхчу громче, чем pompa. За час моей работы «Уточка» жиреет на воздушных харчах, уверенно приподнимается над водой и

пускается в дрейф, скользя по океану, как срезанный лист кувшинки. А я валюсь точно пыльный мешок.

Я выиграл двенадцать часов блаженства, в течение которых не нужно было подкачивать «Уточку». Она уже не выпускает за несколько часов весь накаченный воздух. Вместо трехсот качаний я делаю всего тридцать, и этого достаточно, чтобы ее брюхо раздулось, как арбуз. И пусть теперь море корчится под тусклым покровом серого неба. Пусть боль пронизывает все мое тело, пусть меня томят голод и жажда. Я все равно чувствую себя великолепно. Наконец я добился своего.

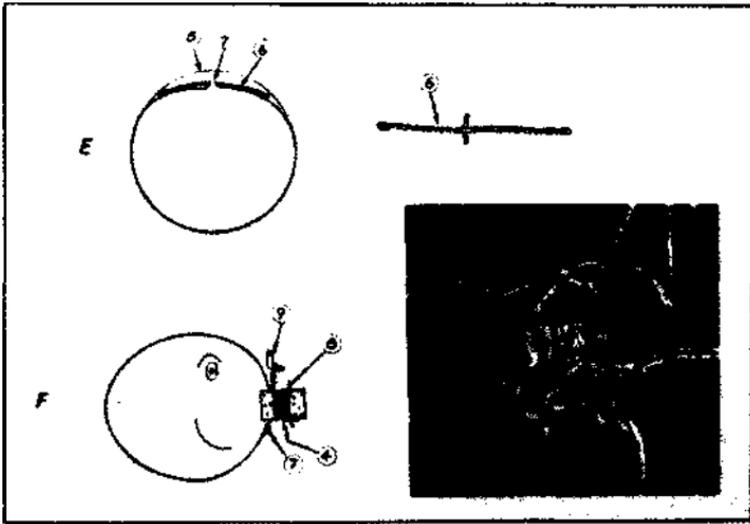
Дважды за время этого дрейфа смерть казалась неотвратимой: в первый раз в ночь гибели «Соло», а во второй — вчера ночью, когда в любую минуту мог наступить конец. В первый раз мне понадобилось больше недели для того, чтобы освоиться на плоту и научиться добывать столько воды и пищи, чтобы у меня появилась надежда как-то выкарабкаться из дьявольской западни, в которой я оказался. Во второй я очутился в гораздо худшем положении. Пробоина в нижней камере превратила мою жизнь в сплошной кошмар — такого я даже не мог себе вообразить в начале этого путешествия. Я будто дважды спустился в ад и вернулся обратно, во второй раз это приключение заняло больше времени, показалось мне страшней и безнадежней, чем в первый. Третьего я уже не выдержу. Я все еще не уверен, достанет ли у меня сил оправиться после всего пережитого и продержаться оставшиеся три-четыре недели, пока ветер и течение не прибьют меня к Антильским островам. Уверенность мне совершенно необходима. Меня ждет уйма работы, и для того, чтобы с нею справиться, я должен твердо и безусловно подчинить своей воле и судно, и самого себя. Встаю, обращаю лицо к ветру и в недвусмысленных выражениях приказываю костлявой старухе с косой согнуть с моего пути!

У меня кончилась рыба и осталось мало воды. В наступившей ночной темноте море больно охаживает меня по бокам, но эти колотушки уже не доходят до моего сознания. Мне нужен отдых, и в ожидании солнца я засыпаю, медленно-медленно возвращаясь из царства мертвых к берегу живых.

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАПЛАТЫ В НИЖНЕЙ КАМЕРЕ

А — формой своей разрыв напоминает рот. Затыкаю его пробкой из пенопласта (1) и обматываю его губы шнуром. Если теперь взглянуть сверху, то окажется, что краешки рта обвязкой едва прихвачены. В — после надувания камеры губы расплзаются в противоположные стороны (2). Они вылезают из-под обвязки, шнур сползает, а пенопластовая пробка вываливается из отверстия, и в результате камера снова спускает. С — пробка через сквозные отверстия в краях вшивается в ткань (3). Однако при накачивании камеры губы все равно растягиваются и тонкий шнур, перекачиваясь сам через себя, опять сваливается. D — обматываю губы более толстым шнуром (4), который удерживает тонкую обвязку. Но при наполнении камеры воздухом все повторяется сначала: губы начинают растягиваться, сдирая с пробки обе обвязки. Прикрепляю лишь с помощью дополнительных штертиков к различным точкам плота. Хотя обвязки теперь и не спадают со рта, но краешки губ упорно продолжают из-под них выползать, как бы туго я ни старался обтягивать витки этих обвязок. E — так обычно выглядит плот в плане, а так я его изгибаю, чтобы побольше прикрыть пробку губами. Обычная его форма показана штрих-пунктирной линией (5). Заведя между двумя резиновыми ушками на борту петли из лямки, я делаю закрутку (6), стягивая борта. Это позволяет слегка утопить весь рот в складчатой морщине даже при надутой камере (7). F — окончательный вариант моей заплаты. Сквозь верхнюю губу, пенопластовую затычку и нижнюю губу продета рукоятка от вилки (8). Благодаря ей витки обвязок не срываются с края заплаты. Сначала здесь намотан толстый шнур (4) таким образом, чтобы подобрать под себя все краешки губ и уголки рта. Затем заплатка плотно прихвачена тонким шнуром, который обеспечивает обжатие резиновых губ к пробке. Последним с той же целью наложен и

закручен жгут (9). Упор в вилку предотвращает выскальзывание краев разрыва из-под обвязки, и вся заплата оказывается при этом настолько надежной, что в итоге нижняя камера держит воздух даже лучше. *Фотография* заплаты в ее окончательном виде: здесь видны проходящие снизу стяжки, пропущенные к ближайшей проушине (7). Металлический штырь предназначен для закрутки. (Foto Benjamin Mendlowitz © 1982.)

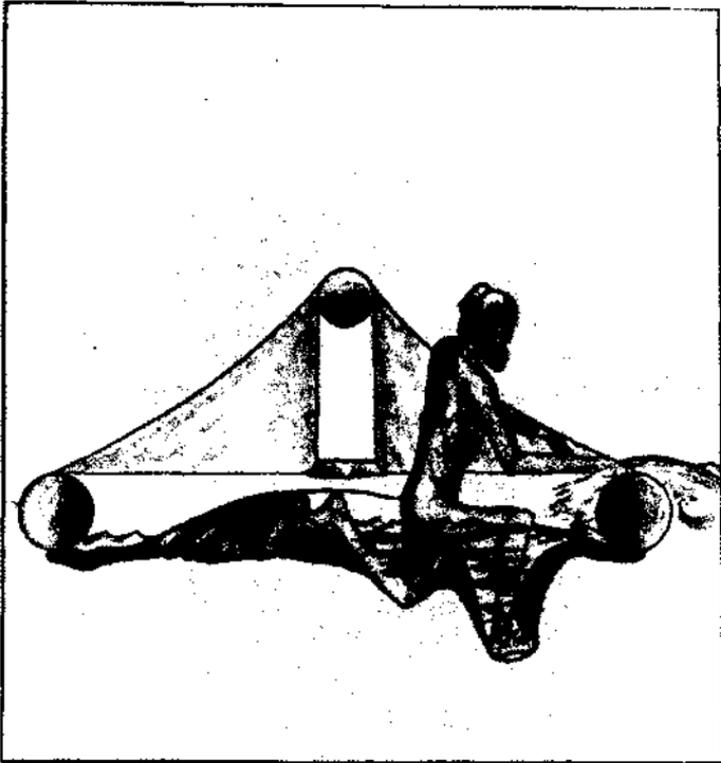
На пятьдесят третий день плавания солнце расчищает небо от облаков, хотя ветер по-прежнему резко подталкивает нас вперед. Заплата за ночь немного ослабела, но все-таки держится. Меня будто переехал паровоз, но зато я больше, чем когда-либо, уверен, что благополучно выберусь из этой переделки. Даже если заплата развалится, я смогу быстро ее восстановить. Главное — моя система оказалась надежной. Отсюда до островов еще около трех недель дрейфа. Организм мой опустился на новый уровень истощения, и на поправку сейчас нет никаких шансов, как нет и надежды справиться еще с одной какой-нибудь крупной катастрофой. Отныне и впредь все мое время будет посвящено борьбе за то, чтобы не оборвалась тонкая нить, удерживающая меня над бездной.

В начале этого путешествия между рациональным рассудком и остальными составляющими моей личности не было глубокой пропасти. Опыт и тренировка, давно

превратившиеся в инстинкты, управляли моими эмоциями, а тело не боялось работы. Но с каждым днем, по мере того как острый меч бытия наносит мне новые глубокие раны, происходит все более сильное раздвоение личности. Эмоциональный стресс достиг уже предела. По самому незначительному поводу я впадаю то в гнев, то в глубокую депрессию или испытываю безграничную жалость, особенно по отношению к убитым рыбам. Тело мое так измучено, что с трудом повинуется командам рассудка. Тело хочет только покоя и избавления от физических страданий. Но благоразумие не разрешает мне прикасаться к аптечке, потому что запас медикаментов в ней мал, а они могут еще потребоваться, если случится серьезная травма. Подобные решения разума дорого обходятся остальным членам моего экипажа. Насилюя свои эмоции, я понуждаю себя к убийству, чтобы поддерживать тело. Мне приходится принуждать руки и ноги к действию, чтобы внушить самому себе надежду. Стараюсь как-то примирить между собой противоречивые потребности моего «я», сознавая, что, подчиняя все жестоким требованиям холодного разума, скоро доведу себя до срыва. Воля моя постепенно слабеет, и, если она изменит мне, я пропал. Острота этой проблемы заставляет меня даже забывать о том, что я живу на краю пропасти. Я все время настороже, чтобы вовремя подавить внутренний бунт.

Впервые за все время пробую высушить спальный мешок, вывесив его сверху на тенте. Он так отяжелел от сырости, что сплющил навес. Пытаюсь потуже накачать надувную арку тента. Ноги у меня стали как ватные, и у меня едва хватает сил продержаться стоя несколько минут, чтобы развесить и привязать к тенту спальный мешок, так как иначе его может унести ветром. Внутри моей пещеры сразу становится темнее и прохладнее, но так даже лучше, когда солнце стоит в зените. Хотя на мешок попадают брызги, он за день успевает более или менее просохнуть. Но вечером он опять отсыревает, так как соленая корка на его поверхности сильно впитывает влагу.

Почему-то плохо работает солнечный опреснитель. Черный вкладыш не желает намочать должным образом. Очевидно, закупорился подающий клапан. Сквозь его отверстие проходит прочистная струна, регулирующая

При спущенной нижней камере давление воды выгибает днище плота куполом. Лежащие на полу предметы глубоко погружаются в складку днищевой ткани. Ватерлиния находится лишь чуть ниже надводного борта, и всякая пробегающая мимо волна свободно перехлестывает через его край.

поступление воды в аппарат. Струну заклинило, но мне удастся ее высвободить с помощью пинцета из аптечки. Однако она то и дело снова застревает. Тогда я укрепляю на огрызке карандаша свою единственную английскую булавку, предварительно ее распрямив. Надо быть очень осторожным, чтобы не повредить

баллон. Прочищаю клапан новым инструментом. Этот опреснитель спускает у меня каждую ночь. Я надуваю его с первыми проблесками зари, сливаю из него соленую воду и запускаю в работу. Целый день я нянчусь с ним, как с младенцем, прикармливаю водой и поддерживаю в баллоне оптимальное давление. Я должен присматривать за опреснителем непрерывно, и тогда он в благодарность за мою заботу одарит мою ослабевшую плоть пресной жидкостью.

Дневное светило торжественно восходит на свой престол. На внутренней стороне стенки баллона медленно вырастают серебряные бусинки; достигнув определенной величины, они срываются вниз, оставляя на пластиковой поверхности темную дорожку. Все больше бусинок зарождается под солнечными лучами, и вот уже в опреснителе полбока блестит серебром. Веки мои тяжелеют. Монотонно перекачивающиеся волны размеренно выводят свой убаюкивающий напев. Медленно капает вода, кап... кап... Вздвогнув, я открываю глаза: сколько же я проспал? Минут тридцать, наверное. Опреснитель тем временем тоже прикорнул, размякнув от ласковой неги солнца и ветра. Хватаюсь за водосборный мешочек. Он переполнен. А, черт! Опять все смешалось с морской водой. Списываем еще шесть унций. Отныне я буду опорожнять водосборник каждый час или даже чаще. Повышенная физическая активность — хорошее средство против сонливости. Неуклюже махая крыльями, мимо пролетают две тропические птицы, прячущие за своими черными масками насмешливые ухмылки в мой адрес. Не нахожу ничего особенно смешного. Тормошу опреснитель и, вернув ему рабочее настроение, снова заставляю попотеть. Пробую погрызть кусочек вырезки из спинорога и обнаруживаю, что если его немного подсушить, то вкус становится не таким уж и скверным.

Вчера я опять начал охотиться. Но собачонки мои будто знали, что я снова вступил в игру. Едва моя острога коснулась поверхности воды, они разом бросились врассыпную. Мне трудно было долго стоять в охотничьей стойке, но спинороги меня недооценили. Должно быть, они решили, что с закатом мне придется зачехлить свое оружие, но я, стиснув зубы, подкарауливал их в сумерках и загарпунил сперва одного, а потом и второго. На борту оказались два бьющихся тельца. Первую рыбешку

я разодрал с волчьей жадностью и, слизав налипшие на бороде ошметки потрохов, ощутил прилив жизненных сил. Вторую я распластал на доске и разделал при свете зажато в зубах карманного фонарика. Закончив работу, я побросал куски рыбы в ящик и мгновенно уснул. Проснувшись около полуночи, я с удивлением увидел призрачный свет, исходивший от ящика. Откинув крышку, я обнаружил, что нарезанные кусочки рыбы мерцают фосфорическим светом. Наверное, планктон, прилипший к водорослям и морским уточкам, которыми кормятся спинороги, проник в мясо пойманной рыбы. И вот живой свет погибших микроскопических обитателей моря осветил после их смерти мой маленький мирок.

Наутро, еще приканчивая второго спинорога, я в который уж раз думаю о том, что мне предстоит поститься и неизвестно, когда еще доведется поесть в следующий раз. По пути попадаются медленно плывущие кусты саргассовых водорослей. Это уже не молоденькие побеги, какие встречались на востоке. Я отряхиваю перистые плети, и с них сыплются малюсенькие креветки, рыбешки размером в полдюйма и целое семейство жирных черных червей, ошетилившихся белыми шипами. Червей я не трогаю. Когда мы шли в Англию, Крис опрометчиво взял их рукой и в ладонь ему вонзилось множество зазубренных иголок. Перебираю спутанные плети в поисках мелких крабиков, которые торопливо разбегаются из-под рук. Я ловлю их и тут же сдавливаю им панцирь, чтобы они долго не мучились и не успели удрать.

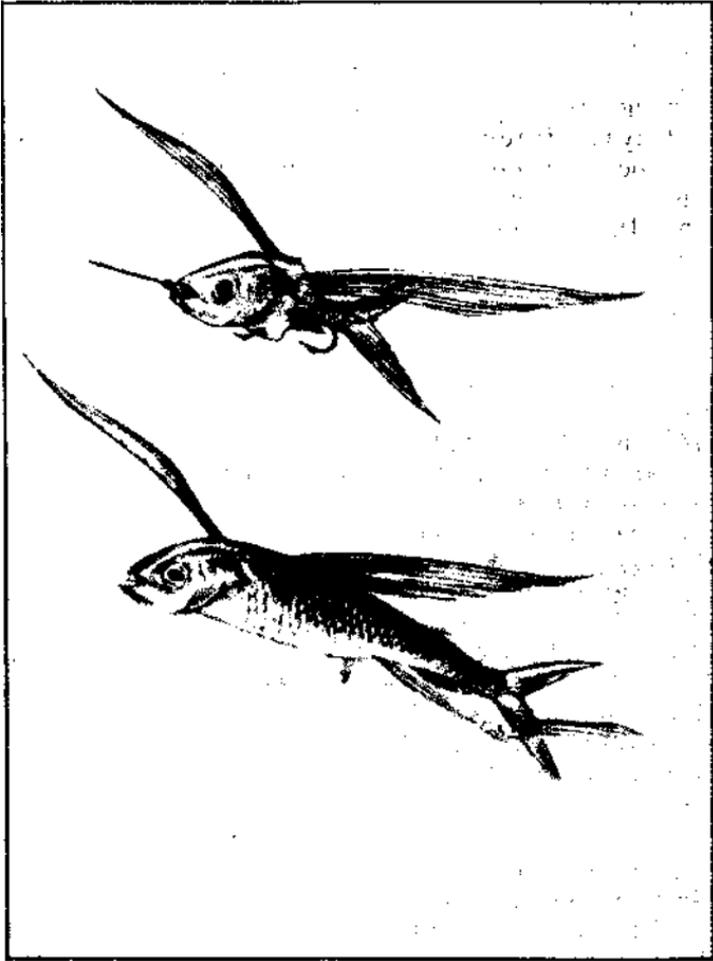
Вместе с крабами из водоросли вываливаются пузатые крапчатые саргассовые рыбки до одного дюйма длиной. Я не слышал, съедобны ли они, но на вкус они очень горькие. Оказывается, надо есть их без брюшка и тогда это вполне сносное кушанье. А это что еще за слизняки? У них зеленоватое соленое на вкус тельце с четырьмя ладообразными конечностями. Крабов и креветок я приберегаю на десерт. Иногда в рот попадает еще не убитый крабик, и тогда крошечные клешни легонько пощипывают меня за щеку или за язык, напоминая о том, что, спасая свою жизнь, я погубил маленькое живое существо.

На склоне дня на небе появляются плывущие гряды дождевых облаков, и я начинаю надеяться, что скоро

смогу пополнить запасы питьевой воды. Заморосил слабый дождик, и все вещи у меня промокли — мой тент пропускал воду, как обычная тряпка. Под утро капли становятся крупнее. Сначала звонко падает одна капля. Пауза. Затем штук двадцать сыплются сверху, точно горсть стальных подшипников. Снова пауза. А следом за ними с пулеметным треском полило как из ведра. Расторопно выставляю на тент своего воздушного змея. Дождевая вода заплескалась в ящике и забарабанила по опреснителю. Мне удалось набрать около десяти унций чистой небесной влаги, да еще я слизал влагу с поверхности опреснителя. Я утолил жажду и воспрянул духом. К вечеру у меня наберется обычный запас воды.

Сев на подушку и набросив на ноги спальный мешок, я замечаю, что между мешком с экипировкой и надувным бортом торчит плавник застрявшей рыбы. Дождь принес мне неожиданный подарок. Крупная летучая рыба заблудилась под его потоками и, пролетев мимо меня незамеченной, угодила прямо под распахнутый полог. В ожидании рассвета происходит еще одно неожиданное событие: кто-то вихрем налетает сверху и падает на тент. Это еще одна летучая рыба. Закусив ее сочным мясом, я приставляю голову рыбы к объединенному хвосту, чтобы посмотреть, что из этого получится. Неплохо, ведь совсем неплохо! Выкапываю свою рыболовную амуницию и проталкиваю черенок большого тройного крючка с обратной стороны рыбки в рот. Потом связываю вместе два больших одиночных крючка, предварительно воткнув их в рыбий хвостик, и соединяю прочной бечевкой с тройным крючком. Сочленив голову и хвост, я создал укороченную разновидность летучей рыбы. Наживка получилась настолько правдоподобной, что я бы, кажется, и сам на нее клюнул.

Ловить на крючок дораду, не имея проволочного поводка, — занятие совершенно бессмысленное, но я вовремя сообразил, что в комплекте радарного отражателя, может быть, найдется подходящая проволока. Разворачиваю сверток из промасленной бумаги, и передо мной предстает тонкая паутина из металлической сетки и алюминиевых распорок. Море, конечно, и до них добралось: металл изъеден ржавчиной, образовавшейся под

Наживка получилась настолько правдоподобной, что я бы, кажется, и сам на нее клонул.

влиянием электролитической коррозии. По счастью, там все-таки нашлось то, что нужно: кусок крепкой проволоки из нержавеющей стали длиной около 18 дюймов. Отметив мысленно все ценные кусочки металла и крепежные приспособления, которые имелись в комплекте, я снова упаковываю его в бумагу.

В последнее время дорады начали остерегаться остроги, но стали зато необыкновенно прожорливы. Стоит бросить за борт немножко потрохов спинорога, как они тут же хватают подачку, словно обезумевшие от жадности акулы. Выметываю свою приманку и завожу ее за корму, потравливая линь. Тридцать футов, пятьдесят, сто. В кристально чистой воде хорошо видно, как моя летучая рыба колышется у самой поверхности. Внезапно сине-белая молния вспыхнула и промелькнула между плотом и наживкой. Линь сильно дергается в моих руках. Рывок, еще рывок... и больше ничего. Я только провожаю взглядом стремительно удаляющуюся дораду.

Нападала она спереди, с головы. Вообще, если судить по рыбьим останкам, которые я извлекал из желудков дорад, они чаще всего хватают добычу с головы. Я не раз замечал, что дорады плавают парами, самец с самкой. Начинаю догадываться, что для этого имеется несколько причин. Возможно, одна подстерегает жертву, которую другая загоняет ей в пасть. Разумеется, загонщик при случае может поймать летучую рыбку, догнав ее сзади. Конечно, я только строю догадки, наблюдая за поведением дорад поблизости от моего плота в радиусе приблизительно 100 футов. Как хорошо, если бы можно было плавать вместе с ними, чтобы в подробностях изучить таинственную жизнь этих рыб!

Я делаю новую приманку из второй головы. На этот раз я дам леске достаточную слабину, чтобы дорада ее проглотила. Дорада скоро показывается поблизости. Вытравливаю несколько футов линя, поддразнивая ее карликовой рыбешкой. Клюет. Давай-давай, заглатывай ее поглубже! Делаю подсечку. Есть, крючок зацепил! Дорада делает такой скачок, точно она включила форсаж, дергает головой, аккуратно перекусывает линь там, где он соединяется с проволочным поводком, и была такова. Все. Как видно, не суждено мне поймать дораду на крючок. Придется вернуться к испытанному способу.

По моим расчетам, до Антигуа остается около 450 миль. Но я могу ошибаться в расчетах на 100 миль и даже больше. Стало быть, еще восемнадцать дней. Уф! В начале этого плавания я думал, что восемнадцать дней — это уж слишком. Теперь это предел мечтаний.

Снаряжение все больше изнашивается и выходит из строя, сам я все больше превращаюсь в живой труп, поэтому надо заранее тщательно подготовиться к любой случайности. У меня осталось мало ракет, судоходные трассы остались позади. К островам еще плыть и плыть. Но я слишком близок к цели и слишком много перенес, чтобы напоследок отказаться от борьбы.

На море волнение. Начинает смеркаться. И тут я загарпунил доряду. Когда схватка закончилась, солнце уже скрылось за горизонтом и вдобавок ко всему плот был залит водой. Каким-то образом наконечник остроги проткнул в полу дырку. Отверстие так мало, что в него не влезает пробка, приходится братья за нож и собственными руками увеличивать течь. Спокойно, нервничать не нужно. Прореха теперь достаточно велика, чтобы заколотить в нее пробку. Вот так, теперь завернуть поплотнее и замотать сверху кусочком штерта. Надо же! Ни одна капля не просачивается через этот чопик, а просевшее днище немного натянулось. Надо было с самого начала так заделывать проколы в днище! Я непременно так и сделаю, если оторвутся старые заплаты.

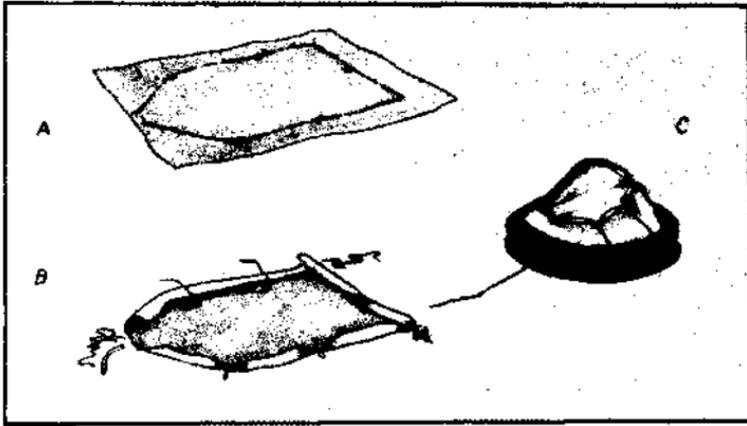
В животе у доряды я нахожу скумбрию, правда, она не такая большая и более переваренная, чем та, что досталась мне в прошлый раз. Фонарик что-то не хочет работать, приходится потратить один из двух оставшихся «лумалайтов». Если эту палочку согнуть, то два входящих в ее состав химических компонента соединятся и она загорится зеленоватым светом. На доске передо мной разложены роскошнейшие яства: две печенки, пузырь с икрой, мясо двух сортов и целых полпинты воды. Ужин мой проходит при зеленых свечах. Настроение у меня подымается.

Всю ночь с перерывами льет дождь, к утру все мое хозяйство промокло, а вот пресной воды удалось собрать совсем немного. Курсом на запад в большом отдалении от моего плота проходит судно. Месяц тому назад я извел бы три-четыре ракеты, но сейчас я смотрю на вещи более трезво. Подожду, пожалуй, другой встречи, сейчас мало надежды, чтобы меня заметили. Я не могу позволить себе понапрасну транжирить ракеты. К тому же во мне все больше крепнет уверенность — хотя, быть может, я и чересчур самонадеян — в том, что я и сам доберусь до островов, если меня не подберет проходящее судно.

Наступает пасмурное утро, не оставляющее надежды на то, что я смогу пополнить запас дистиллированной воды, но и это меня не смущает. Сегодня я основательно позавтракал — почти как Кинг-Конг: огромные рыбные бифштексы, четверть фунта икры, сердце, глаза и скобленный жир. Пальчики оближешь!

Я плыву в теплых водах. Даже если я промокну насквозь, то немедленная смерть от гипотермии мне больше не угрожает. Практически ежедневно случаются ливни или хотя бы слабые дождички. Можно рискнуть употребить космическое одеяло на иные нужды. Превращаю его в водосборную накидку для тента, закатав его края так, чтобы они действовали наподобие валиков, образующих желоб. В верхней части эта моя конструкция довольно широка и крепится вдоль арки с задней стороны навеса, затем постепенно сужается, скручивается трубкой и входит прямо в беспардонно текущее смотровое окно. Отныне любая захлестнувшая тент волна, а также любой ливень польются внутрь, как струя из-под крана. Правда, навес уже до того прохудился, что вода интенсивно протекает по всей его поверхности. Накидка покрывает часть кормовой стенки, более подверженной всяким атмосферным воздействиям и сильнее пропускающей воду, чем передняя. Благодаря ей тент становится значительно суше, хотя дождь и брызги все равно проникают ко мне по сторонам от нее, а иногда и подтекают под пленку. Эта система улавливает 60—70 процентов падающей на нее воды и отводит ее через дренажный сток. Теперь в ящик попадают не только случайные капли и он наполняется гораздо быстрее. Наконец стало возможно подвесить ящик непосредственно под стоком и вычерпывать скопившуюся в нем воду кофейной банкой или же подставлять ее под струю вместо ящика.

Однажды, перебирая пук саргассовых водорослей, я краем глаза замечаю мелькнувшую мимо незнакомую рыбу длиной с дораду, хотя дорады обычно толще. Это уже вторая такая встреча. Барракуда? Акула? Это не столь уж и важно в конце концов. Важно, что стали появляться новые виды. Происходят какие-то изменения, я это чувую, как следопыт, который, пощупав золу угасшего костра, может сказать, что здесь недавно побывали люди.

Из оставшейся у меня части космического одеяла я делаю для своего плота водосборную накидку (другую часть одеяла я уже использовал раньше на изготовление воздушного змея). *А* — намечаю форму будущей накидки и протыкаю по краям небольшие отверстия, сквозь которые пройдет парусная нить для крепления накидки на тенте. *В* — подкатываю края, чтобы они образовали валики, вдоль которых большая часть попавшей на накидку воды будет направляться к вершине ее заостренного угла. В этот угол я вставляю водоотводную трубку и пропускаю ее через рукав смотрового окна в какую-нибудь емкость.

С — накидка растянута, верхняя скатка уложена вдоль арки тента, водосток пропущен в смотровое окно.

Объявляются и новые представители мира пернатых. В отдалении дерутся между собой две птицы. Возможно, это чайки, но больше они смахивают на крачек. На одной из карт в книге Робертсона обозначен миграционный путь крачек. Он как раз пересекает то место, где, по моим расчетам, находится плот.

О близости суши иногда можно догадаться по приметам, известным обитателям южных морей. Например, по особой конфигурации волн, отраженных береговой полосой, по нагромождению высоких кучевых облаков, поднимающихся над сушей под воздействием тепловых потоков, по полоскам фосфоресцирующей воды и т. п. Ничего подобного я пока не заметил. Самый верный способ — это увидеть землю собственными глазами. Однако разглядеть ее издалека не так-то просто. Когда облака находятся у вас над головой, то такое впечатление, что они движутся быстро. Но по мере их при-

близия к горизонту начинает казаться, что их движение замедляется; одновременно с этим они еще и темнеют. А на самом горизонте они приобретают иллюзорные формы зубчатых вулканических гор или, наоборот, низменных и плоских островов. Некоторые так долго стоят неподвижно, что вы принимаете их за сушу. И только при очень длительном наблюдении мореплаватель может отличить землю от облаков.

Когда мы с Крисом подходили к Азорам, я увидел среди высоких пышных взбитых кучевых облаков какое-то светло-серое коническое образование. Оно не двигалось в течение нескольких часов, постепенно прорисовывалось все отчетливее, а потом вдруг соединилось внизу с поверхностью воды. Как оказалось, это была вершина Файал, и заметили мы ее за 40 миль; все это время более низкие участки острова были скрыты в белой дымке, лежащей у воды. А вот пример противоположный: однажды на Канарах я шел менее чем в миле от тысячефутовых скалистых утесов погожим солнечным днем, когда свет солнца рассеивался легкой дымкой над поверхностью воды, которая окутывала и скрывала весь остров. Я отчаянно надеюсь, что в своих навигационных выкладках недооценивал скорость плота и скорость течения, потому что всегда старался относиться к ним скептически. Высматриваю на горизонте какой-нибудь неподвижный силуэт, в окраске которого проступали бы зеленоватые тона, но всякий раз он постепенно менял свои очертания, превращаясь то в крылатого коня, то в ангела либо еще во что-нибудь, и исчезал из вида.

Вот и кончается март. Обернется ли апрельский дождик для меня майскими цветочками или первого апреля меня ожидает грандиозный розыгрыш? Кажется, ты думал, что сможешь доплыть, да? С первым апреля тебя, приятель!

*1 апреля,
день пятьдесят шестой*

ОБЛАКА, КАК НАРОЧНО, СБРЫЗНУЛИ МЕНЯ ДОЖДЕМ, ЧТОБЫ ПРОВЕРИТЬ, КАК ДЕЙСТВУЕТ НОВАЯ СИСТЕМА

для сбора воды; набралось около пинты, но продегустировав добытую воду, я обнаруживаю, что она безнадежно загрязнена оранжевыми частичками тентовой пропитки. Оказывается, моя водосборная накидка не так эффективна, как я ожидал. Слишком много воды просачивается в отверстие прямо с тента, и испорченная, грязная вода смешивается с чистой. Может быть, надо разбавить плохую воду хорошей питьевой? Смешиваю их в равных частях. Но и это не помогло — меня чуть не вырвало, когда я отведал этой гадости. Может быть, если развести ее немного водой из опреснителя...

Из-за сплошной серой завесы выглядывает солнце, и мой солнечный агрегат оживает. Резвые капельки звонко падают в водосборный мешочек. Но опреснитель упорно обмякает и заваливается на бок. Размер отверстия в чехле, по-видимому, приближается к критическому. Поддувать его приходится каждые десять — пятнадцать минут. Выход воды хороший, даже слишком хороший. При этом я стараюсь не замечать, что опреснитель производит все более и более соленую воду. Мне смертельно хочется пить. Пожалуй, не так уж плохо и само море. Если смешать засоленный дистиллят с загрязненной дождевой водой, станет не так солоно, а заодно это отобьет омерзительный привкус. Сливаю все вместе и получаю в результате такой коктейль, который вполне подошел бы для ритуального испытания на храбрость в любом древнем племени; этакая адская смесь воды, каменной соли и какой-то тошнотворной дряни. Надо избавиться от этой мерзости. Нельзя, чтобы она и завтра отравила мне свежую воду, но и вылить жалко; зажимаю нос и выпиваю все до дна. Оказывается, эта жидкость зверски дерет глотку.

А тем временем невдалеке от Пуэрто-Рико судно под названием «Стратус» встречает в море дрейфующую по волнам маленькую яхту. Об этом сообщают в береговую охрану, которая запрашивает более подробное описание покинутого парусника. С описанием «Соло» оно не сходится, и к концу дня береговая охрана уведомляет моих близких, что дальнейшие «поиски» отменяются. О сообщении, полученном со «Стратуса», они даже не упоминают. Брат Эд каждый день названивает родителям, чтобы узнать, не получили ли они

какое-нибудь известие обо мне. Но скудость информации из официальных источников его прямо-таки удручает. Либо они чего-то не договаривают, либо не ведут энергичных поисков. Эд оставляет свой дом на Гавайях и самолетом направляется в Бостон, где присоединяется к родителям и второму брату Бобу. Отныне поисково-спасательную миссию они возьмут на себя.

Приходит ночная темнота, но уснуть я никак не могу. Выпитая мерзопакость плещется в желудке, переворачивая там все вверх дном. У меня болит голова, на лбу выступает пот. Шея каменеет, в горле стоит ком, будто кто-то душит меня. Страшно тошнит, пульс учащается, в висках стучит кровь. К полуночи меня прошибает испарина, пот катит градом, не находя себе места от боли, я катаюсь по полу. Господи! Ведь я сам себя отравил!

СОРНЫЙ ПУТЬ

*ВСЕ ОСТРЕЕ Я ОЩУЩАЮ,
НАСКОЛЬКО ДУХ этих СОЗДАНИИ
СИЛЬНЕЕ МОЕГО.*

ПЕНИСТЫЕ СТРУИ ВОДОПАДА ЗАСТЫЛИ НА ЛЕТУ, поток свисает с обрыва длинным ледяным языком, похожим на бороду Деда Мороза. Скованный стужей водопад замер в неподвижности до будущей весны. Но под коркой льда шумит немолчный поток, наполняя мой кубок студеной водой, в которой звенят голубые льдинки. Шипучий, искристый напиток касается моих губ, но голова безвольно запрокидывается назад. Открываю глаза, чтобы только не видеть этой картины.

Меня душат приступы тошноты. Распухший язык, как жаба, ворочается во рту. Терпеть это долее невыносимо. В отчаянии я вытаскиваю из своего драгоценного резерва целую пинту, отворачиваю крышку и припадаю к живительной влаге. Вода на мгновение задерживается за щекой, и, с трудом отодвинув распухший и онемевший язык, я с усилием глотаю воду, заталкиваю ее в глотку, чтобы погасить пожар, сжигающий мои внутренности. Еще один глоток. Прожорливое пламя слабеет. Еще глоток, потом еще и еще. Вот и все, пинтовая емкость опустела. Но злобный поджигатель наконец угомонился. Тошнота отступает, и я засыпаю.

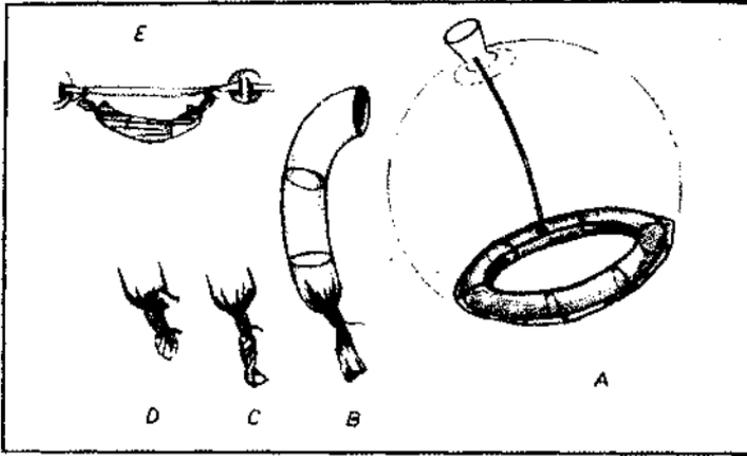
Наутро я проснулся ослабевшим, но все-таки поймал себе на обед одиннадцатого спинорога. Свежие потроха спинорога и сушеные ломтики дорады хорошо подкрепляют мои силы. Я готов к новой битве.

С остатков липкой ленты облез клеевой слой и сбился в комочки. Я соскабливаю ножом вязкую массу, скатав ее в шарик, замазываю дырку на боку солнечного опреснителя, а сверху прилепляю кусочек ленты. Новая заплатка держит воздух гораздо лучше, она дает отдых моим легким и защищает пресную воду от непрошенной морской соли.

*2 апреля,
день пятьдесят седьмой*

НЕИЗВЕСТНО, СКОЛЬКО ПРОДЕРЖИТСЯ ЭТА ЗАПЛАТА. На крутом шаре, похожем на живот Будды, все увеличивается пуп. Надо заблаговременно собрать

A — вырезаю из распоротого солнечного опреснителя кольцевую балластную камеру и разрезаю ее пополам. *B* — крепко перевязываю один из концов, но он по-прежнему подтекает, причем значительно; поэтому я закручиваю ему хвостик (*C*) и подгибаю его вверх, тоже надежно перевязав (*D*). К моему удивлению, течь он не перестает, хотя и течет очень-очень слабо. Заполнив емкость питьевой водой, я повторяю перевязку на другом конце и подвешиваю ее горизонтально на внутреннем лееере (*E*). В таком положении оба конца оказываются приподняты кверху, что исключает утечку.

как можно больше пресной воды. Из балластного кольца от опреснителя получатся две приличные емкости для хранения жидкости. Разрезаю кольцо на две половины и плотно завязываю их с одного конца. В оставшееся открытым широкое отверстие диаметром около трех дюймов наливаю воду и, наполнив емкость, тоже завязываю. В крайнем случае буду хранить в этих емкостях засоренную дождевую воду. С помощью тонкой дренажной трубки я смогу поставить себе клизму из этой негодной воды.

Ветер гонит нас к северу. Пора определять свою широту. Голь на выдумки хитра: скрепив треугольником три карандаша, я получил секстант. Вообще-то секстант представляет собой сложную комбинацию транспорта с несколькими зеркалами, которая позволяет навигатору одновременно видеть горизонт и какую-нибудь звезду или планету. Ранними предшественниками секстанта были сделанные из дерева градшток и астролябия. Мой инстру-

мент еще примитивнее, потому что одновременно видеть звезды и горизонт с его помощью невозможно. Для этого мне приходится то наклонять, то запрокидывать голову, сначала глядеть вдоль одного карандаша на звезду, а потом — вдоль другого на видимый край мира, стараясь, чтобы инструмент при этом не шелохнулся. Сегодня же вечером я его испробую.

Севернее Антигуа дуга вест-индских островов поворачивает к западу. Если меня снесет севернее восемнадцатой широты, то мне придется плыть на двадцать — тридцать дней дольше, пока меня не прибьет к Багамам. Восточнее всего в группе Малых Антильских островов расположен остров Гваделупа. И я должен нацеливаться на широту 17 градусов. Если наблюдатель встанет на Северном полюсе, то куда бы он ни повернулся прямо над головой у него всегда будет находиться Полярная звезда, стоящая над горизонтом под углом 90 градусов. Макушка нашего мира располагается на широте 90 градусов. А на экваторе, на нулевой широте, Полярная звезда будет видна на самой линии горизонта. Поэтому широта любой точки на земном шаре непосредственно определяется как угол между Полярной звездой и горизонтом. Вот я и постараюсь измерить этот угол, чтобы найти свою широту.

Совсем иначе определяется географическая долгота. Здесь координатная дуга сопоставляется со временем. Каждый из 360 градусов земной окружности делится на 60 угловых минут. Каждая минута соответствует одной морской миле — 6076 футам. Наша Земля совершает полный оборот за двадцать четыре часа, поэтому небесные светила каждый час смещаются на 15 градусов долготы, или же на 15 угловых минут за одну минуту. Когда-то английские астрономы из города Гринвича учредили систему координат, приняв за нулевую точку отсчета долготы меридиан, проходящий через их маленький городок. С тех пор и поныне долгота любого места вычисляется путем сравнения момента времени, когда какое-нибудь небесное тело проходит там зенит, с моментом, когда оно бывает в зените над Гринвичем. Полученную разницу времени переводят затем в угловой отсчет, по которому наблюдатель и узнает, насколько восточнее или западнее Гринвича он находится. Определение долготы стало возможным

Секстант из карандашей в действии.
(Фото Benjamin Mendlowitz © 1982.)

лишь тогда, когда появились точные приборы для измерения времени.

Одним из первых, кто применил на практике замечательное изобретение, называемое хронометром, был капитан Кук. До него мореплаватели обычно просто шли на север или на юг до тех пор, пока не достигали широты, на которой был расположен порт назначения, и, достигнув ее, поворачивали на запад или на восток. Этот способ так называемой широтной навигации, когда ориентиром служит положение Полярной звезды над горизонтом, позволяет мне в сочетании с регулярным учетом приблизительной скорости моего дрейфа уточнить свое местоположение в бескрайних океанских просторах, где нет дорожных указателей и не за что зацепиться глазу.

Отмеряю по изображенной на карте компасной картушке с градусными делениями угол в 18 градусов и отмечаю его на своем секстанте. Теперь, мой «Утенок», курс на запад. Или на юг!

Весь день меня беспощадно избивают доряды, беря раны и доводя до бешенства. К полудню небо расчищается и опять становится жарко. Легкие порывы ветра все чаще начинают задуть с юга, подталкивая нас к северу. Что за наказание. Всю ночь сияние луны озаряет эскорт из ста спинорогов и трех десятков дорад, которые беспрестанно колотят «Уточку» в днище и по бортам. Мы движемся точно на север, потом на северо-восток, а потом уже на восток и возвращаемся на прежнее место. Проклятье!

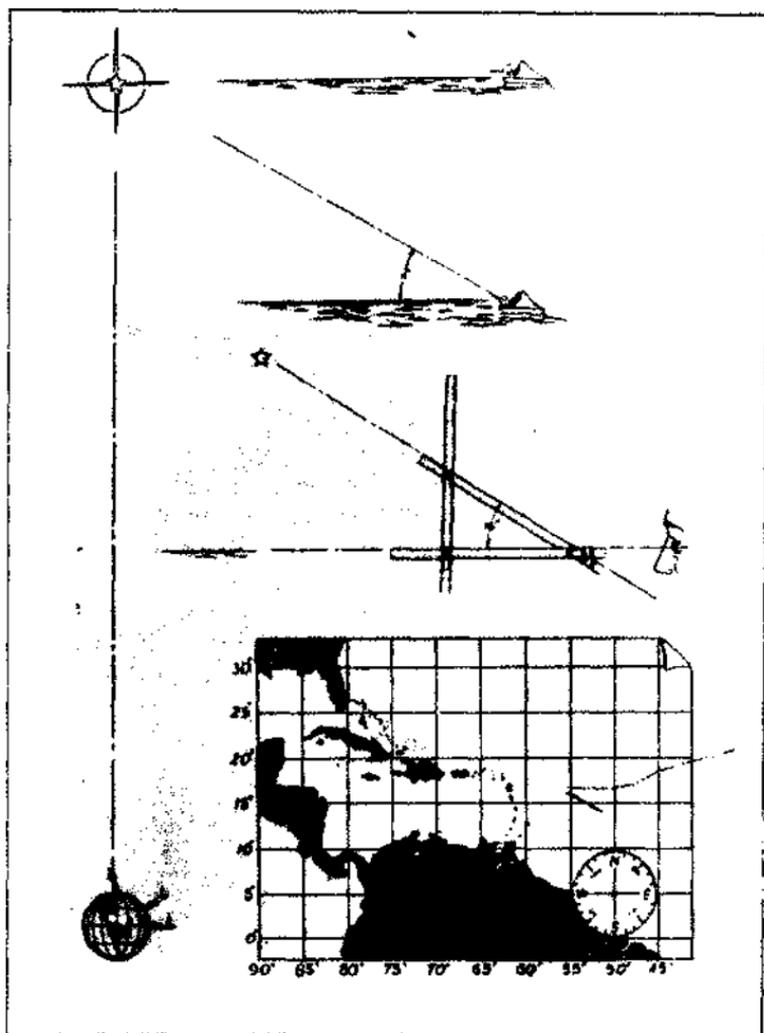
*3 апреля,
день пятьдесят восьмой*

К УТРУ, ОПИСАВ В ОКЕАНЕ ПЕТЛЮ, МЫ СНОВА ложимся на курс. Секстант показывает, что мы находимся на семнадцатом градусе северной широты, и это меня очень радует. Однако я мог ошибиться на один градус и даже больше. А отклонение на один градус означает, что моя одиссея затянется еще на месяц. Грань, отделяющая меня от этой перспективы, слишком тонка, чтобы чувствовать себя здесь уютно. А тут еще впусую

потерян целый день. Но нельзя же в самом деле рассчитывать на неуклонное движение вперед. Пятьдесят восемь дней, но именно сейчас мне требуются еще большее терпение и, пожалуй, еще большая настойчивость.

Из-под заплат в «Уточкин» боку с бульканьем вырываются пузыри. Чтобы поддерживать нужное давление в камере, мне приходится браться за помпу каждые полтора часа. Затягиваю поплотнее жгут вокруг шейки заплаты. Вскоре после этого литье лопаается, но заплата худо-бедно держится. Накидываю на нее затяжной узел из более прочного шнура и туго его стягиваю. Каким-то чудом нижняя камера теперь держит воздух даже лучше, чем верхняя.

Вот уже целая свора дорад пинает меня в задницу. Теперь они нескоро отстанут. Самое время попытаться охотничьего счастья. Прицеливаюсь и коло — промах! Еще раз — попал! Чудесная самочка. Извлеченная из воды, она поблескивает под солнцем. Все ее тело пульсирует. Она изгибается, точно стараясь достать свой хвост — влево, вправо, влево, вправо, все быстрее и быстрее. От этих движений ритмично изгибается моя пика. Какое великолепное животное! Одним уверенным отработанным до автоматизма движением сбрасываю ее на плот и приканчиваю. Вот и опять я оградил себя от голодной смерти. Опять мною овладевает скорбь по утраченному спутнику. Все острее я ощущаю, насколько дух этих созданий сильнее моего. Я не нахожу этому разумного объяснения, и, может быть, в этом-то и дело. Не думаю, что рыбы мыслят отвлеченно, как мы; это совсем другой интеллект. Я все осмысливаю и доискиваюсь истины путем рассуждений, они же находят ее непосредственно благодаря насыщенной жизни, когда кувыркаются в огромных волнах, преследуют летучих рыб, когда борются за жизнь, попав на острие моей остроги. Часто мне казалось, что орудием выживания являются для меня инстинкты, которые предназначены для того, чтобы поддерживать заключенное во мне высшее начало. Сейчас я все больше убеждаюсь, что дело обстоит скорее всего как раз наоборот. Разум главенствует над инстинктами, и выжить я хочу ради самого простого, к чему стремлюсь инстинктивно: ради жизни. Дорадам и без того это дано: ради игры и удовольствий. Как бы я хотел стать таким, как те, что служат мне пищей!

ОСНОВЫ НАВИГАЦИИ

Свое перемещение с востока на запад я оцениваю по скорости дрейфа плота и примерной скорости и направлению течения. Чтобы узнать свою широту, я сделал секстант. Слева вверху: Полярная звезда располагается почти над Северным географическим полюсом (магнитный полюс не совпадает с географическим). Из рисунка видно, что наблюдатель, стоящий на полюсе земного шара, изображенного слева внизу, видит Полярную звезду прямо над головой, под углом 90 градусов к плоскости горизонта. Наблюдатель им экваторе видит эту звезду точно на линии горизонта. Челове-

чек, плывущий на плоту, тоже наблюдает Полярную звезду у горизонта; стало быть, он должен находиться на экваторе. Наблюдатель, стоящий на земном шаре между полюсом и экватором, видит Полярную звезду под некоторым углом к горизонту (X). Значит, широта его места равна X градусов; то же самое относится к человеку на плоту, располагающемся на рисунке пониже. Я делаю треугольник из трех карандашей, и две его стороны устанавливаю под углом 18 градусов; этот угол соответствует моей предполагаемой широте. В качестве транспортира я использую отпечатанную на карте картушку компаса с градусными делениями. Сначала совмещаю горизонтальный карандаш с линией горизонта. Затем перевожу взгляд вдоль наклонного карандаша на Полярную звезду. Повторяя наблюдения, я регулирую угол между карандашами, а затем измеряю его с помощью картушки. На изображенной тут же карте видно, что выше восемнадцатого градуса цепь островов начинает отклоняться к западу, а выше девятнадцатого круто уходит на запад. Если я дрейфую по девятнадцатой, а не по восемнадцатой параллели, то мое плавание продлится по меньшей мере дня на четыре дольше. А если я иду по широте 19,5 градуса, то оно затянется на недели и месяцы. Мой путь показан пунктиром. Течение в этом районе направлено по стрелке; оно пытается стащить меня к северу. Если ему это удастся, я окажусь в очень сложном положении.

Когда мой взгляд падает на копьё, у меня появляется дополнительная причина желать превращения в рыбу, не нуждающуюся ни в каких инструментах. Оно опять сломано. Меня всегда смущал хлипкий столовый нож, но обломилось, причем подчистую, прочное стальное лезвие. Возможно, передо мной лежит сейчас мой последний ужин. Не устраивай мелодрамы — тебе не впервой чинить свое оружие. Что же использовать на этот раз? Вилка уже пущена в дело. Охотничья финка слишком толста, чтобы проткнуть ею дораду. Другого материала для наконечника нет. Ладно, буду продолжать охоту с одним только столовым ножом. А когда он сломается, попробую пришнуровать к остроге финку и займусь спинорогами. Еще успею об этом подумать.

Сбегающая по навесу порченая вода, смешиваясь с чистой водой, которая собирается на космическом одеяле, потоком льется во время дождя через смотровое окно. Проталкиваю в образованный свернутыми краями одеяла водосток кусок пластиковой трубки и укрепляю его там парусной нитью. Ночью наползают дождевые тучи, и сквозь отверстия в крыше хлещет мощная струя. Большую часть порченной воды я сливаю за борт с помощью воздушного змея, а отводимую по трубке чистую воду собираю в ящик. Успех превосходит

все ожидания. У меня собираются две с половиной pinty воды, еще немного загрязненной, но все же ее можно пить. Пусть теперь выходит из строя последний солнечный опреснитель — для меня это еще не конец. Воображаю себе бьющуюся на кончике копья доряду, извивающуюся так и этак, так и этак. Эта картина вызывает из памяти детскую историю о маленьком паровозике, который, усердно пытаясь, старается въехать на большую гору. Думаю — смогу, думаю — смогу, думаю — смогу... знаю, что смогу, знаю, что смогу, знаю, что смогу!

В полдень я замечаю судно, направляющееся к северу; однако проходит оно слишком далеко, чтобы увидеть мою ракету. Впрочем, ракетница совсем проржавела и стала бесполезной вещью, из нее уже не выстрелит ракетой. Гораздо больше проку сейчас было бы от ручной УКВ радиации. Много раз мне случалось разговаривать в море с радиооператорами теплоходов, тогда как никто из команды не мог разглядеть в волнах мое суденышко. Но радиации нет, и тут ничего не поделаешь. Впрочем, и само по себе это судно, может быть, — добрый знак. Судя по направлению его движения, идет оно из Бразилии в Соединенные Штаты. Наверное, нарисованная мною на карте трасса действительно существует. А дальше к западу от этого морского пути, соединяющего Бразилию и Флориду, по которому должно курсировать множество судов, движение станет еще интенсивнее. Скоро, скоро я достигну континентального шельфа. Скоро все это кончится.

Но пока вокруг простирается все тот же бесконечный океан, отливающий голубизной плавательного бассейна. Глубина его по-прежнему три мили, а от края до края — тысячи миль пути. Это самое пустынное место на нашей планете. Рыбы однообразно повторяют все свои действия. Высоко над головой реют несколько фрегатов, будто подвешенные на ниточках фигуры абстрактной композиции современного скульптора. Я чувствую себя актером в старом голливудском фильме, где на заднем плане медленно проплывают декорации, создающие иллюзию движения.

Мне снится, что я у себя дома. Вокруг все спокойно и пахнет весной. Между распускающимися листьями просачивается солнечный свет. Мы с Фришей, бывшей моей женой, сидим на каменной оgrade и машем соседям.

Я рассказываю им о том, как я здесь умираю. Надо, мол, отрядить за мной поисковую партию.

Мой отец и брат Эд выжали из береговой охраны максимум полезных сведений. Они изучили горы метеорологической информации, добытой в метеослужбе Норфолка. Они неустанно рассылают письма конгрессменам и вообще всем, кто, по их предположениям, мог бы чем-то помочь. У Эда уже болят пальцы от накручивания телефонного диска. Окурки выкуренных им сигарет громоздятся в пепельнице все выше и выше и пересыпаются через край. Моя семья корпит над картами и метеосводками, стараясь вычислить наиболее вероятное место, где я мог потерпеть бедствие. Взяв за исходную его причину шторм, разразившийся третьего февраля, они вычертили две возможные схемы моего дрейфа в зависимости от того, каким маршрутом я направился от Канар через океан. Мой брат, коммерческий водолаз и моряк, доподлинно знает море. Мой отец во время войны участвовал в воздушных поисково-спасательных операциях. К решению этого уравнения прикладывают свои знания и опыт все мои друзья, профессиональные моряки, парусные мастера, судостроители и морские журналисты, многие из которых сами пережили крушение на море. Мать с Бобом поддерживают огонь в топке поисковой машины, готовят пищу, шлют письма, бегают по всем делам и поручениям. Результаты их расчетов оказываются на удивление точными. Одна из двух определенных ими точек всего на 100 миль отстоит от моего нынешнего местоположения.

Но береговая охрана и слышать ни о чем не хочет. Яхтсмен, о котором в течение такого огромного срока нет никаких вестей, наверняка погиб. И даже будь в поисках его хоть какой-то смысл, то информация, собранная кучкой встревоженных любителей, не может идти ни в какое сравнение с данными профессионалов береговой охраны.

Из дома моих родителей продолжает извергаться почтовая лава. Журналисты, представители изданий для яхтсменов, дежурят у телефонных аппаратов. Мои приятели с Бермудских островов регулярно обращаются к капитанам всех идущих через Атлантику судов с просьбой усилить наблюдение, чего, кстати, так и не сделала береговая охрана. Радиолюбители оповещают все суда

в субтропической зоне Северной Атлантики об исчезновении яхты «Наполеон Соло».

Но с каждым уходящим днем люди, знающие море не понаслышке, все яснее сознают мизерность моих шансов на выживание. За всю историю судоходства лишь один человек продержался так долго в море в одиночестве. Фриша отгородилась от страхов своей ботаникой. Мои родные еще не понимают, что они только понапрасну тратят энергию, так как никто не собирается начинать поиски, и в лучшем случае эти хлопоты отвлекают их от мрачных мыслей и поддерживают готовую улетучиться надежду. В большинстве случаев люди с сожалением смотрят на тех, кто еще верит в то, что я жив.

4 апреля,
день пятьдесят девятый

НИ О ЧЕМ ОБ ЭТОМ Я НЕ ВЕДАЮ. ВСЕ ТОТ ЖЕ пустынный горизонт вот уже два месяца простирается передо мною. Руки, ноги и веки налились свинцовой усталостью. Даже в прохладные часы мне приходится принуждать себя ко всякому движению, потому что в голове моей по любому поводу разгораются ожесточенные препирательства. Абсолютно все на плоту насыщено солью, которая притягивает влагу прямо из воздуха даже в сравнительно спокойную погоду. Соляной раствор глубоко въедается в каждую ранку. Только в полдень у меня бывает сухо, но тогда засохшая корка соли еще хуже раздражает мои болячки. Лишь стоя на коленях, я не испытываю ужасных мучений. Но когда солнце поднимается высоко над головой, я валюсь без сил от нестерпимого зноя. Как легко сейчас было бы просто закрыть глаза и больше не шевелиться, как легко... Прекратить! Работать надо, приказываю я своему дерьмовому экипажу. Работай, или старуха вывесит твою шкуру на съедение птицам. Работай, ить ты ж ишо и жизни не видал, парниша!

Воспользовавшись обломком стального лезвия, усиливаю хлипкий столовый нож на своей пике. Всю конструкцию при этом немного сдвигаю назад по стержню, чтобы

сделать ее пожестче, но такой расшатанный наконецник выглядит слишком хилым и вряд ли способен выдержать большое напряжение. Дам-ка я ему сначала умеренную нагрузку. Вонзаю острогу в спинорога. Прорбить его насквозь мне не удастся, но я все же удачно его подцепляю и перебрасываю беднягу к себе на борт.

Мы уже близко. Я это чувствую. Теперь я знаю, что испытывал Колумб в те долгие дни, когда они все плыли и плыли куда-то в неизвестность и команда готова была взбунтоваться и лишь он один знал, что за тонкой гранью горизонта лежит Земля. Грудки повисших в небе птиц матово-белые, а не красные, но тем не менее это, должно быть, все те же фрегаты. Их ряды пополнились двумя новичками. Мимо суетливо проносятся две крачки. Какая-то похожая на чайку птица коричневой расцветки стремительно пролетает над самой водой.

Меня неотступно преследует тягостное и навязчивое ощущение, что я на плоту не один. Стоит мне вздремнуть, как мой компаньон тут же заверяет меня, что постоит пока на вахте или поработает за меня. Иногда мне припоминаются беседы, которые мы с ним вели, искренние взаимные излияния, его советы. Понимаю, что всего этого быть не могло, но я не могу отделаться от этого ощущения. Утомление становится опасным. Мой незримый спутник считает, что мы с ним сумеем протянуть до 20 апреля.

Не осталось больше никакой свежей еды. Волнение слишком сильно, чтобы можно было хорошенько прицелиться. Только после нескольких часов вымачивания затвердевшие рыбные палочки достаточно размякают для моих зубов, приобретая при этом солоноватый привкус. Едва брезжит первый свет, еще до восхода солнца, я кладу в рот кусочек этого рыбного сухарика и беру в руки острогу. Прицел, удар, всплеск. Прицел, удар, всплеск. Слишком уж я слаб, слишком вяло двигаюсь. За долгие изнурительные часы терпеливого подкарауливания добычи я продырявливаю бока пяти рыбакам. Встает солнце. Руки становятся ватными и трясутся. Падаю на мокрый пол плота. Неудача. Пробую еще раз вечером. Неудача. Еще раз утром. Неудача.

При такой температуре можно прожить без воды не долее трех суток. Достанет ли у меня сил на десять дней? Стараюсь исправно присматривать за опресни-

телем. Какая-то рыба прокусила водоприемный мешочек, и еще одна порция пресной воды выливается в море. Оглушенный этим событием, я долго сижу, не шевелясь.

день шестьдесят первый
УЖЕ МНОГО ДНЕЙ МНЕ НЕ ВСТРЕЧАЕТСЯ В Атлантике никакой растительности, но внезапно я вижу в волнах большущий пук саргассов. Когда он приблизился, я подгребаю к нему поближе и вытаскиваю его на «Уточкин» фартук. В нем кишат всякие ползучие твари, а в середине запутался обрывок рыболовной лесы. Впереди всплывает еще пучок. Забрасываю первый в корму и подхватываю второй, потом третий, четвертый. Да здесь океан просто набит водорослями! Торопливо роюсь в гуще морской травы, в изобилии собирая обычный улов: извивающихся креветок, шустреньких маленьких рыбок и щелкающих крабиков. Проверив одну саргассину, откидываю ее в сторону и хватаюсь за следующую. А впереди на горизонте колышется на воде какая-то черная накипь.

Мы медленно дрейфуем через полосу спутанных водорослей. Их нагромождения напоминают кучи осенних листьев. Среди водорослей запуталось много всякого мусора. Шестьдесят дней плыл я по девственно чистому океану, пребывая в мире, с которым, возможно, никогда еще не соприкасался человек. Только проходящие мимо суда да случайный кусок полистирола напоминали о том, что люди еще населяют землю. И внезапно моя здешняя среда наполняется их отбросами — нашими отбросами, поправляю я себя. Старые бутылки, корзинки, комки нефти, пляшущие на волнах электрические лампочки, фляги, рыболовные сети, обрывки тросов, какие-то рамы, поплавки, куски пеноматериалов и вылинявшие ткани. Целое шоссе из мусора тянется с юга на север, насколько хватает глаз. Час за часом пробирается «Уточка» по колену в грязи. Ширина этого шоссе измеряется милями.

Спинороги просто обезумели, мечутся то вправо, то влево, склевывая различные живые комочки, застрявшие там и сям среди мусора. Как это ни странно, но я ощущаю себя возрожденным к жизни, испытываю облегчение и умиротворенность. Морская живность так и кишит среди отбросов. Здесь расквартированы невероятные полчища морских рачков и крабиков. Природа располагает свои питомники в самых неожиданных уголках. Для нас разложение означает смерть, но для Природы это — новое начало.

Набиваю рот крабами и креветками, пойманными на океанской свалке. Пусть это звучит иронически, но вся эта грязь служит мне указательным знаком на пути к спасению. Я вступил на склизкую дорогу из желтого кирпича, ведущую в страну Оз, и за ближайшим поворотом я найду приют, пищу и одежду. Появление новых птиц и рыб подтверждает, что я проделал большую часть пути и осталось еще немного. А этот Сорный путь — своего рода крупный водораздел, некая гигантская стела, выставленная на месте мощного апвеллинга или излома морского течения.

Наконец наступает ночь, а мы с «Уточкой» все еще плывем по скопищу грязи. Наутро вода становится светло-голубой и искрится чистотой. Не сомневаюсь, что мы добрались до сравнительно мелководного континентального шельфа. Скоро решится моя судьба.

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

*Я ОЩУЩАЮ СЕБЯ ЧАСОВЫМ МЕХАНИЗМОМ С
МЕДЛЕННО РАСКРУЧИВАЮЩИМСЯ ЗАВОДОМ.*

КАК ВСЕГДА, МОРЕ КАТИТ СВОИ ВАЛЫ ВЫСОТЮ в пять-шесть футов на запад. Ветер устойчиво дует со скоростью 20—25 узлов — свежо, но не опасно. «Резиновая уточка» взбегает по склонам водных хребтов вверх, а потом мягко скатывается вниз. Я стою, пошатываясь, голова у меня забита гастрономическими образами и мечтами о разных напитках. Больше я ни о чем не способен сейчас думать — только об этом и о вздымающихся и обрушивающихся волнах. Дело весь горизонт на шесть секторов. Усердно балансирую, тщательно осматриваю один из них. Затем осторожно поворачиваюсь, приспособливаюсь к новой позиции и осматриваю следующий. Во время шторма приходится выжидать момент, когда плот поднимется на гребень большой волны, чтобы разглядеть далекий горизонт, но, как правило, в таких условиях годится почти каждая волна. Где-то милях в пяти-восьми среди волн ныряет судно. Оно направляется на вест-норд-вест; может, подойдет немного поближе. Выжидаю подходящий момент и тяну за шнурок. Последняя парашютная ракета с шипением улетает в небо и разрывается. Свет ее не столь ярок, каким он был бы ночью, и больше смахивает на мерцающую во мгле звездочку. Судно номер семь, крадучись, удаляется. Осталось только три ракеты, все ручные. Теперь меня смогут заметить разве что, когда судно столкнется со мной нос к носу. Единственная моя надежда — это доплыть до островов.

8 апреля,
день шестьдесят третий

ПОКОЛЕБАВШИСЬ, Я ИДУ НА РИСК БЕСПОВОРОТНО загубить свое копьё и протыкаю еще одну доряду. Механически режу ее на куски, шинкую толстую филейную вырезку на узкие ломтики, прокалываю в них дырочки и развешиваю под тентом. Какое варварство! Я не хочу больше никого убивать. Пожалуйста, пустите меня

поскорее на сушу. Как-то без меня будут жить рыбки? Как я буду без них обходиться?

Запасшись свежей рыбой, я могу денька два немного отдохнуть от тяжелой работы. Я получил мимолетную передышку, хотя и знаю, что настоящего отдыха у меня не будет до конца плавания. Теперь мне даже просто не верится, как вспомню, сколько свободного времени у меня оставалось в былые дни, когда мое снаряжение не выходило регулярно из строя, а сам я еще не был изнурен голодом. Сейчас всякое дело отнимает у меня все больше и больше времени. Не перестаю задаваться вопросом, как много может вынести человеческий организм. Я не помышляю о самоубийстве — да и с какой стати думать об этом после всего, через что я прошел! — хотя могу понять человека, который выбрал бы этот выход в сложившихся обстоятельствах. Просто для меня самый легкий выход — это бороться. Я подбадриваю себя тем, что бывает и хуже и надо готовиться к худшему. Тело мое станет еще изможденнее. «Ничего,— говорю я себе.— Переживем и это». По сравнению с тем, что выпало на долю другим, мне еще повезло. Я твержу себе это снова и снова, пестуя собственную стойкость, но тело мое словно охвачено пламенем. Огонь из воспаленных нарывов на спине, ягодицах и ногах с гудением взметывается кверху и врывается прямо в череп. В одно мгновение он испепеляет все мое мужество, и на глаза у меня навертываются слезы. Но их недостаточно даже для того, чтобы хоть чуть-чуть приглушить бушующий внутри пожар.

Стоя на коленях в дверном проеме, я даю израненному телу отдохнуть от прикосновения соленой подстилки. Но тут солнце с силой бьет меня по голове, и я валюсь плашмя на носовой борт. Мои торчащие колени привлекают дорад, и они весь день вьются вокруг плота. Они знают, что сейчас я не охотник. Кажется, спинороги тоже понимают, когда в моей руке находится оружие. Загребаю рукой прохладную, чистую, как стекло, воду. Из-под днища выплывают дорады, и мы смотрим друг на друга — нас разделяет расстояние всего в один фут. Протягиваю к ним руку. Я никогда не видел, чтобы они прикасались друг к другу, хотя, полагаю, иногда они все же это проделывают; однако сейчас они позволяют мне погладить свои скользкие спины. Но едва мои пальцы

опускаются ниже, возмущенные дорады отскакивают. Спустя некоторое время они все равно возвращаются обратно. Вот, полюбуйте, они уже меня выдрессировали — этакий успешный эксперимент в естественных условиях! Как легко было бы сейчас расслабиться и умереть, превратиться в иные частицы бесконечной Вселенной, быть съеденным рыбами и самому стать рыбой. Из воды выпрыгивает дорада, и мои пальцы пробегают по мелькнувшему перед моим лицом оперенному хвосту. Немедленно вслед за тем маленькая шалунья возвращается ко мне снова. Но я не могу ответить на ее заигрывание. Мое племя — люди. Это только кажется, что отдаться дорадам или морю легко; на самом деле все обстоит совсем не так.

Замеряю самодельным секстантом широту. Около 18 градусов. Насколько точны мои измерения? Я знаю, что мне нипочем не продержаться еще двадцать дней. Если я отклонился к северу, это конец. Если бы я мог сейчас взнудать ветер, я заставил бы его буксировать меня на юг.

*10 апреля,
день шестьдесят пятый*

УТРОМ ДОРАДЫ ИСЧЕЗАЮТ, ЗАТО ПОЯВЛЯЮТСЯ несколько спинорогов нового типа. Они почти черные, с ярко-синими пятнами, со сморщенными ротиками, а их плавники напоминают оборки шифонового воротничка, развевающиеся под легким ветерком. Они нарядны, как кинодивы. Я называю их своими маленькими кокетками.

Под плотом торпедами проносятся две длинные рыбы. Они мчатся быстрее моих старых знакомых, голубых дорад; должно быть, это какая-то новая их разновидность. Они поменьше размером — фута два с половиной — три, а кожа их испещрена коричневыми и зелеными разводами, в тон армейского маскхалата. Одна из них где-то сильно изувечилась: ее маскировочный покров порвался в нескольких местах и сквозь него

розовеет голая кожа. Наверное, она страдает чем-то вроде рыбьего лишая.

Крошечные черные рыбки, всего в дюйм — два длиною, шныряют перед моим плотом, резко выделяясь в топазовой синеве Атлантики. Их тельца извиваются, как резиновые. Неспешная «Уточкина» поступь слегка рябит воду, создавая свой собственный «носовой бурун». Подобно тому как дельфины любят покачаться на волнах, разбегающихся из-под форштевня большого корабля, эти рыбешки резвятся чуть впереди нашего кильватерного следа. Я пытаюсь поддеть их кофейной банкой, но они всегда оказываются расторопнее.

После долгой битвы с пробойной в нижней камере я так и не смог оправиться от физического изнурения, но сегодня вечером чувствую некоторый прилив сил. Впервые после недельного перерыва я снова возвращаюсь к своему комплексу гимнастики йогов, расстелив предварительно на полу матрас и спальный мешок для защиты от рыбьих тычков. У меня опять вскочил геморрой, а исхудавшие ягодицы почти не прикрывают злосчастную шишку. Я усаживаюсь, подгибаю под себя одну костлявую ногу, пока она не упирается пяткой в промежуток, а затем лбом касаюсь колена вытянутой ноги, обхватываю при этом ее ступню обеими руками. Оттачиваю упражнение на гибкость, повиснув на леере плота. Затем переворачиваюсь на живот и задираю голову вверх, как при отжиманиях, и выгибаю колесом спину, не отрывая бедер от пола. Потягиваюсь, ложусь на спину, поднимаю ноги над головой и запрокидываю их назад до тех пор, пока они не коснутся пола. Все мое тело изворачивается, словно куст бурых водорослей, закруженный струями течения. По-моему, я оморачился здесь уже настолько, что меня теперь никакая качка не проймет.

На голову мне обрушивается жестокий удар. Шевелю челюстью, чтобы выяснить, не вывихнута ли она. Эти новые дорады в маскхалатах очень сильны и агрессивны. Весь день напролет они бомбардируют плот, таранят его головами и нещадно бичуют ударами мощных хвостов, налетая и отваливая с невероятной быстротой. Я прыгаю к выходу и хватаюсь за копьё, но мой бросок каждый раз немного запаздывает. Иногда передо мной мелькает кончик хвоста исчезающей в глубине рыбины. Иногда я

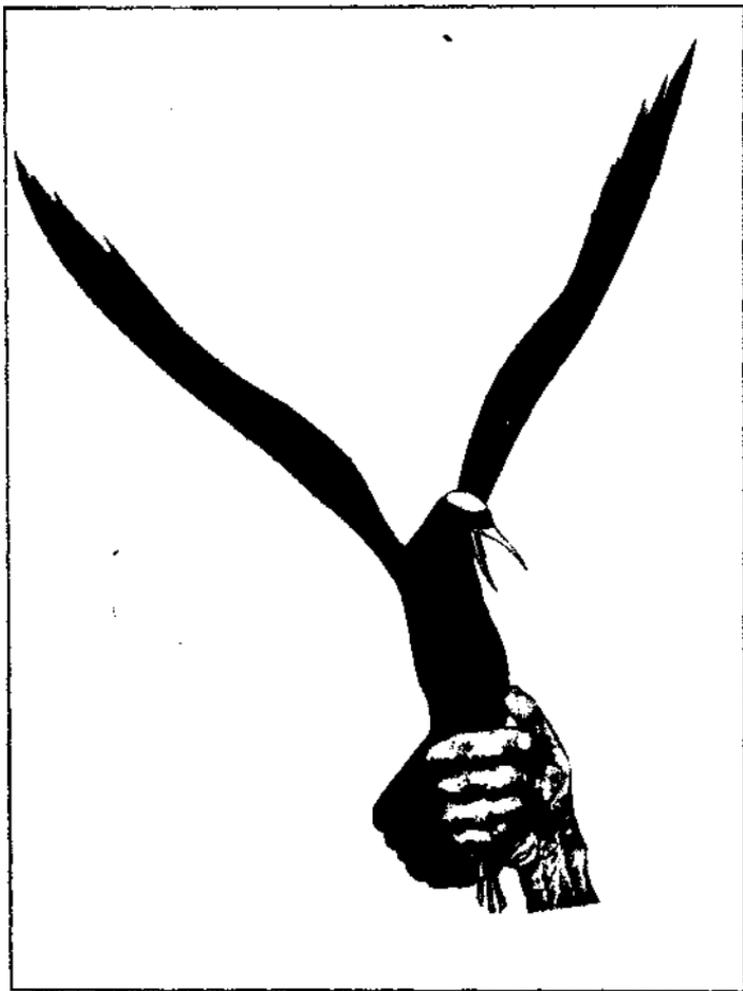
замечаю, как они проносятся мимо в нескольких саженьях под моим днищем. Они никогда не движутся спокойно, как голубые доряды, а всегда мчатся во весь опор как шальные.

На закате я снова слышу писк и успеваю заметить несколько крупных черных дельфинов, плывущих на запад. Близко ко мне они не подходят, но покоренный изящной легкостью, с какой они скользят по атлантическим волнам, я как зачарованный провожаю их взглядом.

Фрегаты, которых теперь уже стало трое, по-прежнему неподвижно висят высоко в воздухе, оседлав незримо текущие там, в вышине, небесные волны. Паразитально, как их узкие и длинные крылья способны спорить с мощью океанской стихии. Часто я вижу их над собой, едва только начинает светать, или же они появляются с запада в первых лучах зари. Показывается еще одна белоснежная крачка; невозможно поверить, что эта крохотная пичуга ежегодно пролетает во время миграции 11 тысяч миль.

Какая-то темно-серая птица зигзагами носится над водой в той стороне, откуда приходят облака, постепенно приближаясь ко мне. В полете она смахивает на ворону. Я думаю, что она прилетела с суши. Однако важнее всего, что это прилетел кусочек съестного. Птица уже близко. Ныряю под навес. Отсюда мне ее не видно, но я слышу шум ее крыльев у входа в свою пещеру; она раздумывает, стоит ли ко мне забираться. Улетает. Я жду. Ее тень опять падает на просвечивающую ткань навеса, увеличивается в размерах, и затем верхушка моего тента чуть проминается под ее легким телом. Осторожно наклоняюсь вперед и вижу, что примостившаяся сверху птица смотрит в корму. Ветер ерошит ей перья, а когда порыв стихает, они снова расправляются. Резко выбрасываю руку. В ту же секунду птица расправляет крылья, но мои пальцы уже смыкаются на тоненьких соломинках ее лапок. Она клекочет и шлепает крыльями, силясь взлететь, вертит головой и яростно клюет мой кулак. Хватаю ее другой рукой за спину, отдираю от тента коготки и втаскиваю добычу к себе в берлогу. Одним быстрым движением сворачиваю ей шею. Раздается чуть слышный хруст.

Прелестное оперение птицы так хорошо ухожено и выглядит таким непорочным, что, прикасаясь к нему, я

Резко выбрасываю руку. В ту же секунду птица расправляет крылья, но мои пальцы уже смыкаются на тоненьких соломинках ее лапок.

чувствую себя святотатцем. Я не знаю, что это за птица. У нее перепончатые лапки, тонкий длинный клюв и заостренные крылья, имеющие в размахе около двух с половиной футов. Оперение ее темно-коричневого цвета, за

исключением светло-серого беретика на макушке. Шкурка ее чрезвычайно крепка, и перья коренятся в ней очень глубоко. Робертсон считает, что птицу легче ободрать целиком, чем ощипывать, поэтому я финкой отрезаю ей крылья и голову и снимаю с нее шкурку. Самое съедобное — это грудка, но, к сожалению, там очень мало мяса. Птичье мясо отличается от рыбьего, но по вкусу почти такое же. В разделанном виде морские рыбы и небесные птицы оказываются удивительно сходными — те же внутренности, мускулы и кости; полагаю, что невелика в этом отношении разница и с сухопутными млекопитающими. В желудке у птицы я обнаружил пять серебристых сардин. Пойманы недалеко от берега? В крылышках почти ничего нет, кроме костей и перьев. Но они так красивы, что жалко выбрасывать. Подвешиваю их к середине арки.

Под вечер ко мне косяком возвращаются голубые дорады, как и раньше, под предводительством изумрудных, старейшин. В шестьдесят пятую ночь за нами следует добрая полусотня этих рыб. Время от времени одна из зеленовато-коричневых пятнистых дорад бьет по плоту, как кузнечный молот; мой организм немедленно отзывается выбросом адреналина, потому что я каждый раз принимаю этот толчок за нападение акулы. Я называю этих маленьких коричнево-зеленых дорад тиграми. Как будто вдохновленный их примером, один из самых крупных голубых самцов начинает кружить вокруг плота, осыпая его градом ударов; вода бурлит под взмахами его мощного хвоста, а бедная «Уточка» раскачивается взад-вперед. Я не обращаю на это внимания. А утром мне достается самый легкий охотничий трофей: всего за десять минут и каких-то два удара остроги я выволакиваю на борт замечательную самочку.

К ночи волны снова становятся на дыбы и обрушиваются на корму. Надувные камеры отзываются на каждый удар эхом, на плоту все гудит и грохочет, словно у меня над ухом кто-то палит из дробовика. Ветер вцепляется в водосборную накидку, яростно ее треплет, все шире раздирает прорезанные в ней крепежные петли и всячески стремится вообще ее оторвать. Среди ночи обстановка становится еще хуже. Море, точно боксер, молотит «Уточку» кулаками, и она валится то взад, то

вперед. Я скрючиваюсь, стараясь расположиться поближе к носу, но так, чтобы вес моего тела не давал запрокинуться корме. Однако хотя передняя часть навеса и обеспечивает мне несколько лучшую защиту, все же это местечко сухим можно назвать только с большой натяжкой. Навес на корме превратился уже просто в тряпку. Падающие на него водяные гребни хлещут мне прямо в лицо брызгами, навес пропускает воду, как сито, глаза щиплет от соли, спальник весь промок. Я непрерывно удаляю воду с пола и со стенок тента, но в мгновение ока все опять намокает.

*12 апреля,
день шестьдесят седьмой*

ДВЕНАДЦАТОЕ АПРЕЛЯ. ГОДОВЩИНА МОЕЙ БОГ-весть когда состоявшейся свадьбы. Для Фриши замужество оказалось нелегким. Я частенько пропадал в разъездах или в дальних морских походах, оставляя ее в одиночестве. Порой мы не виделись месяцами. Как я ни старался ее разуверить, она считала, что я слишком рискую. Незадолго перед тем, как мой «Соло» навсегда покинул Штаты, она сказала мне, что мне, как видно, суждено предстать перед моим Создателем в море, но это случится еще не в этот, а в другой раз. Хотел бы я знать, что она сейчас думает на этот счет. Окажется она права или нет? Что-то подельывает Фриша нынче? Скорее всего она считает, что я мертв; а занята она своим делом — наукой о том, как взрастить из почвы побольше новой жизни или как заставить почву возвращать новую жизнь. И вот однажды, когда утонувший Стив Каллахэн давным-давно будет съеден рыбами, какой-нибудь рыбак вернется с уловом и одна из рыбин окажется на столе у Фриши. Она возьмет голову, хвост и хребет этой рыбины и выбросит их в компостную кучу, а потом внесет компост в землю, и из нее проклюнутся зеленые молодые побеги. Природа — безотходное производство.

В" навес позади солнечного опреснителя врезается летучая рыбка. Рыбная диета, особенно дорады, мне до-

вольно-таки надоела, поэтому даже небольшое разнообразие возбуждает мой аппетит. Такое ощущение, будто кишечник вывалился из меня наружу. Пустоту желудка не заполнить никаким количеством рыбы. Привстаю, подхватываю незадачливую летунью и пытаюсь определить, напугана ли она или же приемлет смерть так же естественно, как отнеслась бы к следующему взмаху своих плавничков.

С каждым днем на моем корабле все труднее становится сохранять дисциплину. В голове стоит разноголосый ропот — точно на полубаке мятежного корабля команда бунтует, а предводитель требовательно кричит:

— *Воды, капитан! Нам нужно больше воды. Не хотите же вы, чтобы мы здесь все передохли, так близко от порта? Что такое пинта-другая? Скоро уже мы будем в порту. Неужто нельзя выдать лишнюю пинту...*

— *Заткнись!*—рявкаю я на него.— *Мы не знаем, сколько нам еще осталось. Может быть, придется тянуть до Багам. А сейчас — марш работать!*

— *Послушайте, капитан...*

— *Я все сказал. Вода строго по рациону!*

Они сбиваются стадом, угрожающе бормоча и жадно пожирая глазами свисающие с фальшборта емкости с водой. Вид у нас потрепанный. Ноги не держат. Торс едва выдерживает тяжесть головы, и она гудит, как барабан. Только в руках еще осталась какая-то сила. Жалкое зрелище. Возможно, потеря одной пинты и не принесет особого вреда. Но я должен обеспечить порядок на корабле. «За работу!— приказываю я.— Нечего отлынивать».

Но тело все больше склоняет меня на свою сторону. Разум, душа и тело пришли в полный разброд. Я чувствую, что скоро не выдержу и свихнусь от напряжения. В опреснителе открывается еще одна дыра, и дистиллят все чаще смешивается с соленой водой. А я не всегда способен определить на вкус присутствие соли и не знаю, годится ли он для питья. В любую минуту я могу сойти с ума. Бунт на корабле будет означать конец. Я знаю, что земля уже близко. Должна быть близко. И я должен убедить всю компанию.

Четыре дня мы плывем над континентальным шельфом. На одной из моих мелкомасштабных карт гра-

ница шельфа проведена на 120 миль восточнее Вест-Индии. Если секстант не врет, то я уже должен наблюдать высокие зеленые склоны какого-нибудь острова. Я должен уткнуться в Антигуа — по иронии судьбы, мой изначальный порт назначения. Но кто знает, может быть, впереди еще сотни миль. Этот мой карандашный треугольник вполне может оказаться просто нелепой игрушкой. Да и карта тоже может привирать. Бесконечно долго всматриваюсь я в линию горизонта в поисках неподвижного застывшего облака, обшариваю взглядом небо, выискивая в нем длинную туманную полосу, которая походила бы на след рукотворного летательного аппарата, но тщетно. Нигде ничего. Я ощущаю себя часовым механизмом с медленно раскручивающимся заводом, сброшенным с самолета. Я переоценил свою скорость, а может, дрейфую над шельфом по диагонали. Если бы только у меня был способ замерить течение! Я предполагаю, что расхождение моего действительного местоположения с расчетным составляет около 200 миль, но ведь ошибка в оценке погрешности всего в каких-то пять миль в меньшую сторону ежедневно вполне могла бы привести к увеличению этой цифры до 400 миль, а это еще восемь или даже пятнадцать суток. *«Воды, капитан. Пожалуйста, воды»*. Тик-так, тик-так, тик-так... Все медленнее и медленнее. Когда часы остановятся? Смогу ли я завести их еще раз, чтобы они шли до конца месяца, или пружинка лопнет?

Во второй половине следующего дня солнце так печет, что жара стоит, как в духовке. Солнечный опреснитель продолжает травить и, похоже, долго уже не протянет. Изрядно поизжарившись, я начинаю дрожать, и мною понемногу овладевает паника.

— *Пить, капитан. Нам надо пить.*

— *Нет! Нет! Ну ладно, пожалуйста... Нет! Больше нельзя. Ни капли.*

Небеса пышут жаром. Тело мое иссохло, как песок пустыни. Когда я сажусь вертикально, все плывет перед глазами, как в тумане. *«Пожалуйста, капитан. Воды. Пока еще не поздно»*.

Так и быть. Берите порченную воду. Пейте сколько влезет. Но норма чистой воды останется прежней. Одна пинта в день. И ни капли больше. Такова будет норма, пока мы не увидим самолет или землю. До-

говорились? Неуверенно выдавливаю: «Да. Пусть будет так».

Донце пластиковой трубки, в которой хранится собранная с тентового навеса загрязненная вода, покрыто оранжевым осадком. Складываю майку в три слоя и несколько раз процеживаю сквозь нее воду, сливая ее в консервную банку. В результате получается пинта подозрительно мутной жидкости. Она сильно горчит. Кое-как я ее выпиваю.

Жажда усиливается. Не проходит и часа, как снова приходится выдать команде воды. Через час — еще. Горькой пинты хватило ненадолго. Внутри все пересохло, я испелен зноем. Пить хочется еще сильнее.

— *Нет. Нельзя. Ждите до завтра.*

— *Мы не можем. Ты отравил нас, и мы не можем терпеть.*

— *Отставить!*

Нельзя выпускать из своих рук командование. Я безумно вращаю глазами, руки и ноги трясутся от напряжения — только бы совладать с паническим страхом!

— *Бери, ребята!* — вопит тело. И уже тянутся руки, чтобы схватить мешок с водой.

— *Нет!* — с усилием я поднимаюсь на колени, встаю на ноги и на мгновение оборачиваюсь к корме. Все время стоять я не могу, но сейчас меня освежает прохладный бриз.

И вдруг — самолет! В небе летит реактивный самолет! Не просто дорожка инверсионного следа или какой-то отдаленный намек на присутствие самолета, а настоящая серебристая птичка, летящая в Бразилию! Ну же, скорее! Включай радиомаяк! Батареи, наверное, уже скисли. Но нет, лампочка светится, а расстояние между нами не больше десяти миль. Оставлю-ка его в эфире на двенадцать часов. Самолет небольшой, вряд ли это коммерческий рейс. Неважно! Он появился как нельзя более кстати. Суша должна быть где-то близко. Исполняю свое обещание: вручаю экипажу пинту чистой пресной воды. Наступает всеобщее облегчение.

Надо мной пролетает птица, похожая на баклана. У него ровная коричневая окраска, если не считать черных колец вокруг глаз. А вчера мимо нас прохлопал крыльями поморник. Ему здесь бывать не положено. Не следовало ли указать ему на то, что он нарушил

границы предписанного ему ареала? Новые рыбы, новые птицы, иной цвет воды, нет больше саргассовых водорослей. Все вместе складывается в определенную картину. Моя одиссея скоро окончится. Напряженно вглядываюсь в горизонт, пока глаза не застилают слезами.

На связь с отделением береговой охраны в Майами выходит теплоход, следующий курсом вблизи острова Пуэрто-Рико: они повстречали в океане маленькую белую яхту без мачты, дрейфующую по волнам. Береговая охрана просит произвести осмотр яхты. С судна отвечают отказом: они уже потеряли яхту и не намерены возвращаться. Описание? Белый корпус, длина 20 футов, опознавательные знаки отсутствуют, людей на борту нет.

«Соло» был бежевый. Вдоль обоих его надводных бортов была проведена широкая темно-синяя полоса, такого же цвета были и комингсы рубки. Поперек транца — написано название. По бокам и на палубе приклеен номер «57», выведенный 14-дюймовыми цифрами.

И все-таки эту яхту отождествили с пропавшим «Соло». Согласно официальному сообщению, яхта «Наполеон Соло» обнаружена без экипажа. Один радиоловитель из Калифорнии принимает радиограмму береговой охраны на Лонг-Бич и оповещает всех, кто давно ждет обо мне известий. В эфир летит радиограмма: «„Соло" обнаружен».

Мой брат требует сообщить дополнительную информацию. Был ли на яхте спасательный плот? Как выглядело остальное снаряжение? Не замечено ли следов пиратского нападения? Каковы координаты поврежденной яхты? Он настаивает на уточнениях. Но Нью-Йоркской береговой охране ничего об этом не известно, и брату не удается получить дополнительной информации. Начинает твориться что-то странное. В то самое время, когда я, окунув руку, поглаживаю в воде своих собачонок, моей матери представляются ужасные картины, как меня зверски убивают пираты или как я томлюсь в фашистском застенке.

Творится и впрямь что-то странное. Береговая охрана выступает с различными заявлениями. Сначала они утверждают, что известия об обнаружении «Соло» в океане — не что иное, как утка, пущенная не имеющим

лицензии радиохулиганом. Потом намекают, что радиogramма, вероятно, нарочно состряпана Каллахэнами с целью побудить спасателей к каким-либо действиям.

Тогда мои родственники тщательно проследили весь путь этого сообщения в обратной последовательности — он вел от немецких радиолюбителей в Калифорнию, а затем через Лонг-Бич они вышли на Майами, откуда и просочились сведения, переданные береговой охраной. Истина вышла на поверхность, однако ложное сообщение по-прежнему циркулирует в судоводительском эфире, его принимает один из моих друзей на Бермудах. Нью-Йоркское управление, между тем, объявляет Каллахэнам, что если они желают отмены этого извещения, то им придется позаботиться об этом самостоятельно. Что они и сделали, покончив с путаницей.

К этому времени мои родные уже предприняли все, что могли, для вычисления моего примерного местоположения и исчерпали все средства, чтобы добиться организации поисков. Обращение к военному командованию с просьбой, чтобы летчики во время тренировочных и патрульных полетов совершили облет предполагаемого района бедствия, не имело успеха. Неудачей закончились и их попытки привлечь к делу разведывательные спутники, чья мощная оптика позволяет фотографировать из космоса даже мусорные урны. Тут им ответили, что речь идет о неспецифическом объекте, а площадь фотографируемого пространства составит 31 400 квадратных миль. Если каждый снимок охватывает участок в 900 квадратных футов, то есть квадрат со стороной 30 футов, то для осмотра всего района потребуется сделать свыше миллиарда фотографий. Куда бы ни обращались мои родные с просьбой о помощи, они повсюду наткнулись на какое-нибудь непреодолимое препятствие.

Больше они ничего не могут сделать, им остается только рассылать письма политическим деятелям и поддерживать частные контакты с судоходными компаниями. Но хотя все уже поверили, что я давным-давно погиб, мои родители решили продолжать поиски, и, только если я не вернусь через полгода, они будут считать, что все кончено. Брат Эд готовится к возвращению домой, на Гавайи. Всем нам остается только ждать.

Наконец, 20 апреля, береговая охрана соглашается возобновить еще на одну неделю передачу извещения о том, что «Соло» запаздывает с прибытием.

16 апреля,
день семьдесят первый

В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВРЕМЯ ТЯНУЛОСЬ ДЛЯ меня ужасно медленно, я все больше впадаю в уныние и депрессию. По моим расчетам, я уже давно должен быть на островах. Неужели мы их незаметно миновали? Не может быть! Они располагаются слишком тесной цепочкой. Хотя бы один из них я должен был заметить. И птицы по-прежнему прилетают с запада. Когда мне следует включить радиомаяк в последний раз? Конечно, радиус действия у него теперь невелик, но при том оживленном движении, которое царит на воздушных трассах в районе Карибского моря в дневное время, меня непременно должны услышать. Но надо еще подождать, пока не покажется земля или пока меня не покинут последние силы.

Я начинаю во всем сомневаться — в своих координатах, чувствах, самом своем существовании. Может быть, я — Прометей и надо мной тяготеет проклятие: каждый день у меня вырывают печень и каждую ночь она вырастает заново. А может; я Летучий голландец, обреченный вечно скитаться по морям и нигде не находить пристанища, моя судьба — заживо гнить вместе с моим кораблем. И я все глубже погружаюсь в пучину беспредельного ужаса. Глупо даже думать о том, что я стану делать, когда все это кончится. Это никогда не кончится. Это хуже смерти. Если бы мне нужно было отыскать в своем воображении самые ужасные видения, чтобы нарисовать картину ада, я выбрал бы то, что пережил в эти дни.

Бесповоротно сник последний мой солнечный опреснитель, в точности так же, как и предыдущий. Его матерчатое донце прогнило и оторвалось. У меня есть сейчас полный запас воды, но он очень быстро кончится. Единственным источником воды для меня будет дождь.

18 апреля,
день семьдесят третий

ВСЕ НОВЫЕ И НОВЫЕ ПРИМЕТЫ БЛИЗКОЙ ЗЕМ-
-- встречаются на моем пути. Исчезли тигровые до-
рады. Два дня «Резиновую уточку» сопровождала одна
пестренькая, в коричневых тонах, рыба весом футов
пять — десять. Я хотел ее загарпунить, но подвело не-
терпение. Я поспешил и только два раза ранил ее.
Спугнутая рыба уплыла. В небе летает все больше
чернокрылых птиц, а над головой продолжают кру-
жить фрегаты. Мне удастся изловить двух белоснеж-
ных крачек: они присели ко мне отдохнуть и обрели
вечный покой. Я опять видел проходящее судно, но это
случилось ночью и оно было слишком далеко от меня.
Почему-то все эти перемены нисколько не влияют на
мою затяжную депрессию. Я — Летучий голландец. Я и
наяву чувствую себя, как во сне. Мне некогда рассла-
биться, все время надо быть в напряжении. Работай
усерднее! Делай больше! Да будет ли этому когда-ни-
будь конец?

Еще раз принимаю охотничью стойку. Преодолевая
боль, сжимаю в руках копье, — несколько унций
алюминия и пластика; столовый нож, привязанный
вместо наконечника, делает его похожим на орудие
пещерного человека, только мое, разумеется, похуже.
Сохранять нужную позу я способен теперь не более одной
минуты. Дорады трутся снизу о мои колени, а я переносу
свой вес то на левое, то на правое, чтобы привлечь
их внимание. Дорады, словно нарочно, подставляют мне
бок, а потом резко отваливают влево или вправо или ны-
ряют в глубину. Порой они так близко подплывают
к поверхности, что поднимают на воде легкую зыбь.
Кажется, что вот-вот какая-нибудь рыба высунет голову
и заговорит со мной человеческим голосом, как золо-
тая рыбка из волшебной сказки. Замешкавшись на
долю секунды, я вижу только, как расплываются по
воде круги, а рыба, едва показавшись, исчезает в темной
глубине, только начинающей светлеть под лучами встаю-
щего солнца. Но в этот раз удар мой точен: вспыхивает
битва и победа опять остается за мною. Судьи —
изумрудные старейшины — наблюдают за ходом поединка

из-за линии фронта, как многоопытные генералы, которые сами не вступают в схватку.

Над моим миром стремглав мчатся сероватые размытые облака, слишком легкие, чтобы из них хлынул ливень; дождик только моросит, над водой стоит туман, ветер срывает с волн мелкие брызги, и в этой сырости рыба никак не может проявиться. Пополнив свои съестные припасы, я могу, однако, хотя бы временно сосредоточить всю умственную и физическую энергию на конструировании новых водоулавливающих систем. Первый вариант очень прост. Вдоль древка копия я натягиваю кусок пластика из разрезанного опреснителя и выставляю это приспособление из-под прикрытия тента наружу, оттянув зубами его уголок. Рядом я помещаю спущенный опреснитель, сплющив его в плоский диск и подогнув края, отчего он становится похож на глубокое блюдо для пиццы. Эти два устройства функционируют даже в самый легкий дождик. Влага из воздуха каплями оседает на их поверхности, капли собираются в тоненькие струйки, а те уже прокладывают себе русло сквозь морщинистые пластиковые долины и стекают мне прямо в рот. Чтобы углядеть за обеими системами и вовремя собрать из них воду, пока ее не испортили волны или зловредные частички с тентового покрытия, мне приходится пошевеливаться. Двигаясь все время на запад, я доплыл уже до тех мест, где формируются облака, иногда я замечаю вдаль «черную корову»: так зовутся у моряков пасущиеся в отдалении шквальные тучи, из которых стеной низвергаются потоки дождя. Старюсь соблюдать прежний распорядок дня, сложившийся у меня за два с половиной месяца. По ночам всякий раз, как прерывается мой сон, я выглядываю наружу. В дневное время я встаю на ноги каждые полчаса и внимательнейшим образом просматриваю горизонт во всех направлениях. Я проделал это уже более двух тысяч раз. Я инстинктивно сообразуюсь с движением волн, заранее предчувствуя подъемы и спады, которые позволят мне заглянуть на сотню ярдов или на полмили вперед. Сегодня после полудня с кормы, чуть к северу от нашего курса, в океане показывается сухогруз. При свете дня мои ракеты будут практически не видны, поэтому я останавливаю свой выбор на оранжевой дымовой шашке и поджигаю ее. Бестолковый оранжевый джинн вылетает на

свободу и уносится по ветру, распластавшись у самой поверхности воды. Через 100 футов густые клубы дыма рассеиваются, от них ничего не остается кроме мутной дымки, напоминающей прокуренный воздух пивного заведения. Теплоход прорезает Атлантику в паре миль по нашему траверзу и, размеренно попрыгивая, скрывается на западе за горизонтом. Он наверняка держит курс на какой-нибудь островной порт.

19 апреля,

день семьдесят четвертый

ОСТАТОК ЭТОГО ДНЯ И ВСЕ СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО Я посвящаю созданию сложного водосборного устройства. Пустив в дело алюминиевые детали радиолокационного отражателя и последний из отработавших солнечных опреснителей, я сооружаю «Резиновой уточке» чепчик и пришилаваю его к макушке тента. Чепчик имеет открытый раструб в корму. Угол наклона раструба регулируется. Выставляю его почти вертикально, и ветер раздувает чепчик, как мешок. Прилаживаю к нему водотводную трубку и спускаю ее внутрь, чтобы можно было наполнять емкости одновременно с остальными водосборниками.

Часами я наблюдаю, как из-за горизонта встают белые пышные облака и медленно проплывают мимо. Иногда они скучиваются в обширные стада, длинными вереницами шествующие по небу. Вдоволь нагулявшись над просторами Атлантики, они приходят толстые, раздобревшие, с высоко взбитыми верхушками и плоским черным брюхом. Переполняясь влагой, они изливаются над океаном, и сплошные полосы дождя с шумом низвергаются в волны. Я сижу, пережевываю сухие дорадовые палочки и поджидаю случая опробовать свои новые устройства.

Однако шквалам, как видно, со мной не по пути. Порой длинная череда облаков проплывает совсем рядом. Их курящиеся края выются прямо надо мной, случается, что на меня падает несколько капель, иногда брызнет минутный морозящий дождик. Этого вполне достаточ-

Из алюминиевых деталей радиолокационного отражателя и пластиковой боковины солнечного опреснителя я сооружаю очень эффективное водосборное устройство в виде чепчика, который надевается на макушку тента. Я делаю алюминиевую дугу и поперек ее основания привязываю ось. Все кромки тщательно запилены, чтобы не повредить резину навеса. За счет этого каркаса чепчик всегда открыт навстречу ветру. К дуге пришнурована сферическая пластиковая боковина опреснителя, раздувающаяся на ветру наподобие маленького паруса. В доньшко чепчика я вмонтировал кусочек трубки и провел ее внутрь, чтобы во время дождя можно было наполнять водяные емкости. Прикрепленная на корме растяжка поддерживает чепчик в вертикальном положении, но угол наклона при необходимости можно регулировать, обращая раструб прямо навстречу дождю. Обратите также внимание и на то, что водосборная накидка уже поизносилась и начала рваться. Ржавый газовый баллончик я поднял на борт и привязал к наружному лееру. Каждый день я часами выстаиваю на вахте, ведя наблюдение, но особенно пристально всматриваюсь в горизонт впереди, надеясь, что облака наконец-то откроют передо мною землю.

но, чтобы продемонстрировать чрезвычайную эффективность моего последнего изобретения по сбору льющейся с неба воды. Я убежден, что, если бы мы попали хоть раз под настоящий проливной дождь, у меня собралась бы не одна пинта, а то и целый галлон. Но одно дело иметь в руках инструмент и совсем другое — иметь возможность им воспользоваться! Мой взор блуждает от горизонта к небесам. Боже, как я устал от вечного ожидания!

20 апреля,
день семьдесят пятый

ПОД НЕПРЕКРАЩАЮЩЕЙСЯ МОРОСЬЮ И СОЛЕНЫМИ брызгами развешенные в мясной лавке ломтики дорады не столько сохнут, сколько мокнут. С удивлением обнаруживаю, как хорошо сохранились сушеные палочки, приготовленные из дорады, пойманной чуть ли не в самом начале плавания. Они совершенно одеревенели, но только снаружи подернулись белесоватым налетом, внутри же сохранили прежний янтарный цвет.

Под вечер с востока набегает целый табун упитанных облаков. Битый час я слежу за их приближением. Путь их пролегает чуть южнее моего. Громоздясь все выше и выше, они надвигаются на меня, и я готовлюсь к встрече, делая частые глотательные движения. Хотя во рту у меня давным-давно все пересохло, я мысленно призываю их к себе, но они даже не замечают меня и, когда до моего плота остается миля, сворачивают в сторону и с громовым рокотом уносятся прочь, сверкая на бегу искрами молний. В четырех местах сразу из туч низвергаются такие плотные стены дождя, что затмевают все небо. На глазах у меня льются с вышины десятки тонн чистой воды — целый небесный водопад. Всего лишь какая-то миля отделяет меня от избыточной влаги! Не отдельные капли, не жалкие глотки, а ревущий поток воды — я мог бы напиться вволю! Ну почему моя «Уточка» так беспомощно ковыляет, неспособная к резкому бегу по волнам? Я погиб. Мои сухие как порох водосборные системы бессильно трепещут под порывами ветра.

СМЕРТЬ

*НА ГЛАЗАХ У МЕНЯ ЛЬЮТСЯ С ВЫШИНЫ ДЕСЯТКИ
ТОНН ЧИСТОЙ ВОДЫ... МОИ СУХИЕ КАК ПОРОХ
ВОДОСБОРНЫЕ СИСТЕМЫ БЕССИЛЬНО ТРЕПЕЩУТ
ПОД ПОРЫВАМИ ВЕТРА.*

СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ ДЕНЬ. ВЕЧЕРНЕЕ НЕБО УСЕЯНО облаками, плывущими на запад. Что-то моросит сверху. Непонятно: то ли сеет мелкий дождик, то ли просто капли тумана, но для меня малейший признак пресной влаги служит сигналом к активным действиям. Два часа подряд я размахиваю в воздухе своими пластиковыми черпаками и набираю таким способом полторы пинты. Мои водоулавливающие системы еще служат мне службу.

Волны невелики, мне не грозит опасность опрокинуться, поэтому я, скорчившись, укладываюсь спать на носу. Чтобы отрешиться от болезненных ощущений и заснуть, мне в последние дни требуется очень много времени. А когда мне это удается, то не проходит и часа, как резкая боль от какой-нибудь язвы прерывает мой сон.

Встаю и обзираю черные воды. Там и сям вокруг меня вспыхивают мерцающие огоньки — это фосфоресцируют морская пена или промчавшаяся по воздуху летучая рыба. Чуть южнее моего курса впереди маячит какое-то бледное сияние. А чуть севернее — еще одно. Рыболовная флотилия? Но они неподвижны. О Господи, да это вовсе не суда! Это ночное зарево над сушей! Пока я стою как замороженный, где-то сбоку мелькает еще один огонь. Поворачиваю голову, и тут же из-за горизонта ко мне простирается широкая полоса света. Луч маяка! Одна за другой четко следуют ритмические вспышки — проблеск, пауза, два проблеска, перерыв, проблеск, пауза, два проблеска... Да это же земля! «Земля!» — ору я, пускаясь в пляс. Там земля! Я взмахиваю руками, точно хочу обняться с незримым компаньоном. Не могу поверить в свое счастье!

Это надо отпраздновать по-настоящему! Дашь питейный запас! Большими, жадными глотками я осушаю сразу две пинты. Хмель так ударил мне в голову, точно я хватил чистого спирта. Снова и снова выглядываю я из-под тента, чтобы убедиться, что все это не сон и не обман зрения. Я даже ущипнул себя — ой! Да, все правильно. И воду я смог донести до рта и по-настоящему напился, чего никогда не бывало во сне. Нет, это не сон! Все и в самом деле происходит взаправду!

На радостях я скачу. Одним словом, отпраздновал событие!

Ладно, парень, а сейчас пора успокоиться. Ты еще пока не дома. Что это за маяк? Это не может быть Антигуа. Где ты — южнее, севернее? «Уточка» нацелена как раз на темный коридор между двумя пятнами света. Когда я подойду поближе, может быть, немного подгребу, а может, приспособлю весла к надувным камерам, чтобы они действовали как кили. Но даже если я и не вырулю к земле, радиомаяк наверняка меня здесь выручит. Когда взойдет солнце, я включу его в последний раз.

От возбуждения я почти не могу спать, и только временами задремываю на полчаса. Пробуждаясь, я снова и снова спешу удостовериться, что это не фантастический сон, а объективная реальность. Прямо по курсу показывается еще одно светлое пятно. Надеюсь, что утром на горизонте появится выступающая над водой оконечность острова, которого можно будет достичь засветло. Даже при свете дня высадка — достаточно рискованное мероприятие. А если я подойду к острову только ночью... Ладно, об этом еще рано думать! Сейчас надо отдохнуть...

*21 апреля,
день семьдесят шестой*

И ВОТ НАСТУПАЕТ МОЙ СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ рассвет. Я не верю своим глазам — так роскошна панорама, развернувшаяся перед моим взором. В ней столько зелени! После проведенных в океане месяцев, где я мало что видел, кроме голубизны неба, голубизны моря и голубых рыб, буйство ярко-зеленого цвета производит на меня ошеломляющее впечатление. Впереди открылась не кромка далекого острова, как я думал вчера. На юге из океана встает роскошный, как сады Эдема, гористый остров, возвышающийся до небес. На севере виден второй с высоким горным пиком. А прямо по курсу лежит небольшой плоский островок — и все это не в туманных очертаниях, а как насыщенная яркими красками отчетливая

картина. До берега остается миль пять-десять, и моя «Уточка» устремляется к середине острова. Северная часть острова окружена отвесными утесами, вокруг которых кипит и пенится океанский прибой. На юге обрывистый берег переходит в песчаный пляж, за которым виднеется несколько белых строений: по-видимому, это жилые дома.

Но как ни близок берег, я не могу еще чувствовать себя в безопасности. Высадка на сушу неизбежно сопряжена с риском. Если меня отнесет к северному побережью острова, я рискую разбиться об острые коралловые утесы. На юге мне придется пересекать широкий рифовый пояс, прежде чем меня вынесет на пляж. И если я доберусь туда целым и невредимым, у меня вряд ли хватит сил, чтобы дойти или хотя бы доползти до человеческого жилья. Но так или иначе, сегодня настанет конец моему путешествию — возможно, еще на исходе дня.

Включаю радиомаяк и впервые вскрываю медицинскую аптечку. Как и все остальное снаряжение, что у меня здесь есть, я сберегал ее на самый крайний случай. Достаю из нее крем и вымазываю весь его запас на свои болячки, затем выкраиваю себе треугольный подгузник. Я попытаюсь заставить «Уточку» обойти остров с юга, чтобы при высадке не пришлось преодолевать прибойный накат наветренного берега. Если из этого ничего не получится, буду высаживаться на пляж. Мне потребуется обеспечить себе всю возможную защиту. Завернусь в пенопластовый матрас, который поддержит меня на плаву и послужит буфером при ударах о кораллы. Срежу с плота навес, чтобы не оказаться под ним в ловушке, а его ткань пригодится мне, чтобы обернуть руки и ноги.

Постараюсь сделать так, чтобы «Уточка» не перевернулась и вынесла меня на берег, но думаю, что нижняя камера будет разорвана в клочья. Надо все свое имущество привести в порядок и надежно его закрепить. Устраиваю большую уборку, выбрасываю за борт ненужный мне больше хлам и упаковываю в мешки аптечку и другие предметы первой необходимости. Сгрызаю пару рыбных палочек, по вкусу гораздо больше похожих на сальные свечи, чем на рыбу. Но теперь я могу обойтись без продовольственных запасов. Мои собачонки тычутся

в меня носами. Да, друзья мои, скоро я вас покину. Куда разведут нас наши дороги? Выкидываю остатки прогорклой рыбы, за исключением нескольких сухих янтарных ломтиков, решив сохранить их в качестве сувениров. Что еще? Ах, да — еще пинту воды, чтобы подкрепиться перед высадкой.

С каждой проходящей волной до моего слуха доносится какой-то новый звук... Рrrrrr... Рrrrrr... Громкость его нарастает. Мотор! Вскликаю на колени. Со стороны острова, в паре сотен ярдов от меня, острый белый форштевень с расклешенными бортами бросается на грудь очередной волне, а потом с плеском обрушивается с нее вниз. Лодка взбирается вверх и сваливается вниз, вверх и вниз, ближе и ближе к моему плоту. Она невелика — футов, может, двадцать, — сделана из грубо оструганных досок и покрашена в белый цвет, а вдоль планширя отведена зеленая полоса. С лодки на меня изумленно таращатся трое темнолицых людей. Я вскакиваю, машу им рукой и кричу: «Хелло!» Они тоже машут в ответ. Ну, уж на этот-то раз меня определенно заметили. Спасен! Не верится, просто даже не верится... Осталось совсем немного. Не надо пересекать рифы, не надо больше тревожно вслушиваться, не зарочечет ли самолет. Я различаю два лица цвета красного дерева с золотистым отливом и третье — черное: на голове у рулевого мягкая соломенная шляпа с широкими полями, развевающимися от ветра. Майка на нем полощется, как флаг. Он делает разворот перед моим плотом, лодка замедляет бег и останавливается возле меня. Все трое — мои сверстники; с растерянным видом они что-то лопочут на непонятном языке. Вот уж скоро три месяца, как я не слышал звуков человеческого голоса.

— *Hablar espanol?* — кричу я им.

— Нет, нет!

Что это такое они говорят?

— *Parlez-vous français?*

Я не могу разобрать ответа, потому что они говорят, перебивая друг друга. Указываю на берег:

— Что за острова?

— Ааа... — Кажется, до них дошло.

— Гваделупа, Гваделупа.

Так, значит, это французский. Но такого французского слышать мне не доводилось никогда. Позже я узнал, что

эта разновидность французского, на котором здесь говорят с пулеметной скоростью, называется креольским наречием. Через несколько минут мне удастся установить, что самый черный из них говорит по-английски, хотя с сильным карибским акцентом и в ритме калипсо. Наверное, в этой ситуации мне нелегко было бы уразуметь даже земляка из Новой Англии, но я все же начинаю улавливать смысл его речи.

Мы сидим в своих крошечных суденышках, поднимаясь и опускаясь вместе с волнами, разделенные всего несколькими ярдами. На мгновение мы все умолкаем и только разглядываем друг друга, совершенно не зная, что сказать. Наконец они задают мне вопрос:

— Ты чего делаешь, парень? Чего надо?

— Я нахожусь в море уже семьдесят шесть дней.

Они снова начинают громко гомонить между собой. Может быть, они думают, что я нарочно захотел проплыть на «Резиновой уточке» из Европы в Америку? Спрашиваю их:

— Нет ли у вас каких-нибудь фруктов?

— Нет, этого у нас с собой нету.

Как видно, они растерялись и сами не знают, как поступить. Самый черный из них поэтому спрашивает меня:

— Ты хотеть плавал на острове?

«О да, конечно же, да»,— отвечаю я мысленно, а сам молчу. Их порожняя лодка то подкатывает ко мне, то откатывает назад. Прошое, настоящее и ближайшее будущее вдруг каким-то необъяснимым образом сплетаются между собой. Я знаю, моя борьба окончена. По воле случая эти рыбаки распахнули дверь моей темницы. Они предлагают мне величайший из всех возможных даров: самое жизнь. У меня такое чувство, как будто я долгое время бился над решением сложной головоломки и вдруг оно пришло совершенно неожиданно, а все разрозненные кусочки сложились в единое целое. Первый раз за два с половиной месяца я ощутил единство мыслей, чувств и своего физического существа.

Высоко в небе парят фрегаты, привлеченные сюда моими дорадами и летучими рыбами, их общим кормом. Трое⁸ рыбаков увидели скопление птиц, поняли, что здесь есть рыба, и пришли, чтобы ее взять. Придя на место, они обнаружили меня, но не *вместо* своей законной рыбы, а *вместе* с ней. Снова дорады. Это они поддерживали

меня в океане и были моими друзьями все эти долгие недели. Правда, они чуть не убили меня, но сейчас они же принесли мне избавление. Они передали меня с рук на руки рыбакам, моим морским братьям. А жизнь этих людей зависит от моря не меньше, чем моя. Их крючки, остроги и колотушки подобны моему собственному снаряжению. Их одежда так же проста. И, наверное, они так же бедны, как и я. Головоломка почти сложена. Осталось вставить на место последний фрагмент.

«Нет, у меня все о'кей. У меня много воды. Я могу и подождать. А вы ловите рыбу. Ловите, ловите!» Я точно возношусь к вершинам откровений. «Много рыбы, крупная рыба, самая лучшая рыба во всем море!» Они, поглядывая друг на друга, о чем-то переговариваются. Настойчиво побуждаю их к рыбалке: «Здесь полно рыбы, вам надо ловить рыбу».

Один из них склоняется над мотором и дергает за пусковой шнур. Лодка срывается с места. Они наживляют шестидюймовые крючки серебристыми рыбками, очень похожими на летучих, но только без характерных больших крыльев. За борт выметывается несколько лес, и через мгновение мотор умолкает. Слышатся путаные креольские выкрики, мелькают темные руки. Кто-то делает подсечку, из воды выпрыгивает громадная дорада, и, описав в воздухе размашистую дугу, с глухим стуком шлепается на дно лодки. Снова взревел мотор, но не проехав и двухсот ярдов, лодка останавливается и рыбаки выдергивают на борт еще двух упитанных рыбин. При этом ни на минуту не прекращается возбужденный гомон. Какофония креольской речи яростно нарастает, как будто в рыбацком азарте от избытка энергии у них внутри пробивает какой-то изолятор. Они то и дело дают газ, и лодка резво прыгает вперед. Они неистово насаживают наживку, забрасывают свои снасти в воду, резко натягивают и останавливаются. Только было взметнувшийся за кормой бурун нагоняет и подталкивает стоящую лодку. Все новые и новые рыбы летят на борт.

Я, не торопясь, вскрываю банку со всем своим водным резервом. Пять пинт прибереженного богатства льются в мою глотку. Смотрю на спокойно плавающих под плотом дорад. Да, друзья мои, вот мы и расстаемся. Но, похоже, вы не чувствуете себя жертвой предательства. И, может быть, не в обиде на бедняков, которые

радуются привалившему богатству. Какие вы знаете тайны, неведомые мне?

Кто может объяснить, почему я уложил подводное ружье в аварийный мешок, почему «Соло» оставался на плаву, пока я не прихватил с него свое снаряжение? Почему дорады сами все больше облегчали мне охоту на себя по мере того, как портилось мое оружие и слабели руки, а под конец стали ложиться на бок, подставляя себя под удар? Почему они снабдили меня как раз таким количеством пищи, чтобы я продержался ровно 1800 морских миль? Я понимаю, что они всего-навсего рыбы, а я только лишь человек. Что-то нас заставляет поступать так, а не иначе, и мы делаем то, что позволяет нам делать Природа. Но порою в жизненную ткань вплетаются такие фантастические узоры! Мне нужно было чудо, и рыбы явили мне его. Более того! Они открыли мне, что весь мир вокруг наполнен чудесами — они плавают, летают, ходят, низвергаются вниз дождем и перекачиваются бегущими мимо волнами. И вот я гляжу на дивную арену жизни. Кажется, что дорады сами так и прыгают в руки рыбакам. Никогда еще не испытывал я такого смирения, такой умиротворенности, свободы и легкости.

На транце лодки крохотными буквами написано ее название — «Клеманс». Она с грохотом мечется по морю то туда, то сюда, закладывая виражи вокруг «Резиновой уточки». Каждую минуту ее груз увеличивается на одну рыбину. Рыбаки стараются почаще проезжать рядом с плотом, чтобы лишний раз убедиться, что со мной все в порядке. Машу им рукой. Они проходят почти впритирку, и, пока «Клеманс» скользит мимо меня, один из них передает мне сверток из коричневой бумаги. Разворачиваю этот дар и — о счастье! — там лежит кучка настроганных, намертво слипшихся от неочищенного коричневого сахара ломтиков кокоса, увенчанная сверху пипочкой из сахара красного. Красного! Даже простые цвета приобретают для меня сейчас чудесное значение.

«*Coco sucré!*» — кричат мне с удаляющейся на новый охотничий заход лодки. И улыбка — Господи, до чего же это странно — улыбаться! — так и расплывается у меня по лицу. Сразу и сахар, и фрукты. Отковыриваю кокосовую щепочку и кладу ее на повлажневший язык. С трудом отдираю от *coco sucré* кусочек за кусочком.

словно скульптор, обрабатывающий гранитную глыбу, но съедаю все до крошки.

Но вот стая рыб внизу рдеет. Рыбаки замедляют темп. По временам какая-нибудь из моих собачонок спешит ко мне, будто желая попрощаться, прежде чем кинуться в погоню за крючком. Солнце все выше взбирается по небосклону, я совсем устал. Хватит вам ловить рыбу. Пора на берег. Через полчаса я валяюсь на носу совершенно обмякший, пытаюсь сохранить прохладу тела и ясность ума. Побоище наконец окончено. И моему путешествию тоже пора кончаться.

ЖИЗНЬ

ВОЛНЫ ЛИЖУТ БОРТА В НЕСКОЛЬКИХ ДЮЙМАХ
ОТ ПЛАНШИРЯ. НАДЕЮСЬ, ЭТИ ПАРНИ ЗНАЮТ,
ЧТО ДЕЛАЮТ.

РЫБАКИ ПОДРУЛИВАЮТ ПРЯМО КО ВХОДУ МОЕЙ «Уточка». Перебрасываю к ним мешок со снаряжением. Надежные руки подхватывают меня, я вскарабкиваюсь на борт и усаживаюсь на дно лодки, где лежат десятки дорад и несколько барракуд. Узнаю своих собачек. Здесь находится и та дорада, которую я однажды выдернул из моря — «Ну что, глупая рыба, допрыгалась?» — просто, чтобы отпугнуть ее. Здесь и та, которая перекусила мою рыболовную лесу впереди проводочного поводка. Здесь же и милая самочка, которая, бывало, застенчиво терлась о плот, всегда чуть правее того места, куда я целил. Но изумрудных старейшин не видно нигде.

Вскарабкиваюсь на твердую деревянную банку и долго ерзаю по ней, выискиваю у себя на заду хоть какую-то мякоть для амортизации тазовой кости. Мои спасители выволакивают «Уточку» на нос своей лодки, перекаладывают румпель и раскручивают мотор. От стартового толчка я едва не опрокидываюсь на спину. «Уточка» подскакивает и сползает. «Клеманс» останавливается, и я показываю рыбакам, как спустить из надувных камер воздух. Из соска нижней камеры мощной струей вытекает несколько галлонов воды, «Уточка» громадной черной амебой расплывается на носу. Она тоже заслужила отдых.

Мы снова трогаемся в островной манере, рывком дав сорокапятисильному «эвинруду» полный газ. Быстрый ход лодки производит на меня странное впечатление. Волны набегают на нас, а потом мы скатываемся по их склонам, глубоко рассекая воду, так что она двумя потоками обтекает борта. Прорезанная нами борозда тянется из Атлантического океана в Карибское море. Лодка кренится так сильно, что волны лижут борта в нескольких дюймах от планширя. Надеюсь, эти парни знают, что делают.

«Клеманс» — простецкая лодка. В качестве аварийного парусного вооружения на ней используется кусок холста, обернутый вокруг длинного ствола молодого деревца с ободранной корой. В паз между обшивкой и шпангоутом засунуто стальное лезвие, обмотанное тряпичей и перехваченное липкой лентой. Под резервный бензобак приспособлен 15-галлонный пластмассовый

контейнер с откидной крышкой. Когда бензин в основном баке иссякает, крышку открывают ржавой железью, после чего капитан Жюль Паке берет в рот сифонную трубку и подсасывает топливо из запасного бака. Выдернув конец трубки изо рта, он быстро засовывает его в горловину главного бака, сплевывая за борт добрый глоток бензина. Мы снова делаем рывок вперед, но через несколько минут мотор вдруг глохнет. Капитан Жюль снимает с бедного «эвинруда» капот и копается под ним.

Рядом со мной сидит его брат Жан-Луи. У обоих братьев острые носы и веселые глаза. Они очень похожи на египтян. Жан-Луи коротко острижен, а густая шевелюра Жюля окружает его голову широким нимбом. Жан-Луи широко улыбается, показывая щербину на месте недостающего переднего зуба. Я тоже безудержно улыбаюсь.

Позади сидит Паулинос Уильямс. Его могучие мускулы круглятся и блестят, как полированное железо. Кожа его так черна, что в тени невозможно разглядеть лица. Сверкая белыми зубами, он обращается ко мне по-английски, пока остальные двое креольской скороговоркой обсуждают поведение мотора. «Осталось уже недалеко, — успокаивает меня Паулинос. — Час, не больше».

«Клеманс» опять затарактела и рванулась вперед. Спрашиваю у Паулиноса, что за гористый остров виднеется по носу, возвышаясь над близлежащим низменным островком.

— Там остров Гваделупа. А это Мари-Галант. Назван в честь корабля Колумба.

Как ловко я угадал, найдя сушу ближе Гваделупы! Меня принесло к крошечному островку, самому восточному из всей цепи. Он так мал, что вряд ли даже отмечен на моей карте. Паулинос перекрикивает грохот мотора:

— Тебе очень повезло. Обычно мы не ловим рыбу к востоку от Мари-Галант. А сегодня решили пойти в эту сторону. Мы обходим остров и видим птицы очень далеко. Они летают так далеко в море. Мы не ходим за рыбой так далеко. Но сегодня решили посмотреть. Подходим ближе и видим, что-то есть. Думаем это, может, бочка. Приходим, а это не бочка. Это ты.

Мы огибаем южную оконечность Мари-Галант. Жюль ведет лодку так близко к берегу, что она скользит прямо по прибойным волнам, разбивающимся о древние коралловые утесы и снова откатывающимся навстречу новой вспухающей громадине. Ударяясь о скалы, возникшие из миллиардов погибших крохотных коралловых организмов, волны взрываются, высоко разлетаются фонтаном брызг. В отвесных береговых обрывах тянутся пробитые пещеры, в которых эхом разносится тяжелый стук старика Нептуна в дверь матери-земли. Воображение рисует мне картину, как «Уточка» вместе со мной налетает на эти скалы; я карабкаюсь, пытаюсь уцепиться за крохотный безопасный выступ, но прибой сбрасывает меня вниз и волочит прямо по острым камням.

Я запеваю свою любимую песню — колыбельную «Лето»*. Лето и как стала прекрасна жизнь! Вспоминаю своих прыгучих рыб. А урожай тростника на острове, наверное, действительно большой. Я чувствую такую свободу, что, кажется, сейчас расправлю крылья и улечу в небеса. Я пою во весь голос, но звук теряется в реве мотора и шуме рассекаемых волн. Жан-Луи улыбается и говорит, что я хорошо пою. Вряд ли это так, но никогда еще слова этой песни не были так созвучны моему настроению. О да, жизнь легка и прекрасна!

С берега повеяло ароматом цветов и травы, я впиваю этот запах. Я будто впервые вижу краски земли, слышу ее звуки, ощущаю ее запахи. Я словно заново родился на свет. Возможно, ужасные воспоминания об этом путешествии будут преследовать меня до конца дней, но их острота уже сейчас сглажена восторгом новой жизни и добротой этих людей. Семьдесят шесть дней я жил на краю гибели, боясь сорваться в бездну, боясь, что мои атомы, моя энергия, суть моего существа вырвутся из-под моей власти и, рассеявшись во Вселенной, послужат материалом для ее неведомых целей, а Стивен Каллахэн бесследно исчезнет.

Впереди показывается странное образование, похожее на амфитеатр. Хойя-Гранде. Когда-то здесь возникла большая полость, крыша ее однажды обвали-

* Из оперы Дж. Гершвина «Пурги и Бесс». — *Прим. пер.*

лась и получилась тонкостенная коралловая башня, сверху открытая небесам, а сбоку — Атлантическому океану, волны которого вливались в нее через сводчатое отверстие.

Мы огибаем остров и продолжаем двигаться вдоль наветренного западного берега. Море здесь плоское как доска, в воздухе жарко, день весь искрится светом и яркими красками. Передо мной открывается длинный пляж. Под густыми кронами прибрежных деревьев и пальм ютятся хижины и маленькие домишки. Это деревня Сен-Луи. Под открытым со всех сторон навесом собрался народ. Скоро нас кто-то заметил. Прекращаются оживленные разговоры, торговцы откладывают в сторону свою рыбу. Что там за большая черная тряпка перекинута через нос лодки? А кто этот тощий бородатый белый человек, с кожей почти такой же темной, как у Жюля и Жана-Луи, но с выбеленными солнцем волосами и белоснежными бровями? Некоторые направляются к тому месту, где мы должны причалить, сначала медленно, а потом ускорив шаг.

В последний раз оглядываюсь на своих дорад. Двенадцать рыбин из их рода, двенадцать спинорогов, четыре летучие рыбки, три птицы, несколько унций морских рачков, крабиков и еще кое-какая разномастная мелочь сохранили мне жизнь в океане. Девять судов не заметили меня. Дюжина акул испытывала мою стойкость. Но теперь все это позади, наконец-то все кончено. В чувствах моих сейчас царит такой же сумбур, как и в ту ночь, когда я потерял своего «Соло». Мне так давно не приходилось радоваться, что сейчас я совсем растерялся и чувствую себя беспомощно. Нос лодки поворачивает в сторону берега, и вот она уже скребет днищем по песку. Тихонько шепчу рыбам: «Спасибо, друзья. Спасибо и прощайте!»

Со всех сторон к пляжу стекаются люди. Хихикая, подбегают дети и, замерев, глазеют на нас. Рыбаки кричат, чтобы я сидел спокойно, но я все же начинаю вылезать сам и перекидываю ногу через планширь. Я 'делаю рывок вперед, туда, где мельче — ужасно глупо было бы свалиться с ног и утонуть в шести футах от суши,— и ступаю на то, что, несомненно, является мягким белым песком, но ощущение такое, что под

ногами бетонное шоссе и оно качается, как во время сильнейшего землетрясения. Взгляд мой мечется, глаза вращаются, точно шарики в китайском бильярде. Делаю шаг вперед и отпускаю борт «Клеманс». Голова идет кругом. Земля встает дыбом и ударяет меня по коленям. Не успел я бухнуться ничком на песок, как двое крепких парней подхватили меня под руки и поставили на ноги. Приподняв меня за локти, они на руках понесли меня в деревню, ноги мои беспомощно волочатся по земле, и я не иду, а только перебираю ими в воздухе. Минуем маленькие домики с жестяными стенами, украшенные аккуратным ярко выписанным пряничным орнаментом. Повсюду виднеются рыболовные снасти. Из-под ног с кудахтанием разбегаются цыплята. Проходим под тенистым деревом и вступаем на черную мостовую. За нами следует уже целая свита. На первом же углу стоит высокое желтое здание, украшенное флагами и эмблемами. Мы всходим на его крытое крыльцо, и островитяне усаживают меня на раскладной металлический стул. Говорят они все одновременно на какой-то смеси креольского с французским. Наконец, выяснив мое имя, они начинают куда-то звонить по телефону. На минуту меня оставляют в покое.

У крыльца толпится человек сто народу. Я смотрю на них и не верю своим глазам. Все позади. Эта новость оглушила меня, как удар дубиной. Со всех сторон на меня смотрят человеческие глаза: удивленные, встревоженные, влажные от слез... У меня тоже наворачиваются на глаза слезы, я еле удерживаюсь, чтобы не заплакать. Среди множества рук тянусь к той, которая протягивает мне банку ледяного имбирного пива. Эти люди со мной незнакомы. Мы даже говорим на разных языках. Откуда им знать, чего стоил мне каждый шаг сквозь весь этот ад? И все-таки меня захлестывает чувство нашей общности. В этот миг мы видим жизнь одинаково. В их глазах я читаю отражение своей судьбы. Различны наши жизненные пути, но суть нашей жизни одна и та же.

Я не в состоянии оглянуться назад. Там, на дне «Клеманс», остались лежать мои друзья. Я никогда не забуду, как они взлетали из моря в руки рыбаков, не забуду мощь и красоту их блистающего полета.

А где-то далеко от этого пляжа, в прозрачной голубой воде, две изумрудно-зеленые дорады ищут сейчас, наверное, новую стаю, с которой они продолжают свой путь, и поведают им легенду о том, как простые рыбы открыли человеку непростую тайну, скрытую в каждом мгновении бытия.

ТОЛЬКО ЧЕЛОВЕК

*ВПЕРЕДИ ОТКРЫЛАСЬ
НЕ КРОМКА ДАЛЕКОГО ОСТРОВА,
КАК Я ДУМАЛ ВЧЕРА.
Я НЕ ВЕРЮ СВОИМ ГЛАЗАМ — ТАК РОСКОШНА
ПАНОРАМА, РАЗВЕРНУВШАЯСЯ
ПЕРЕД МОИМ ВЗОРОМ.*

К ДОМУ ПОДЪЕЗЖАЕТ И ТОРМОЗИТ У КРЫЛЬЦА микроавтобус. Местный констебль и еще несколько человек помогают мне забраться внутрь, и мы катим на наветренную сторону острова. Мои спутники полны дружелюбия и разговорчивы, но я ничего не понимаю из того, что они говорят. Один жестами показывает, чтобы я еще выпил пива, а я не знаю, как объяснить ему, что за последние двенадцать часов выпил больше жидкости, чем обычно потреблял на плоту за неделю. Остается только делать успокоительные жесты, приговаривая при этом: «Не спеши, не спеши!» Он кивает. Впрочем, мне доставляет истинное наслаждение держать в руках холодную, запотевшую банку.

Рельеф острова Мари-Галант довольно плоский. Мы едем мимо обширных полей сахарного тростника. В пути нам попадаются доверху груженные тростником воловьши упряжки. Не перестаю изумляться, как остро я чувствую запахи скошенных трав, цветов, автобуса. Мои нервные окончания будто подключены к усилителю. Зеленые поля, оранжевые и розовые придорожные цветы — все налиты цветом, от ярких красок даже рябит в глазах. На меня обрушилась целая лавина раздражителей.

Въезжаем в городок и заруливаем на автостоянку центральной больницы. Из ее белых шлакоблочных корпусов высыпает целая толпа чернокожих сестер и санитарок в белоснежной униформе, которые, оглядев меня, снова скрываются. Некоторые собираются кучками и болтают. Из открытых окон высовываются поглазеть любопытные. Со ступенек спускается белый мужчина и приближается к нашему микроавтобусу. Он произносит по-английски: «Я доктор Делланой. На что жалуетесь?»

Ну, как тут на моем месте поточнее ответить? Говорю ему: «Я голоден». Сначала все растерялись, не зная, как со мной поступить. Очевидно, что безотлагательная помощь мне не требуется. Объясняю доктору, что я семьдесят шесть дней провел в дрейфе по океану и что организм мой обезвожен, истощен и ослаблен, но в остальном у меня все в порядке. Подумав, он все-таки решает положить меня в больницу и отдает распоряжение, чтобы принесли носилки. Носилки вроде бы ни к чему, но меня все же заставляют улечься. Меня внесли наверх, но дальше дело пошло хуже — в узких коридо-

рах носильщикам со мной никак не развернуться,— и я убедил их, что могу идти сам. Я настолько привык к качке, что мне трудно ходить по ровному полу. Поддерживаемый носильщиками, преодолеваю открытую галерею и вхожу в больничную палату. Меня усаживают на кровать, а мой мешок кладут рядом на пол. На соседней койке лежит старик с капельницей. Он приподнимается, и мы улыбаемся друг другу.

Приходит доктор Делланой и обсуждает со мной состояние моего здоровья. Кровяное давление у меня в норме. Но я похудел примерно на 44 фунта, что составляет приблизительно одну треть моего прежнего веса.

— Мы назначим вам внутривенное вливание и введем немного антибиотиков, чтобы залечить язвы,— объявляет доктор. В таком состоянии вы некоторое время не сможете принимать обычную пищу.

— Погодите, погодите! — прерываю я его в ужасе.— Почему это?

— Желудок у вас уменьшился. Включать сразу в рацион твердую пищу может быть очень опасно.

С отчаянной торопливостью я принимаюсь доказывать, что хотя я и тощ как скелет, но во время странствия на плоту все время следил за тем, чтобы регулярно принимать пищу. Я бы с удовольствием дал ему попробовать рыбных палочек, но, к сожалению, все они остались на плоту, а где сейчас находится моя бедная «Уточка», я и сам не знаю. Постельный режим и уколы меня тоже совсем не устраивают.

— Может быть, все-таки лучше, если через рот?

— Ну, хорошо. Поживем — увидим. Но антибиотики мы вам все-таки назначим, хотя бы в таблетках,— говорит доктор и удаляется.

Появляется белая санитарка, пухленькая и невероятно жизнерадостная, с розовыми щечками и стрекочущим французским говорком. Наморщив нос, она стягивает с меня майку и самодельный подгузник и, брезгливо взяв их двумя пальчиками, уносит в дальний угол палаты. Смешно. Я не чувствую абсолютно никакого запаха, за исключением ее собственного — она благоухает чистотой. Установив рядом с кроватью фарфоровый таз, наполненный теплой водой, она принимается меня отмывать. Мои болячки ужасно чувствительны к при-

косновению тряпичной мочалки, но трет она меня, хотя и усердно, но насколько возможно деликатно; после того как она досуха обтирает меня полотенцем, я немедленно испытываю великое облегчение. Щebetание ее не прерывается ни на секунду. В палату то и дело забегают другие больничные сиделки и о чем-то заговаривают с моей банщицей, со стариком и со мной. В жизни не видывал такой оживленной больницы.

С того момента, как я ступил на сушу, завод мой начал постепенно иссякать. Впервые за два с половиной месяца меня отпускают тиски страхов и опасений. Мне ничего больше не нужно делать и нечего больше хотеть. Наступает полный покой. Я будто уплываю по его мягким волнам. Мой светловолосый ангел заканчивает свою работу и выпархивает из палаты.

Вытягиваюсь на чистых и сухих простынях. Не могу припомнить, чтобы когда-либо раньше я переживал подобное ощущение, хотя и подозреваю, что нечто подобное было при моем рождении на свет. Ведь сейчас я опять беспомощен как младенец и все мои ощущения так яркие, как будто я впервые начинаю видеть, слышать, осязать. Воистину, рай возможен и на земле!

Вскоре ко мне приходит парнишка с подносом, заставленным всяческими яствами. Он наливает мне большой стакан воды. Глядя на это, я в первый миг не могу поверить своим глазам. Стакан воды! Такая обыкновенная вещь, такая обыкновенная драгоценность. На подносе разложены большой кусок французского хлеба, фаршированная тыква, какие-то незнакомые овощи, ростбиф, ветчина, ямс, а в уголке — подумать только! — ломтик соленой рыбы. Я чуть не расхохотался, но съел все до последней крошки. Теперь уже всякий, кто заглядывает в палату, не верит своим глазам при виде пустого подноса и с изумлением меня рассматривает.

Мне дают антибиотики и парочку сильных успокоительных таблеток и велят спать. Спать! Конечно же спать! Я, кажется, готов проспать несколько дней напролет!

Внезапно комната наполняется людьми, одетыми в мундиры, меня засыпают вопросами. У них уже другая форма, чем была на полицейских, которые доставили меня в больницу. Оказывается, что эти из жандармерии. Посреди нашего продолжительного собеседования меня

вдруг вызывают к телефону. Санитар снова катит меня по галерее и привозит во врачебный кабинет, одно из немногих помещений этой больницы, где установлен телефон. Позвонил мистер Дуайер, консул США на Мартинике, который поздравляет меня с прибытием на остров, заверяет, что мне не грозят никакие осложнения из-за отсутствия паспорта, и обещает мне всяческую помощь и содействие. Да, известие о моем прибытии распространяется с невероятной быстротой. Я такой сонный, что еле соображаю во время разговора. Но в палате меня еще поджидают чиновники, и надо отвечать на их вопросы. Наконец они уходят и оставляют меня в покое. С соседней койки дружески улыбается старик. С кухни в нижнем этаже здания доносится звон посуды. Легкое дуновение ветерка пробегает по лицу. Чудесный баритон поет негритянский спиричуэл, и под его пение я незаметно уплываю в царство грез.

Через - несколько часов я просыпаюсь, мне хорошо и спокойно. В комнату застенчиво входит какой-то человек в штатском и присаживается у моей кровати. Он тоже чем-то похож на египтянина. Широко улыбаясь, он выговаривает несколько коротких фраз по-английски. Я узнаю, что его зовут Маттиас, у него есть радиопередатчик и он владелец отеля. Если я захочу, то могу у него поселиться. Он спрашивает, какие у меня здесь есть вещи, а когда я указываю ему на свой мешок и ветхую вонючую майку в углу, просит меня немного обождать — словно я собираюсь куда-то уходить — и исчезает примерно на час.

Я подтягиваюсь, принимаю сидячее положение и, держась за спинку кровати, потихоньку встаю на ноги. Старик-сосед наблюдает, как я, пошатываясь, хожу из угла в угол, напрягая подгибающиеся колени. Мы дружески беседуем, хотя и не понимаем друг друга.

Возвращается Маттиас и протягивает мне целый комплект разноцветной одежды: голубые брюки, ярко-красные шорты, сандалии и новенькую майку с изображенной на ней картой острова Мари-Галант. Здесь же и флакончик одеколona. Наверное, от меня и в самом деле разит. Щедрость этих людей глубоко меня трогает. За дверь палаты собралась целая компания островитян, пришедших на меня посмотреть. Они терпеливо ждут, сидя на скамейках или прислонившись к перилам

галереи. Я никого не знаю на этом острове, а чувствую себя долгожданным гостем, меня здесь встречают как родного брата.

Я уже несколько раз вставал, опираясь о спинку кровати, и держусь на ногах уже гораздо увереннее. Следующая прогулка — к двери, которая никогда не закрывается. Спотыкаясь и подпрыгивая, достигаю ее в два приема. Затем, крепко держась за перила, иду вдоль открытой галереи. Дует легкий бриз, шелестят кроны пальм, воздух напоен сладостными ароматами. На каждый шаг мне требуется не меньше минуты, но я ведь и не спешу. Медицинский персонал издала наблюдает за мной, но не вмешивается. До чего же хорошо, что я угодил не в душное, стерильное, чопорное американское заведение! По галерее прогуливаются пациенты и посетители, мы прекрасно объясняемся с помощью языка жестов да нескольких французских и английских слов — ведь главное не слова, а то, что они выражают. Я не могу надивиться на бодрый и веселый вид большинства этих людей.

К вечеру пассат свежеет и становится попрохладней. Я одеваюсь. Несмотря на усталость, мне не терпится поскорее выбраться в город. Здесьшний анестезиолог Мишель Монтерно, прослышав обо мне, пригласила меня к себе на обед, хотя мы никогда не встречались с нею раньше. Приезжает Маттиас в компании двух молодых французов и одной француженки. Они представляются: Андре Монтерно, муж нашей докторши Мишель, и еще один Мишель со своей подружкой Нану. На всякий случай они прихватили с собой огромную корзину со снедью: а вдруг я буду не в состоянии отправиться к ним в гости. Нет-нет, напротив, я дожидаться не могу этого выезда! Думаю, что 100 футов открытой площадки до машины Маттиаса я одолею и сам. Меня шатает как пьяного, боюсь, что я вообще похож на пьяного, потому что не перестая истерически хохотать. Наверное, меня опьяняет сознание, что я жив, несмотря ни на что!

Сначала мы едем в отель Маттиаса, откуда я делаю несколько телефонных звонков. Дозваниваюсь я и до родительского дома. Трубку берет мой брат Эд. «Ты-то что там делаешь?» — спрашиваю его с удивлением. Он шуточно отвечает: «Пытаюсь вычислить, где тебя чер-

ти носили». Похоже, что они там уже давным-давно все знают. И действительно, о моем прибытии на Мари-Галант они узнали даже раньше, чем местные власти. Оказывается, в толпе, сопровождавшей меня от пляжа, был и Маттиас, который при помощи своей коротковолновой станции тут же связался со своим живущим на Гваделупе другом Фредди. У Фредди есть усилитель, и он повторил в эфире полученное известие. Его принял человек по имени Морис Бриан, рыбачивший у флоридского побережья. Он поспешил к телефону и позвонил моим родителям менее чем через час после того, как я вступил на твердую почву. Несколько дней мне никак не верилось в возможность такой дальней связи в коротковолновом диапазоне, но факт остается фактом. Однако родителей я не застал: они отправились покупать для меня одежду, а для себя авиабилеты, чтобы лететь за мной на остров. Но тут я чувствую, что силы мои на исходе, а так как в ближайшие дни события скорее всего будут развиваться в еще более лихорадочном темпе и мне не хочется в своем нынешнем виде показываться на глаза родителям, я прошу брата, чтобы он уговорил их немного повременить с отъездом. Сейчас нечего пороть горячку, я нахожусь тут в целости и сохранности. Я рассуждаю так, еще не зная всего, что они пережили, пытаюсь меня разыскать. Мой брат, оказавшийся меж двух огней, говорит мне, что постарается удержать родителей, хотя они готовы лететь хоть сейчас, если только подвернется возможность.

В «Ле Салю», отель Маттиаса, я вернусь завтра. А сегодня иду пировать к супругам Монтерно. Оказывается, один из моих новых знакомцев, Мишель, служит на этом острове таможенным агентом, и мы с ним весело смеемся над моим неуклюжим способом контрабандного ввоза плотов на Мари-Галант. Ночевать я остаюсь у своих гостеприимных хозяев. Проснувшись утром, бросаю взгляд в зеркало. Боже мой! Кто это? Физиономия из «Робинзона Крузо». Всклокоченные длинные волосы, выцветшие на солнце, глубоко запавшие глаза, коричневая кожа, обтягивающая кости, косматая борода. Мишель Монтерно дарит мне зубную щетку, и она вызывает во рту странное и непривычное ощущение. Но еще более странно то, что зубы мои отнюдь не покрыты шершавым и склизким налетом, а напротив, изуми-

тельно чисты. Интересно, что скажет по этому поводу мой дантист?

Андре отвозит меня в больницу, чтобы забрать вещи. Едва войдя в палату, я с порога чую зловоние дохлой рыбы. Мой мешок действительно смердит. Майку мою кто-то уже прибрал — несомненно, в ближайший мусорный бачок. Медсестра еще раз измеряет мне давление. Затем я выписываюсь и выхожу за ворота больницы в мир, чувствуя себя узником, вырвавшимся из тюрьмы на волю.

Маттиас доставляет меня к себе в отель и знакомит со своей подружкой Мари, которая неплохо говорит по-английски. Во все время моего у них пребывания они относятся ко мне очень добросердечно и никогда не чинят мне преград в поглощении огромных количеств креольских деликатесов. Я всех просто изумляю своей прозорливостью.

Вечерним рейсом на остров прибывают мои родители. Свидание после целого года разлуки: мама обливается слезами, отец держится стойко, а я улыбаюсь во весь рот. Где только меня не носило, сколько воды утекло за этот год! Но для них я все тот же — пускай отошавший — сынок, который наконец-то вернулся из странствий.

Честно говоря, меня удивляет поднявшаяся вокруг меня шумиха. За двадцать четыре часа мне пришлось дать телефонные интервью английским, канадским и американским репортерам. На мое имя поступают телеграммы. У меня берут показания французская и американская береговые охраны, потом опять полиция, а потом меня снимают вместе с ее любезным шефом. Компания Си-би-эс направляет ко мне свою команду из Флориды. «Нэшнл инкуайер» запрашивает у меня исключительное право на публикацию. Иметь с ними дело я вообще отказываюсь, но это их не останавливает. Они сочиняют фантастическую историю о том, как я глядел в «горящие янтарные глаза» кита, который «ревел так, как может реветь только сам океан», и мощными ударами крушил мою яхту. Я еще ни разу не встречал кита с янтарными глазами, и ни от одного из них я не слышал пока не то что рева, но даже слабого похрюкивания.

Каждую свободную минуту я использую, чтобы побольше ходить. Спустя несколько дней я уже способен осилить

Проснувшись поутру, бросаю взгляд в зеркало.
Боже мой! Кто это?

сотню ярдов. У меня так опухают ноги, как будто я болен слоновой болезнью. Местный доктор господин Лаше навещает меня каждый день. На мою удачу он уже имел дело с голодающими в Африке и хорошо знает, чего сле-

дует ожидать в подобных случаях. Сделав анализы, он определил у меня повышенный уровень натрия, пониженный калия и впридачу приличную анемию. Мой организм плохо выводит жидкость, и ноги сильно отекают. Начинаю принимать таблетки.

Я подолгу просиживаю за едой, неторопливо насылаюсь и гуляю по острову. Меня все приводит в восторг, и от возбуждения я плохо сплю. Просыпаюсь на рассвете и начинаю терзаться от нетерпения, как бы мне поскорее насладиться зрелищем окружающего мира. Вместо того чтобы хорошенько отдохнуть, я довожу себя до переутомления и становлюсь капризным. Я понимаю, что все вокруг хотят мне помочь, но чувствую, что теряю свою независимость. Меня подавляет их забота, и скоро мое раздражение начинает передаваться окружающим.

Родители уговаривают меня лететь с ними домой, мне надо отдыхать и лечиться. Я не соглашаюсь — не хочу, чтобы меня нянчили, как больного. Я хочу остаться здесь, а когда поправлюсь, — добраться на попутном судне до Антигуа; там я заберу скопившуюся почту и уж тогда вернусь в Мэн.

За несколько дней я завожу на Мари-Галант массу новых знакомств. Двери бара и ресторана отеля «Ле Салю» открыты для всех желающих, и люди часто заходят сюда поболтать. Регулярно появляются здесь и те рыбаки, что подобрали меня на плоту. Живут они не тут, а на Гваделупе. В тот день, когда они доставили меня на остров, они успели еще свезти свой улов домой и распродать его поздно вечером. Мне бы хотелось еще раз выйти в море на их лодке, может быть, даже сходить на рыбалку, но это никак не удастся устроить. Прогулки мои удлиняются. Куда бы я ни забрел, везде меня останавливают островитяне, заывают в гости или обступают толпой прямо посреди улицы. С теми из них, с кем я могу поговорить, мы подшучиваем над моей безошибочно составленной чисто рыбной диетой. Из установленных вдоль тротуаров колонок детишки наполняют водой цилиндрической формы канистры и катят их домой, подталкивая ногами. Я чувствую себя легко и непринужденно как дома. Народ этого острова усыновил меня.

Кое-кто вздумал величать меня *суперрыбаком* или даже *суперменом*. Пробую растолковать им, что в те-

чение всего дрейфа я не прекращал борьбу за жизнь не потому, что был героем, а потому, что это было для меня самым легким решением — легче, чем смерть. Однажды меня удостаивает визитом местный колдун. Выпучив глаза, он пялится мне в лицо. Потом нараспев бормочет какие-то слова, чем-то трясет и с любопытством глядит на меня на прощание. После его ухода Маттиас сообщает мне, кто это такой, и объясняет, что он произнес заклинание, чтобы я скорее выздоравливал.

На следующий день у меня начинаются дикие колики в желудке, жутко подсакивает температура и появляется затяжной понос. Грешным делом, я даже думаю, что радовался напрасно, а теперь наступил мой конец. Прошу Маттиаса ничего не рассказывать колдуну об этом моем «выздоровлении». Креольская кухня, спору нет, великолепна, но все кушанья слишком щедро приправляются специями. Доктора Лаше и Делланой сходятся во мнении, что мне необходимо пока воздержаться от красного перца. Это классический пример того, к чему приводят излишняя поспешность и невоздержанность. Четыре или пять дней мне приходится действительно тяжело, но я медленно выкарабкиваюсь благодаря хорошим врачам, родителям, Маттиасу и Мари.

Наконец я достаточно оправился для того, чтобы опять начать передвигаться на собственных ногах. Я провел на острове десять дней и чувствую, что загостился. Я познакомился тут с несколькими яхтсменами. Об одном из них, Нике Кейге, я слышал раньше, хотя мы с ним никогда не встречались; он согласился переправить меня на Гваделупу на своей яхте «Три ноги». Родители довольно спокойно отнеслись к моему решению. Они помогают мне упаковаться, снабжают деньгами и съестными припасами и не пытаются удерживать. Когда все готово, я ковляю к бетонному пирсу, что по соседству с пляжем, куда нас с «Уточкой» доставила рыбацкая лодка «Клеманс», и сажусь в резиновую динги, которая должна перевезти меня на яхту. Машу на прощание своим многочисленным друзьям-островитянам. Мы отчаливаем, и с этой минуты я вновь вступаю в реальную жизнь. Команда поднимает парус, яхта разворачивается в сторону Гваделупы, и гостеприимный остров исчезает вдали.

ЭПИЛОГ

Потребовалось шесть недель на то, чтобы мое физическое состояние пришло в норму и восстановилась функциональная деятельность организма. Почти все язвы зажили, пока я находился на острове. Ко дню отплытия я уже прибавил в весе фунтов пятнадцать — правда, в основном за счет воды в ногах и жира в кишечнике. Отеки на ногах через шесть недель спали настолько, что я опять смог носить обувь, и вес к этому времени тоже окончательно нормализовался. Через несколько месяцев у меня началось сильное выпадение волос, и продолжалось это два месяца. Многочисленные рубцы на ногах исчезли только на следующий год. Сейчас у меня почти не осталось следов пережитого приключения — мелкие шрамы да еще слепое пятно в глазу, появившееся после удара полипропиленовым концом. Возможно, существуют еще какие-либо скрытые внутренние повреждения, но пока они не дают о себе знать. Однако обмен веществ в моем организме изменился очень заметно. До этого плавания мне требовалось трехразовое обильное питание. Сейчас я ем не чаще двух раз в день, а зачастую — вообще только один раз, плюс еще бутерброд-другой. Вес мой при этом держится на одном и том же уровне.

С самого начала моей одиссеи мне только однажды приснился сон, связанный с жизнью на плоту, и с тех пор у меня никогда не бывает навязчивых кошмаров.

Что я вынес из этого плавания? Окрепла моя вера в безразличие морской стихии, в относительность понятий добра и зла и всех человеческих ценностей, в равенство всех творений Божьих и в собственную мою незна-

чительность. Но я также понял, что достижение поставленных целей само по себе еще не дает удовлетворения — для этого необходимо поделиться с другими людьми. Кроме того, я увидел, что жизненные парадоксы — вещь совершенно обычная, что, принимая решение, часто оказываешься перед дилеммой, хотя, как правило, эти дилеммы редко носят столь роковой характер, как в экстремальной ситуации, когда речь идет о жизни и смерти. Важнее всего, наверное, что, столкнувшись с голодом и жаждой, испытав на собственном опыте жестокие лишения и отчаяние, я научился по-настоящему сочувствовать тем миллионам земных обитателей, которые не знают в своей жизни ничего иного.

Эта катастрофа вызвала у меня чувство утраты и долго поселила страх в моей душе, но я решил не поддаваться страху и извлек для себя полезный урок. Каждый человек может считать удачей, если ему за всю жизнь только однажды выпадет серьезное испытание.

Когда на меня нападает отчаяние, когда я чувствую себя одиноким и брошенным, я утешаюсь молчаливым присутствием других людей, которым пришлось претерпеть большие страдания и которые сумели их пережить.

**НЕКОТОРЫЕ НЕМЕТРИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ,
ПРИМЕНЯЕМЫЕ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАНАХ**

Длина

дюйм	25,4 мм
лига	5556 м
миля законная	1609 м
морская миля	1852 м
морская сажень	1,83 м
фут	30,48 см
ярд	91,44 см

Масса

унция	28,35 г
фунт	454 г

Объем

галлон	3,79 л
пинта	0,47 л
унция	29,57 мл

Скорость

узел	1 м. миля/ч
------	-------------

2 руб.

В ДРЕЙФЕ

В ночь на 19 января 1982 г. Стивен Каллахэн поднял паруса на своей небольшой яхте, направляясь с Канарских островов в Карибское море. Так было положено начало самому удивительному плаванию нашего столетия, ставшему одним из величайших морских приключений всех времен.

Шесть дней спустя его яхта затонула, и Каллахэн оказался посреди Атлантики на дрейфующем по воле волн и ветров надувном плоту диаметром чуть более полутора метров, имея с собой лишь около килограмма продовольствия и четырех литров пресной воды.

Эта книга — завораживающий рассказ автора, единственного в истории мореплавания человека, прошедшего в одиночестве на дрейфующем по океану плоту более двух месяцев и сумевшего выжить.

Это история страха и отчаяния, героизма и надежды...

История странника, познавшего мрачные бездны мироздания и человеческой души — и вернувшегося оттуда, чтобы поведать о своих необыкновенных приключениях.

Гидрометеоздат 1990